

ГЛАСНЫЕ: НЕ БЕЛЫЕ, НЕ КРАСНЫЕ

**Петропавловская городская Дума — первый опыт
местного самоуправления на Камчатке**

О нынешней городской Думе наслышаны все. Однако мало кто знает, что у нее была предшественница, и действовала она в эпоху революционных потрясений и гражданского противостояния, с 1917 по 1922 г.

Если предаются забвению явления такого рода, то это происходит не случайно. Петропавловская городская Дума тех лет почти не упоминается в советских изданиях, а если и упоминается, то обязательно с клеймом «контрреволюционная буржуазная». Трагичны и судьбы ее депутатов, которых тогда именовали гласными...

Когда пятнадцать лет назад я прикоснулся к этой теме, то не представлял в полной мере ее трудоемкости. Сведения отрывочны, искажены, мало первоисточников. Такое ощущение, что кто-то позаботился, чтобы мы как можно хуже знали свое прошлое.

ПЕРВАЯ ДУМА

В конце июля 1917 г. в разгар Первого Камчатского областного съезда из столицы поступил циркуляр в адрес местных властей. В нем значилось: «Постановлением Временного Правительства в Петропавловске-на-Камчатке введено городское положение. Подлежит немедленно озаботиться производством выборов гласных Городской Думы, возложив распорядительные по выборам действия на временный городской комитет или на специально образованную комиссию...»

Число гласных определялось в двадцать человек. В случае отсутствия средств на проведение выборов, местные власти могли получить от центра возвратную ссуду, причем с обязательным внесением ее в первую городскую смету.

30 июля 1917 г. общее собрание граждан Петропавловска образовало избирательную комиссию из девяти человек во главе с Н. Д. Голубецким. Располагалась она по месту службы ее руководителя, в помещении агентства Добровольного флота — судоходной компании, осуществлявшей регулярные грузопассажирские перевозки по линии Владивосток — Петропавловск.

В комиссию вошли представители разных слоев населения: крестьянин, рыбак, судья, торговец... Среди членов избирательной комиссии оказался даже солдат-отпускник И. Е. Ларин, вступивший во время службы на материке в РСДРП(б) и являвшийся единственным в тот момент большевиком на Камчатке.

Составляя списки избирателей, члены комиссии в два дня обошли город, насчитывавший до двухсот пятидесяти домов. Отлучившиеся в это время из города должны были «оставить в квартире сведения о своем имени, отчестве, фамилии и возрасте».

При населении Петропавловска около 1 200 человек комиссия зарегистрировала 552 избирателя. Их списки она выставила на всеобщее обозрение в двух местах: возле своей штаб-квартиры и в Народном доме — на предмет уточнения. На ошибки или пропуски в тексте в течение пяти дней комиссии могли указать как избиратели, так и представители власти.

Избирательным правом пользовались граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий не моложе двадцати лет, проживающие в Петропавловске, либо имеющие иные, связанные с городом, определенные занятия. Поначалу к выборам не допускались представители административной власти и милиции, но затем из центра поступило разъяснение, что сей пункт положения о выборах отменен. Не разрешалось принимать участие в голосовании сумасшедшим, глухонемым, а также приговоренным судом к наказаниям, которыми предусмотрено лишение или ограничение прав состояния в течение трех лет по отбытии ими наказания.

Данный срок снижался до одного года для осужденных за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку или принятие в заклад в виде промысла заведомо краденого или полученного через обман имущества. К этой же категории закон причислял лиц, отбывших наказание за подлог, ростовщичество, лихоимство и лихоительство. От участия в выборах освобождались содержатели домов терпимости.

Что касается списков кандидатов в гласные, то подавать их имели право группы, состоящие не менее чем из десяти человек. За день до выборов таких списков было два: № 1 от только что образованного Союза рабочих, а также демократов и № 2 «группы местных граждан».

В каждом из этих списков насчитывалось по семнадцать человек. Среди кандидатов были руководители Областного комитета А. А. Пурин и П. Я. Суслык, комиссар области К. П. Лавров, товарищ (заместитель) комиссара И. Ф. Голованов, председатель Союза рабочих П. Я. Румянцев со своим помощником В. А. Тимонькиным, глава избирательной комиссии Н. Д. Голубецкий. В кандидаты попал также коллежский асессор А. М. Пименов, занимавший до Февральской революции должность помощника Петропавловского уездного начальника.

Опубликовав 3 сентября 1917 г. оба списка, местная газета «Камчатский листок» призвала избирателей отдать свои голоса за список № 1. В том же номере газеты печаталось обращение этой группы к горожанам.

В нем, в частности, говорилось: «Городу нужен дельный хозяин, нужна дельная, работоспособная городская дума, заботящаяся об улучшении жиз-

ни труженников. В нашем списке № 1 представлены интересы всего городского населения; наши кандидаты будут в думе заботиться об улучшении и развитии городского хозяйства на демократических началах...»

За несколько дней до выборов, в соответствии со статьей 15 Временных правил, избирательный комитет предложил направить для работы в его составе по одному представителю от каждой группы, выдвинувшей кандидатов в гласные.

7 сентября 1917 г. «Камчатский листок» выступил с призывом не относиться безучастно к выборам. «Это ваше насущное дело, ваша забота, — писала единственная на Камчатке газета, — не думайте, что кто-то за вас все сделает, как это было при старом режиме... Спешите все получить избирательные карточки и конверты от комиссии по выборам».

Первые в истории края выборы в органы местного самоуправления проходили в воскресенье 10 сентября 1917 г. с девяти утра до девяти вечера в бывшем губернаторском доме. Процедура их была такова: горожанин проходил к месту голосования с избирательной запиской, то есть бюллетенем по-нынешнему (бланки раздавались до выборов), где им уже был помечен номер кандидатского списка, которому он отдал предпочтение. Впрочем, сделать эту пометку он мог и на участке. Избирательная записка в запечатанном конверте вручалась председателю комиссии; тот, проверив наличие печати Областного комитета, опускал конверт в присутствии избирателя в специальный ящик.

Незаполненные записки, а также написанные неразборчивым почерком или подписанные избирателем (вместо того, чтобы поставить лишь номер предпочтенного им списка), или с перечислением желательных кандидатов, считались недействительными. В расчет не принимались голоса, поданные за оба списка.

Предвыборная агитация, «выражающаяся вывешиванием воззваний, раздачею брошюр, плакатов, произнесений речей и т. п.» у входа и на самом избирательном участке во время голосования запрещались. Газета же «Камчатский листок» в день выборов вышла с большим — во всю первую полосу — заголовком: «Голосуйте только за список № 2!!!», то есть за кандидатов группы местных жителей.

Подсчет конвертов с записками и поданных голосов производился в понедельник, 11 сентября. При вскрытии ящиков для голосования присутствовали все изъявившие желание граждане.

Результаты этих выборов, однако, так и не стали достоянием гласности. Спустя десять дней Петропавловский окружной суд их кассировал, то есть отменил по протесту областного комиссара в связи с нарушением избирательной комиссией одной из статей «Временных правил о выборах». Теперь надо было начинать все с начала: составлять списки избирателей и кандидатов в гласные, проводить агитацию...

Повторные выборы были назначены на 5 ноября 1917 г. При втором голосовании задача избирателей усложнялась. Если в сентябре им предстояло выбрать один из двух списков, то теперь — из пяти. Три списка подали местные жители, один — Второе Петропавловское общество потребителей, Рабочий Союз и демократические группы и еще один — камчатская воинская команда.

Фамилии некоторых кандидатов в гласные фигурировали в нескольких списках: во всех пяти — Николая Дмитриевича Голубецкого и владельца магазина Деушева, в четырех — приехавшего на Камчатку между выборами Александра Яковлевича Эггенберга...

На сей раз выборы в Петропавловскую городскую Думу (ПГД) состоялись. Город получил местное самоуправление из двадцати гласных. Председателем ПГД стал А. Я. Эггенберг, городским головой Н. Д. Голубецкий.

Александр Яковлевич Эггенберг являлся податным инспектором. Николай Дмитриевич Голубецкий в 1920-е гг., уже при советской власти, работал на Командорских пушных промыслах и, по отзывам начальства, неплохо: «Не за страх, а за совесть, со временем не считается, иногда прихватывает от вечеров и праздников».

Н. Д. Голубецкий «вызывал уважение аккуратностью, прилежанием и знанием счетоводческого дела». Оба они — Эггенберг и Голубецкий — в свое время выехали (один раньше, другой позже) на материк. Кстати, Голубецкий избирался городским головой трижды — в 1917, 1918 и 1919 гг.

Прошло немногим более месяца после выборов, как в местную воинскую команду прибыло пополнение («Красная сотня») и с ним член РСДРП(б) Иван Емельянович Ларин. Заручившись поддержкой Рабочего союза, Ларин с помощью другого солдата-большевика А. Олейника организовал городской Совет солдатских и рабочих депутатов. Председателем Совета стал И. Е. Ларин (на Камчатке с 1908 г., основная профессия — слесарь).

Тем временем в Петропавловске окончательно оформилась система местного самоуправления. У городской Думы возник рабочий орган — городская Управа. Руководил ею городской голова. С появлением Управы упразднялась комиссия по благоустройству города, которая была образована летом 1917 г. после публикации в местной газете следующего сообщения:

«В городе за последнее время свободно днем и ночью разгуливают лошади, все бы хорошо, если б эти лошади не портили огородов. Этими лошадьми в ночь на 14 июля уничтожено три огорода. На хозяев этих лошадей подаются жалобы за причиненные убытки. Господа хозяева лошадей, пощадите огороды. Вы сами знаете, как трудно на Камчатке иметь огородные овощи».

Тогда же, летом, в городе велись речи о том, как бы поправить тротуары и развесить по столбам фонари «Солнце», ведь стеклянные колпаки к ним уже привезены из Петрограда.

Председателем комиссии по благоустройству был А. М. Пименов, делавший от ее имени «объявления для всеобщего сведения». Так, одно из них в конце июля (примерно в одно время с известием о выборах первой ПГД) гласило: в здании уездного комиссара производятся торги «на сдачу в арендное пользование летом 1917 г. городских покосных площадей».

Теперь же все городское хозяйство переходило в ведение Петропавловского самоуправления. В декабре 1917 г. городская Управа, что разместилась в доме бывшего губернатора, обратилась с просьбой к домовладельцам и лицам, не уплатившим городские повинности за истекший год, чтобы они «поспешили внести таковые к 1-му января 1918».

Первый день нового 1918 г. ознаменовался митингом сторонников Совета солдатских и рабочих депутатов. На нем Совет объявил себя высшей политической властью в Петропавловске.

Дума предложила Совету разграничить функции. 10 января Областной комитет принял соответствующее постановление: «В случае разногласий между Советом и Городской Думой, окончательное решение таковых решений принадлежит Камчатскому Облкому», который, как орган, избранный демократическим путем на Первом съезде Камчатской области, продолжал осуществлять высшую власть в пределах Камчатской области.

29 января 1918 г. облком просит городское самоуправление издать обязательное постановление о запрещении стрельбы в Петропавловске и недопущении граждан к пороховому погребу «на расстояние, предусмотренное Законом». Дело в том, что в декабре 1917 г., накануне возникновения Совета, в пороховом погребе произошел взрыв, в результате чего пострадал караульный. После этого ЧП воинская команда, уменьшенная до пятидесяти человек, большая часть которых несла нестроевую службу, наотрез отказалась охранять злополучное место; пришлось нанимать уволившихся в запас.

В феврале 1918 г. городская Управа подала в облком ходатайство о назначении комиссии по осмотру печей в Петропавловском казначействе и ассигновании средств на содержание городского приходского училища. Областной комитет поддержал оба ходатайства.

В состав комиссии по осмотру печей включили председателя горсовета И. Е. Ларина и городского голову Н. Д. Голубецкого. Сумел ли Николай Дмитриевич привлечь к этой работе Ивана Емельяновича, остается невыясненным.

Городская Дума установила на 1918 г. сборы за стоянку коммерческих судов в пределах городских владений (под иностранным флагом — 25, под отечественным — 20 руб.) и сбор больничный с каждого взрослого жителя, а также попудные сборы с вывозимых из Петропавловска на материк и в Японию рыбных (10 коп.) и всех прочих (1 коп.) грузов. ПГД вынесла и такое решение: заготовить 550 сажень дров для нужд городского населения.

Между тем, горсовет категорически настаивал на признании советской власти в России и неукоснительном выполнении всех ее декретов. Положение усугубилось после получения телеграммы К. П. Лаврова, члена Учредительного Собрания от Камчатки, о последних событиях в России.

Председатель облкома А. А. Пурин и городской голова Н. Д. Голубецкий обеспечили этой телеграмме широкую огласку. «Опираясь на вооруженную силу, Совет Народных Комиссаров разогнал Учредительное Собрание, объявил себя единственной властью в стране и приступил к ведению сепаратных переговоров с Германией и ее союзниками. По всей стране разгорелась гражданская война и ныне не прекращается... На защиту Учредительного Собрания встали земские и городские самоуправления, как органы широкого народовластия...»

Опровержение слухов по поводу грядущей национализации денег частных лиц, хранящихся в казначействе, — единственный известный нам документ, под которым стоят подписи обеих противоборствующих сил: облкома и ПГД, с одной стороны, и горсовета, с другой.

Проходящий в с. Завойко (ныне Елизово) волостной съезд с участием представителей облкома и ПГД требует роспуска Совдепа и закрытия его газеты, выходившей с конца февраля 1918 г. Это едва не приводит к вооруженному столкновению между сторонниками и противниками советской власти.

На объединенном заседании Камчатского областного комитета, ПГД и горсовета, где присутствуют также горожане-«общественники», верх берут приерженцы власти Советов.

В ночь на 24 марта 1918 г. ПГД объявляет о самороспуске. Она бездействует три месяца и три недели. Ровно столько же, сколько продержались на Камчатке Советы солдатских и рабочих депутатов «первого призыва», потерявшие весной 1918 г., с упразднением местной воинской команды, главную свою опору.

12 июля 1918 г., сразу же после антисоветского переворота в Петропавловске, члены облкома и гласные Думы собрались для обсуждения неотложных вопросов, связанных с конструкцией власти, соблюдением законности и правопорядка в городе, снабжением населения продовольствием.

Из журнала заседания ПГД от 13 июля 1918 г.: «Принимая во внимание сделанное председателем Союза домовладельцев Колмаковым пожелание граждан ввести в городе упрощенное самоуправление, постановлено: незамедлительно приступить к выборному производству нового состава городского общественного управления, руководствуясь соответствующими правилами...»

О составе временного исполнительного органа в лице Городской Управы. Поручить временно заведовать хозяйством города Городскому Голове

и единогласно избранному гласному Думы И. И. Нигголь (ветеринарный врач. — *В. П.*) и одному представителю от Союза домовладельцев, прося Союз делегировать своего выборного члена (делегирован был бухгалтер Иван Трифионович Новограбленов. — *В. П.*). Означенному составу лиц поручить принять все городское хозяйство от бывшего горсовета и произвести выборное производство нового состава Думы и представительство от города в Камчатский облком. Ввиду того, что охрана порядка в городе, политическая и административная сторона дела находятся в руках Камчатского облкома, функции городского исполнительного органа сводятся исключительно лишь к хозяйственной стороне жизни города».

Многие установления советской власти были отменены, однако — не все. 1 августа городская Управа объявила, что «обязательное постановление бывшего горсовета от 30 мая с. г., относящееся к соблюдению санитарного порядка в городе, сохраняется полностью в силе. Наблюдение за выполнением возлагается на гормилицию».

На сезон 1918 г. ПГД установила уплату за право добычи рыбы в пределах городских угодий по 10 руб. с каждого невода, «независимо от условий лова, т. е. для личной ли исключительно потребности или с целью обработки излишков сырья к вывозу или перепродаже».

В середине августа городской голова Н. Д. Голубецкий на очередном заседании ПГД огласил акт осмотра Народного дома и электростанции. Особую тревогу по части противопожарной безопасности вызывал Народный дом — место проведения массовых мероприятий, в том числе театральных представлений.

Дума поручила гласному А. А. Пурину вновь осмотреть с комиссией и привести в порядок электропроводку, дабы предотвратить возможное возгорание. «Если же в зрительном зале, из-за отсутствия материалов, нельзя переделать электричество, то освещать... керосином». Решено было в дни спектаклей и концертов держать около Народного дома дежурных милиционеров с пожарной машиной и водой.

После закрытия советской газеты в областном центре начал выходить демократический «Камчатский вестник». 21 августа он опубликовал предостережение начальника городской милиции А. П. Токаревского любителям выпить, кои, собираясь на улице, «позволяют себе критиковать распоряжения Областной и Городской администрации».

Главный милиционер Петропавловска поделил вышеуказанных лиц на две категории: просто нетрезвые и агитаторы; первым грозил арест, вторым — высылка за пределы Камчатки без права возврата.

Тем временем, в городе завершалась подготовка к выборам второй ПГД. Они должны были состояться 1 сентября 1918 г.

ВТОРАЯ ДУМА

31 августа 1918 г., за день до выборов новой Думы, боясь, что они сорвутся, «Камчатский вестник» опубликовал редакционную статью с призывом к горожанам отказаться от лености и равнодушия и, дабы Петропавловск был «красивым и цветущим», исполнить всем, как одному, свой гражданский долг. Газета напоминала избирателям, что это их неотъемлемое право — «ставить во главе города людей, облеченных всенародным доверием, людей знания и опыта». В противном случае не будет достойного управления городом, чистых и освещенных улиц.

«Или, может, граждане желают видеть судьбу городского хозяйства в руках полуграмотного, но вечно пьяного владыки павших дней — совдеповского комиссара?» — вопрошал «Камчатский вестник» и предостерегал: «Для народа ленивого и бездеятельного нет места на земле. Громадные богатства, которые мы имеем, не могут лежать втуне, и если мы не хотим вести свое хозяйство, которое могло бы стать прибыльным, за нас это сделают чужестранцы; и хозяйство будет, конечно, прибыльным, только не для нас».

Выборы 2-й ПГД прошли нормально. 15 сентября на ее закрытом заседании сформировалось руководство. При тринадцати голосах «за» и двух «против» Думу возглавил активный участник июльского антисоветского переворота педагог Павел Яковлевич Сусляк. Товарищем, то есть заместителем председателя, стал врач Петр Петрович Рубецкий. В рабочий орган Думы — городскую Управу — вошли (тоже на выборной основе) городской голова Николай Дмитриевич Голубецкий, его заместитель Мечислав Константинович Станчиковский, гласный Василий Иванович Артюхин.

Каждому члену Управы было положено жалование 400 руб. в месяц. При совмещении других должностей эта цифра уменьшалась наполовину. Телеграфное ходатайство перед Временным Сибирским правительством разрешить в порядке исключения Петропавловску выбирать в Управу «совместителей» было возбуждено позднее, в ноябре.

Одним из первых новая Дума приняла постановление о взимании денежного сбора в размере 5 руб. с граждан, достигших двадцати лет, «взамен отбывтия каюрной повинности». Крайний срок уплаты — 15 ноября, после чего «будет приступлено к взысканию через милицию».

Тогда же, в конце октября 1918 г., Областной комитет — высшая власть в области, избранная демократическим путем на Втором областном съезде — и ПГД создают уездную и городскую милицию с новым штатным расписанием: начальник, помощник начальника, секретарь, трое старших милиционеров и двадцать пять младших. В пределах Петропавловского уезда она подчиняется Областному комитету, а в пределах города — местному самоуправлению. Назначить или уволить начальника милиции они могут только

на «соединенном заседании». Вооружают стражей порядка револьверами системы «Наган», шашками и винтовками.

Гласные ПГД воспрещают жителям Петропавловска выпускать скот бродить по улицам, а также объявляют об утрате права владения земельными участками лицами (за исключением призванных на военную службу), которые в течение года не приступали к застройке.

В самой Управе учреждены еще две должности: заведующего техническим отделом и секретаря (вместо писца); оклады, соответственно, 75 и 200 руб.

Дума не выпускает из виду санитарное состояние города, а оно, как и прежде, оставляет желать лучшего. Выполняя поручение гласных, городская Управа возлагает на домовладельцев обязанности по содержанию в исправности тротуаров «против усадеб». На приведение их в надлежащий вид дается две недели. Помимо этого, такой же срок определен для очистки от мусора усадебных пространств и улиц.

Один из пунктов этого обязательного постановления гласил: «Во избежание загрязнения городских усадебных пространств запрещается в городе убой различного рода скота. Для убоя скота предлагается пользоваться городской скотобойней на условиях, выработанных Городской Управой».

Рыболовам надлежало убирать отбросы промысла тотчас по получении таковых. Торговцам съестными припасами вменялось в обязанность содержать в чистоте все свои помещения, а прилавки непременно обтянуть клеенкой или выкрасить белой краской. Постановление распространялось также на владельцев столовых, кофеен и пекарен.

На основе Устава о наказаниях за грязь на улице, бродящий скот, плохое содержание помойных ям и несоблюдение правил о чистоте и опрятности во дворах и торговых помещениях взыскивалось до 15, а за неисправность тротуаров, мостовых, дорог и мостов — до 25 руб.; убой скота в неположенном месте тоже стоил четвертную, но мог быть заменен тремя сутками ареста.

23 октября 1918 г. ПГД рассмотрела вопрос о порядке лова сельди в Ковше (участок акватории современного рыбного порта, ограниченный мысом Сигнальным, сопкой Никольской и набережной порта до завода «Фреза». — *Ред.*). Был разрешен промысел в неограниченном количестве, «без участия наемного труда, с правом продажи излишка» отдельным лицам, трудовым артелям и постоянным жителям Петропавловска. Размер неводов был ограничен сорока печатными саженьями. Иностранным подданным, проживающим в городе, дозволялось ловить рыбу только для личного потребления, они не имели права продавать ее и вывозить. В зону действия думского постановления, помимо Ковша, входил район Авачинской губы от мыса Сигнального «до створных знаков».

10 ноября Дума вновь вернулась к данному вопросу и записала в своем журнале: «Принимая во внимание, что Городской Управой уже выданы че-

тырем артелям, состоящим из японцев и корейцев, разрешения ловить селедку четырьмя неводами, то больше таких же разрешений иностранцам не выдавать. На каждого иностранца, производящего лов селедки по указанным разрешениям, определить норму рыбы для личного потребления до десяти пудов.

Промысловый же излишек, согласно ходатайства японского консула в Петропавловске, изложенного в официальном письме его за № 20, обложить в пользу города по 3 руб. с пуда в виде исключения на текущий сезон, то есть до первого декабря по старому стилю, с тем, чтобы лов селедки после 1-го уловленного излишка при накидке тони был прекращен.

Лица, нарушающие настоящее постановление, будут привлекаться к ответственности по закону от 27 мая 1918 (горсовета. — В. П.). Ширина неводов должна быть не более пяти сажен. Надзор за выполнением сего постановления возложить на чинов милиции».

Первый снег выпал в Петропавловске 28 октября, и в воскресенье 10 ноября, когда проходило очередное заседание Думы, его было достаточно, чтобы некоторые граждане устроили гонки на собаках, причем не стеснялись ездить по тротуарам, не уступая дороги шествующей публике. Сообщая об этом, «Камчатский вестник» добавлял: «Полагаем, что возможно было бы запретить езду на собаках по тротуарам, которые, как и везде, устроены для удобства пешеходов».

При заготовке дров на зиму возникла проблема «размежевания» с Завойкинской волостью. Городской Управе было поручено ходатайствовать перед правительством адмирала А. В. Колчака об отводе городу земель со всеми угодьями, потребными для городского самоуправления, и просить командировать в Петропавловск «специальное лицо для размежевания и указания границ на предмет закрепления за городом его владений».

11 декабря 1918 г. по докладу городского головы о рубке дров в пределах городской черты принимается следующее решение: «Городское Самоуправление имеет в данное время право, впредь до размежевания городских земель, пользоваться для своих нужд территорией... вне всякого вмешательства волости, у которой нет основания считать городскую выгонную площадь отчужденной в частях у волости».

Позднее, в начале февраля 1919 г., городская Управа объявляет о выдаче порубщикам специальных удостоверений. «Не получившие оных привлекаются к ответственности, а дрова конфискуются».

На 1919 г. Дума составила смету в сумме 26 тыс. руб. Доходы планировались от сборов: оценочного, нотариального, аукционного, а также с казенных зданий, торговых документов, сенокосных угодий, рыбных промыслов, шаланд, лошадей, собак, с убоя скота.

ПГД взимала плату за ввозимые и вывозимые из города грузы, использование парходами «городского водного места» в качестве стоянки.

В расходную статью сметы было включено жалование городскому голове — 2 400, двум членам городской Управы — 4 800, секретарю Думы и Управы — 4 800 и технику — 900 руб. Вместе с другими расходами на свое содержание Дума собиралась потратить без малого 14 тыс. руб. Остальные расходы распределялись так: 7 500 — на благоустройство города, 1 800 — на медицинские, санитарные и ветеринарные мероприятия, 1 500 руб. — на приобретение недвижимости. Отчисления в запасной капитал — 400 руб., столько же — пособия Петропавловскому училищу и городской библиотеке.

А вот рыночные цены конца 1918 г. на некоторые товары. Пуд муки первого сорта — 26 руб., фунт (409 граммов) риса — 90 коп., гречки — 40 коп., гороха — 30 коп., сахара — 1 руб. 40 коп., «рыба-сельдь» — 17 коп. за штуку.

Городской голова Н. Д. Голубецкий одновременно руководил Камчатским торгово-промышленным товариществом, которое отпускало со склада «местами» (оптом), за деньги или в обмен на пушнину продовольствие, в том числе муку, масло, рис, чай, гречку, апельсины. Николай Дмитриевич регулярно оповещал об этом горожан, указывая место, куда им следует обращаться — агентство Добровольного флота, где он работал по совместительству.

В первый же день нового 1919 г. всплыла дорожная проблема. Поставил ее в праздничном номере «Камчатского вестника» общественный деятель, агроном И. Ф. Голованов. Он ратовал за прокладку колесной дороги Петропавловск — Сероглазка — Авача, что, по его мнению, не только бы удешевило проезд (чтобы попасть в с. Авача по бухте на катере приходилось платить до 50 руб.) и доставку грузов, но и дало бы возможность поддерживать сообщение между городом и указанными селениями круглый год без перерыва. А это, в свою очередь, оживило бы местную рыбопромышленность и сельскохозяйственное производство. С проведением колесной дороги, соединяющей Петропавловск с Сероглазкой и Авачей, автор статьи связывал решение такого болезненного вопроса, как «дровяной голод» — леса, годного на дрова, около города год от года становилось все меньше и меньше. «Не мешало бы облкому и Городской Думе войти с надлежащим ходатайством в Переселенческое Управление (располагавшееся во Владивостоке. — *В. П.*) об ассигновании средств на устройство этой дороги».

В том же номере газеты сообщалось, что Дума постановила перечислить 1 января 1919 г. 1 529 руб. 22 коп., собранные от устройства спектаклей в Народном доме, в специальный капитал общественного призрения. А остатки наличных сумм, что выявлены к концу отчетного года, распределить следующим образом: провести расчет со служащими городского самоуправления, уплату всех долгов по кассе 1918 г., как правительственным учреждениям, так и частным лицам по всякого рода поступлениям и «позаимствованиям»; включить в запасной городской капитал, «который и будет с данного времени фигурировать под правильным учетом».

В начале января 1919 г. ПГД восстановила обязательное преподавание в городских начальных училищах Закона Божьего, отмененного год назад при Советах.

Заслушав доклад городского головы об установлении сборов на сметный период 1919 г., Дума ввела налоги: оценочный в размере 0,5 % со стоимости недвижимости; с убиваемого на городской скотобойне или на указанном городской Управой месте крупного рогатого скота 5, с головы, теленка — 1 и свиньи — 3 руб.; с лошадей до трех лет — 3, свыше — 10 руб. в год. В пользу города изымались также 8 % от общей суммы подоходных налогов, поступающих в государственное казначейство.

Заявив о том, что, согласно конвенции между Россией и Японией, рыбный промысел в Авачинской губе для иностранцев закрыт, Дума запретила «в черте городских угодий лов всякой рыбы иностранными подданными навсегда».

Городской голова тогда же, в конце января 1919 г., представил Думе план Петропавловска, составленный инженером К. А. Заранеком. План этот гласные приняли к руководству и поручили заведующему технической частью И. П. Воротникову нанести на него все отведенные, как застроенные, так и незастроенные участки, а также наметить границы застройки города и доложить об этом Думе.

Для частных построек было отведено десять участков. Среди них: площадь напротив Петропавловского собора и Братской могилы, сад Завойко, на Главной улице (ныне Ленинская) от земель ветеринарного ведомства по направлению к Судейскому участку. Перечень включал Базарную площадь, Кошку, мыс Сигнальный и кладбище. Дума обязала всех заинтересованных лиц представить в городскую Управу планы на предполагаемые застройки.

Н. Д. Голубецкий высказал гласным свою обеспокоенность «бессистемным состоянием» канцелярии — отсутствует инвентарная книга, нет описи дел и т. д. Управе было отдано соответствующее распоряжение.

Председатель ПГД П. Я. Суслык был встревожен появлением «прогульщиков» в своей среде. Некоторые гласные предпочитали не посещать думские заседания, и их приходилось переносить из-за отсутствия кворума. К «прогульщикам» без уважительных причин решили применить 1140 статью «Уложения о наказаниях»: подвергнуть «... в первый раз — замечанию от Председателя Думы, во второй — денежному взысканию не свыше 75 руб., в третий — сверх такого же взыскания исключение из Думы на время, Думою определяемое, но, во всяком случае, не более как до следующих выборов».

Снижение активности гласных совпадает по времени с роспуском правительством А. В. Колчака Областного комитета (февраль 1919 г.) и назначением Управляющего Камчатской областью.

Новый руководитель Камчатки, возглавлявший при последнем царском губернаторе его канцелярию, коллежский ассессор Н. Н. Червянский при-

был в Петропавловск 31 мая 1919 г. За три дня до этого были составлены списки граждан областного центра, имеющих право участвовать в выборах нового состава Думы. Их насчитывалось 365.

Избиратель, коего не удовлетворял ни один из претендентских списков, мог, используя их, подать «сборный», однако число внесенных в него кандидатов в гласные, как и прежде, не должно было превышать двадцать человек.

О деятельности ПГД перед выборами летом 1919 г. почти ничего не известно. 2 июня она приняла еще одно обязательное постановление против антисанитарии. На другой день городская Управа сообщила, что ей нужен пастух для выпаса скота горожан, а через три недели — что таковой нанят и ему надлежит ежедневно, начиная с пяти часов утра, проходить по Главной улице и извещать хозяев скота «посредством трубы о выгоне такового на пасьбу, а также по пути принимать скот от тех хозяев, которые успеют к указанному времени выгнать. Затем, с 5 час. 30 мин. и до шести утра пастух должен ожидать доставления ему скота у мостика возле озера. В шесть утра пастух обязан немедленно угонять скот на пасьбу».

Далее в объявлении городской Управы разъяснялась задача опоздавших: догонять и разыскивать пастуха на пасьбе, не оставляя свой скот «без призора»; время возвращения стада домой — семь вечера.

Трудно сказать, какие отношения сложились у Думы с управляющим областью в первые месяцы после его приезда. Свидетельств на этот счет пока не найдено. Приведем лишь один документ, преданный гласности 10 августа, накануне выборов нового состава ПГД: «Управляющий Камчатской областью... обратился в Петропавловскую Городскую Думу со следующим запросом: “За последнее время ко мне неоднократно поступают заявления о ничем не обоснованной дороговизне предметов первой необходимости, продаваемых из магазинов местных торговцев, повышающих почти ежедневно цены (в конце 1918 г. они были «отпущены». — *В. П.*) на свои товары.

Вследствие того, что надзор за правильным производством торговли лежит, согласно городского Положения, на Городском Самоуправлении, прошу сообщить, какие меры принимаются Городской Управой к устранению... повышения цен... и если не принимаются, то что Управа предполагает сделать в этом направлении, так как в противном случае я вынужден буду взять решение этого вопроса на себя и принять свои меры».

ТРЕТЬЯ ДУМА

Если выборы первых двух ПГД производились по правилам Временного Российского правительства, то в период избирательной компании 1919 г. уже действовал закон, утвержденный правительством А. В. Колчака.

Правом участия в выборах гласных обладали граждане, достигшие к моменту составления избирательных списков двадцати одного года, проживающие в данном городе, или же имеющие в нем «домашнее обзаведение», или состоящие не менее одного года на правительственной, общественной или частной службе.

В выборах не участвовали: высшие в пределах области, уезда представители администрации, их заместители и помощники, военнослужащие, милиционеры, монашествующие, «признанные в законном порядке безумными, сумасшедшими, глухонемыми и расточительными».

К выборам не допускались лица, судимые за преступные деяния, за которые предусмотрено лишение или ограничение прав состояния, либо увольнение со службы. Они могли голосовать только спустя десять лет после отбытия наказания или вступления приговора в законную силу, если за давностью содеянного освобождены или помилованы от наказания.

Этот срок сокращался наполовину для осужденных за: кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие закладов в виде промысла или получение через обман имущества, сводничество, тайное изготовление и продажу спиртного, уклонение от воинской службы или преступные деяния против избирательного права.

Лишены права голоса были граждане, состоящие под судом и следствием по обвинению в перечисленных преступлениях, а также «подвергшиеся несостоятельности впредь до определения свойства ее».

Противогосударственная деятельность тоже являлась препятствием к участию в выборах. Заключенным в связи с этим не выдавались избирательные удостоверения. Подобное отношение было и к тем, кто содержался под стражей ранее по постановлению следственных комиссий. Таким образом, от голосования отстранялись явные противники существующего режима.

Списки желающих баллотироваться в Думу городской голова должен был получить не позднее, чем за три недели до выборов. Таких списков поступило два, как и в предыдущую избирательную кампанию. В 1918 г. оба претендентских списка подали группы местных граждан. В 1919 г. они составили только один. С ними соперничал избирательный блок «Петропавловский кооператив — Камчатское культурно-просветительское общество “Просвещение” — Союз домовладельцев».

В каждом списке значилось двадцать фамилий — столько человек надлежало избрать в Думу.

Среди претендентов преобладали служащие и домовладельцы. Некоторых из них можно было найти как в первом списке, так и во втором, что давало им дополнительный шанс победить на выборах. К таким «выдвиженцам» относились В. А. Артюхин — служащий агентства Добровольного флота, его коллега нынешний городской голова Н. Д. Голубецкий, И. Д. Козы-

рев — чиновник почтово-телеграфной конторы, Н. П. Корякин, Ф. Ф. Панков и И. П. Ревацкий — домовладельцы.

Гласными и кандидатами к ним имели право стать граждане не моложе двадцати пяти лет. Чтобы пройти в Думу, следовало набрать не менее 10 % голосов принявших участие в выборах.

Петропавловцы избирали 3-ю ПГД 19 августа 1919 г. Из 365 зарегистрированных проголосовали 92 избирателя. Выборы были признаны состоявшимися. Оба соперничающих списка получили равное количество мест в Думе. По числу голосов лидировали перечисленные выше граждане. Больше всего избирателей (67) проголосовало за В. И. Артюхина и Н. Д. Голубецкого.

Гласными ПГД стали также секретарь городской Управы М. М. Бадах, областной агроном И. Д. Добровольский, председатель Петропавловского кооператива Е. А. Колмаков, начальник почтово-телеграфной конторы Е. Ф. Одынец, правитель канцелярии Областного управления А. М. Пименов, инженер В. М. Рыбкин, дорожный техник И. А. Шкляев и другие.

7 сентября 1919 г. Дума на выборной основе сформировала руководство городского самоуправления. Председателем ПГД был избран Иннокентий Дмитриевич Добровольский, помощником — Прокопий Трифионович Новограбленов, который уже выполнял подобную работу на общественных началах в 1917 г., учительствуя в г. Александровске на Сахалине. В Думе заседали теперь двое Новограбленовых. Брат Прокопия Иван, бухгалтер по профессии, тоже имел кой-какой опыт: его земляки избирали гласным второй раз подряд. Городским головой вновь решили оставить Н. Д. Голубецкого.

Сведения о деятельности Петропавловского городского самоуправления в первые два месяца после выборов крайне скудны.

14 сентября городская Управа объявила о том, что возьмет на службу сведущее в канцелярском деле лицо, «могущее исполнять обязанности городского секретаря с окладом по соглашению». Неделю спустя она уволила городского пастуха «за неудовлетворительностью пасьбы скота» и сняла с себя заботы о его найме, возложив их на самих скотовладельцев. Через несколько дней она оповестила ловцов сельди в Ковше и на участке от мыса Сигнального до радиостанции (район нынешнего Дома офицеров флота), что им следует непременно зарегистрироваться в Управе. В середине октября представитель городского самоуправления был включен в состав комиссии по мобилизации военнообязанных.

Управа обратила внимание на бесхозные материалы, лежавшие около сгоревшего здания пожарного общества, и заявила: если в двухнедельный срок не отыщется владелец, она распорядится ими на правах собственника.

Таковыми делами в городской Управе занимался А. М. Ткаченко. Он специализировался по хозяйственной части, ведал земельными, водными вопросами, распоряжался городским имуществом, отвечал за кассу. В сфере дея-

тельности другого члена Управы П. Я. Сусяка входили народное образование, финансы, общественное призрение, юриспруденция, налоги... Общее руководство Управой осуществлял городской голова. Члены ПГД работали с десяти утра до двух дня. По субботам у них происходили совещания.

Самое долгое заседание Думы (три дня) состоялось в середине ноября 1919 г. Восстановим его ход по неофициальному протоколу, который вел кто-то из приглашенных.

Рассмотрев денежный отчет городского головы за 1918—1919 гг., Дума постановила «взыскать как недоимку оценочный сбор за 1918 г. одновременно с 1919 г., назначив сроком платежей обоих 31 декабря 1919, после чего взыскивается вместе с пеней 1 % за каждый месяц просрочки». К недоимкам был причислен также налог на плавучие средства (шаланды, кунгасы, катера) за 1918 г. На остальных, не поступивших за 1918 г., налогах Дума «поставила крест», признав, что взыскать их невозможно.

В отчете за 1918 г. внимание гласных привлекли 10 тыс. руб., фигурирующих как доход, и ассигнованных Советским правительством на «социалистический отряд» (Красную гвардию). Раздавались голоса: не рано ли зачислять эти деньги в городской доход, может быть, их еще придется вернуть?

Городской голова объяснил, что Горсовет распорядился финансами без всякого учета, городская Управа, приняв от него дела, так и не установила, по каким счетам и сколько израсходовано; и упомянутые десять тысяч могли пойти, а могли и не пойти по назначению. «Но в случае, если эти деньги потребуют, то придется их, конечно, отдать».

Доход за 1918 г. составил 28 588 руб. 84 коп. Основные расходы — содержание служащих и покупка электростанции. На благоустройство средств почти не выделялось. Доходы 1919 г. состояли, главным образом, из не предусмотренных сметой поступлений: аукционные продажи, аренда сенокосов и прочее. Из предусмотренных, 300 руб. дохода принесла городская скотобойня, «благодаря того, что была сдана под засол рыбы».

Что касается налогов текущего года, то они почти не поступали, в то время как содержание служащих все дорожало...

17 ноября в числе других рассматривалась «дровяная проблема». По документам городской Управы числилось сто семнадцать погонных сажень. Двадцать четыре с половиной сожжено ею в прошлый отопительный сезон, часть продана беднейшему населению, часть отдана в долг и еще одна часть пойдет на отопление Управы. «Свободный остаток» — двадцать сажень. Общество «Просвещение» хлопочет о ссуде дровами в количестве трех сажень, причт Петропавловского собора покорнейше просит пожертвовать десять...

Гласный Е. Ф. Одынец потребовал уточнить, кто конкретно является «беднейшим населением». Городской голова зачитал список.

Голос с места: «Ишь — бедные какие получали!»

Член городской управы П. Я. Суляк: «“Просвещению” дать только с условием, что возвратят».

Городской голова сообщил, что в прошлый отопительный сезон бане М. К. Соколова дали, с возвратом, десять саженой дров, но он не возвратил, мотивируя тем, что его обманул подрядчик.

Председательствующий (П. Т. Новограбленов): «Дать Соколову срок возврата до 1 января 1920 г. и представить доказательства с внесением залога в 3 000 руб., и если он и к этому сроку не доставит дрова, то Управа сама закажет это количество за его счет».

Гласный В. Е. Лунев (рыбак) не согласен: «Что же, вы хотите задавить Соколова... Срок короткий... Пурги подойдут... Предлагаю — до 1 апреля. Залог взять с него 6 000». (Смех).

Кандидат в гласные С. В. Таланцев, домовладелец: «До 1 января пурги не бывает... не первый год... Две лошади, имеет два — три работника, захочет — доставит. А так вы десять лет ходить за ним будете — не получите».

В. И. Артюхин: «Нет, господа... Дрова-то он не продал, не на себя сжег... баню топил... мы мылись... Срок — до 1 мая».

Гласный И. Т. Косицын, домовладелец: «В бане мыл не даром».

Гласный Ф. Ф. Панков, домовладелец: «Мылись за 1 р. 50 к., да вдруг 5 р. платить стали...»

Большинством голосов срок возвращения дров Соколову определен — до 1 января 1920 г.

Затем оглашаются заявления причта Петропавловского собора. В одном — просьба простить старый долг в пять саженой дров, в другом — дать десять и нанять сторожа.

Таланцев: «Почему на заявлении нет подписи церковного старосты?»

Городской голова: «Еще не выбран. Долг надо простить. Что же касается пожертвования в десять саженой и найма сторожа, то ввиду того, что Городское Самоуправление не обязано содержать Собор, оно может принять участие наравне с прочими жертвователями».

Предлагает пожертвовать четыре сажени, а от найма сторожа отказаться.

Артюхин: «Пять сажень».

Председательствующий: «Десять».

Большинство голосует за пять.

Дума переходит к следующему пункту повестки.

Городской голова: «В 1908 г. был снят план местности, тяготеющей к Петропавловску. Попало туда селение Халактырка. С возникновением в нынешнем году вопроса о наделении города землей, возник вопрос о Халактырке.

Представители города съездили в Халактырку, уговорили жителей присоединиться к городу, но те поставили условие: местность, находящаяся в пользо-

вании Халактырки, “отграничивается”, город может распоряжаться в этих границах лишь с согласия селения.

А все селение — пять-шесть домов, причем некоторые возбудили ходатайство о переселении в Налычево. Теперь же необходимо послать Управлению областью план угодий хотя бы с неким “присоединением” Халактырки с тем, чтобы с последним парходом просьба о наделении землей была отправлена (на утверждение, по-видимому, во Владивосток. — *В. П.*)».

Предложение городского головы принимается единогласно.

Выслушав сообщение городского головы и мнение поддержавшего его председательствующего по поводу повышения попенного сбора (за вырубку погонной сажени леса, например) Дума увеличивает такой до 10 руб.

Городской голова: «В городе имеются дома, построенные не на участке, а иногда прямо на улице. Для этих зданий необходимо применить обязательное постановление о неремонтировании их, и когда они придут в нежилой вид, то снести их, а взамен строить новые, но уже на отведенных для этого участках. Кроме этого, есть совсем нежилые лачуги, занимающие хорошие участки в центре города, они перепродаются из рук в руки, причем, ценность придается, видимо, участку. Поэтому Городская Управа предлагает избрать комиссию для регистрации ветхих зданий».

Артюхин отказывается войти в комиссию, так как ему придется осматривать и свой дом, а у него только задняя стена на участке («Мне неудобно»).

Голос: «Так все откажутся». «Ну, ладно», — соглашается Артюхин. Трех гласных — домовладельцев А. Д. Брагина, И. Т. Косицина и служащего Г. А. Лисового — убедить не удалось. Дума избрала комиссию в составе Артюхина, Ревацкого и Лунева.

Городской голова информирует собравшихся и о мелиоративных работах в районе сельскохозяйственной фермы (ныне здесь размещен вино-водочный завод), проводимых гидротехником Переселенческого управления кандидатом в гласные К. И. Навалихиным, и высказывает в связи с этим мысль об осушении Халактырской тундры — «для города получится довольно значительная сенокосная площадь». Постановление Думы — войти с ходатайством в Переселенческое управление.

Городской голова говорит, что есть возможность получить правительственную ссуду на нужды города в размере 250 000 руб., надо лишь представить ряд сведений о Петропавловске. Гласные решили ссуду не брать.

На том же заседании 15—18 ноября 1919 г. ПГД приняла постановление о землепользовании и частном строительстве. Отвод земельных участков под застройку отныне будет проводиться городским самоуправлением в границах градостроительного плана, «который в ближайшее время будет расширен нанесением новых площадей». Порядок прежний: одно частное лицо — один участок.

Владелец лишается отведенного участка, ежели в означенный срок не возведет жилого помещения, а появившиеся вместо него «легкие постройки, как-то сараи, амбары» пойдут под снос. Продажа построек с передачей прав землепользования допускается с разрешения городского самоуправления.

ПГД утвердила список временно закрытых для застройки участков (в районе Кошки, мыса Сигнального, Базарной площади, на углу Церковного переулка и других). И, поскольку к таковым относилась территория напротив Братской могилы, где намеревалось построить контору, конюшни и склады Переселенческое управление, ему в этом было отказано.

В конце 1919 г. городская Управа устроила несколько аукционных торгов. Проводились они по будням и в выходные. В воскресенье 23 ноября с одиннадцати утра во дворе городской больницы продавались свинья и три поросенка, в среду 10 декабря после обеда возле хлебопекарни морского ведомства — бык. Один из аукционов проходил в помещении Управы; он привлек желающих приобрести подбитую выпоротками новую пыжиковую доху, принадлежавшую бывшему начальнику Петропавловского уезда господину Ненсбергу...

Субботним утром 10 января 1920 г. Петропавловск проснулся при новой власти. Называлась она «Временный Военно-Революционный Комитет» (ВВРК). Возглавлял его коммунист-анархист П. С. Маловечкин. ВВРК объявил, что власть передана ему «восставшими крестьянами, рабочими, инородцами и солдатами».

На следующий день текущий момент, то есть переворот, обсудили гласные ПГД и попросили земляков спокойно отнестись к происшедшему — «каждому продолжать заниматься своими обычными делами».

В резолюции, принятой Думой, подтверждалась ее приверженность старому лозунгу «истинной демократии»: вся власть в центре — Учредительному Собранию, на местах — земствам.

«Власть должна принадлежать только всему народу, который организует ее путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования... Всякие попытки захватить власть, откуда бы они не исходили, особенно одной какой-либо партии, приводят только к разрухе и ужасам гражданской войны и невиданному пролитию крови и дадут возможность к незаконному вмешательству в наши дела иностранцам», — подчеркивалось в резолюции.

Высказав сожаление, что Дума в настоящее время не является самостоятельной политической единицей, в силу оторванности от материка и «неокрепшего городского самоуправления», гласные, тем не менее, призвали горожан сплотиться вокруг нее и сохранять полный порядок.

Дума решительно выступила против всяких насилий и издевательств, хотя бы это касалось даже явных преступников. Террор, по убеждению гласных, рождает лишь обоюдное озлобление.

ПГД заявила о готовности «войти в необходимое сношение» с ВВРК по вопросам охраны порядка в городе, подчеркнув в то же время, что считает себя «единственной законной властью в городе» и до получения исчерпывающих сведений о политическом положении Сибири и Дальнего Востока вопрос о признании ВВРК оставляет открытым.

ВВРК удовлетворил ходатайство председателя Думы И. Д. Добровольского, освободив арестованного «по недоразумению» городского голову Н. Д. Голубецкого, бывшего правителя областной канцелярии, гласного А. М. Пименова и помощника управляющего Петропавловским уездом, кандидата в гласные В. А. Павлова. И. Д. Добровольский приглашен на службу в канцелярию ревкома. П. Я. Сусяк, как один из руководителей антисоветского переворота 1918 г., остается под домашним арестом.

23 января 1920 г. вступает в силу первое совместное постановление ВВРК и городского самоуправления о мерах по предупреждению распространения бешенства домашних животных. Беспризорные собаки подлежат отлову и уничтожению. Городская Управа просит горожан лично содействовать милиции в поимке бродячих собак.

Управа же дает объявления в местной газете на предмет аренды за приличное вознаграждение небольшой комнаты «для помещения до весны нетрудоспособного гражданина Шевченко».

Публикуется также обращение Управы к тем, кто желает в сезон 1920 г. заняться промыслом рыбы в пределах городских угодий. От них должны поступить письменные заявки не позднее середины февраля, дабы самоуправление «имело возможность своевременно распределить порядок пользования рыбной ловлей между горожанами и вместе с этим дать возможность им приступить своевременно к необходимой заготовке материала (бочек, соли, сетей и прочего)». Обращение адресовано добывающим рыбу не только в пищу себе и своим детям, но и на продажу.

26 января 1920 г. Дума на основании пункта 6 статьи 108 Городового положения запретила сбор валежника и рубку леса на Никольской горе, сославшись на его историческое для народа значение (в память обороны от англо-французов в 1854 г.). Тем же обязательным постановлением запрещено вырубать деревья и кусты на Петровской горе от радиостанции до конца Култучного озера, так как «кустарник является естественной одеждой поверхности почвы, уничтожение которой повлечет за собой, во-первых, быстрое таяние снегов, во-вторых, размыв по поверхности горы, и, в-третьих, уменьшение воды, даваемой ключами, до иссякания их в известное время года...»

ВВРК, по словесному заявлению члена Управы А. М. Ткаченко и врача Ч. К. Щипчинского «о беспризорных и ненормальных больных в городе», поручает городскому самоуправлению «озаботиться об устройстве соответствующего приюта», на что ассигнует ему пять тысяч рублей.

В начале февраля доводится до сведения жителей Петропавловска: новые заявления на получение земельных участков будут рассматриваться не ранее весны, после проверки Управой городского плана «с действительностью его застройки». План этот «за недостаточностью строительной площади» намерено дополнить «нанесением новых границ городской селибитной черты, с подразделением таковой на размежеванные участки».

3 февраля 1920 г. на очередном заседании ВВРК зачитывается ряд телеграмм из Охотска, настаивающих на увольнении со службы члена Управы П. Я. Суслыка за контрреволюционность. Семь из восьми ревкомовцев (при одном воздержавшемся) поддерживают данное предложение. Но, однако, высказываются против его перевода — ввиду болезни — в арестный дом.

Через несколько дней думцы Е. А. Колмаков, И. П. Ревацкий, И. А. Коновалов просят новую власть отдать им на поруки бывшего начальника колчаковской милиции В. И. Закржевского, но получают отказ до разбора дела.

В первых числах марта для снабжения населения продовольствием, скупки пушнины и наблюдения за правильностью торговли создается Временный Камчатский продовольственный совет, в состав которого входят три члена Продовольственной управы, четыре — ревкома и по одному представителю от кооператива и городского самоуправления.

Тогда же, в начале марта, проходили выборы делегатов на уездный съезд рабочих, солдатских, крестьянских и инородческих депутатов. Дума решила направить для работы в избирательной комиссии своего председателя И. Д. Добровольского. Газета «Известия Камчатского Областного Военно-Революционного Комитета» выразила по этому поводу удивление, назвав его «земцем колчаковской формации», который при Временном правительстве был помощником комиссара, а затем, видимо, «по выгодности предприятия Колчака, стал управляющим Камчатской областью по назначению генерала Хорвата, столь обожаемого на Дальнем Востоке известной частью населения, скромно именующих себя биржевиками, кадетами и прочими безобидными словами». Орган ВВРК заявил: «Не место Вам, господа добровольские, идти по выборам в народные организации».

И. Д. Добровольский в знак протеста покидает должность заведующего канцелярией Областного комитета. Власть реагирует на это следующим образом: «Вред общему делу нанести легко; построив на личном оскорблении свой уход, затормозить людей, стоящих у строительства, личными делами, вместо того, чтобы оказать помощь в общей требуемой жизнью работе, разрешать текущие для всех нужные экстренные вопросы, не подсовывать того, что обождет и что при разрешении вызовет с той или иной стороны неудовольствия, посет среди работников рознь и т. д.

Все это говорит за то, что виновный тот, кто это делает сознательно, гр. Добровольский, игнорируя народных избранников, делая выводы эгоистичные и сеющие рознь — это сознательный враг власти трудового народа».

15 марта 1920 г. уездный съезд рассматривает вопрос о Петропавловском самоуправлении и постановляет: Думе исполнять свои обязанности до 1 мая, пока не будет образован городской Совет трудового народа; специальной комиссии из представителей самоуправления, ревкома и «заинтересованных селений» срочно заняться проблемой отвода городу земельного участка, и о результатах доложить делегатам.

Всех «врагов трудового народа» съезд разбил на несколько категорий, к большинству из них решено было применить репрессивные меры. Среди таковых находились гласные ПГД разных созывов А. А. Пурин, П. Я. Суслык, Н. Д. Голубецкий, И. Д. Добровольский, В. М. Рыбкин. Однако вскоре все они попали под амнистию, объявленную Приморской областной управой в связи с соответствующим постановлением Временного правительства Дальнего Востока.

31 марта городская Управа напоминает жителям Петропавловска о том, что для свалки дворовых и домашних отходов несколько лет назад отведено место на перешейке между Култучным озером и Авачинской губой у подножия Мишенной горы, о чем говорилось в обязательных постановлениях, как горсовета, так и самоуправления. Тем не менее, некоторые несознательные граждане разбрасывают мусор по всему перешейку или сбрасывают под лед, загрязняя бухту. Этим наносится непоправимый ущерб рыбному хозяйству. Кроме того, предупреждала Управа, «нечистоты являются рассадником всевозможных заболеваний».

1 апреля 1920 г. Дума принимает постановление об эксплуатации городских водных угодий. Девятнадцать лососевых участков подлежат распределению между трудовыми артелями (в каждой не менее четырех взрослых рыбаков). Четырнадцать из девятнадцати участков расположены в районе Солеварки, нынешнего Богородского озера. По одному — близ Большой и Малой Лагерной, на Перешейке, в Богатыревской бухте и Светлом Ключе.

Все лососевые участки подразделяются на четыре категории. Неодинакова, естественно, и арендная плата — от 12 до 4 тыс. руб. К четвертой категории отнесены участки в Богатыревской бухте, на одноименном перешейке в Светлом Ключе. Арендная плата вносится в два приема: при подписании ее условий и 1 сентября 1920 г. Крайний срок заключения договоров города с артелями — 1 мая. Пожелавшие ловить лосося в других свободных местах обязаны уплатить сбор «по 1 000 руб. с каждой артели и невода, взыскиваемых при выдаче удостоверений».

Что же касается весеннего лова сельди в Ковше и Авачинской губе, то здесь сбор с невода 400, а с сетки 100 руб. Вдобавок, вся пойманная рыба облагается десятипроцентным налогом от ее рыночной стоимости.

Иногда повестка дня предстоящего заседания Думы становилась известна избирателям из газеты. Так, 20 апреля 1920 г. «Известия Камчатского Област-

ного Совета Трудового Народа» сообщали, что на днях гласные обсудят вопросы изыскания средств на приобретение отопления, приема сторожа и мелкий ремонт Петропавловского Приходского училища; приведения в исправность пожарного обоза; заготовки дров для продажи населению (в целях сохранения от окончательного уничтожения молодого леса) и лесных строительных материалов, необходимых для починки мостов и содержания в исправности тротуаров.

На том же заседании Думы предполагалось принять меры по благоустройству городского сада Завойко, что находился близ того места, где теперь стоит новое здание бывшего обкома КПСС. Речь должна была пойти также о сдаче в аренду обществу «Просвещение» Народного дома и электростанции. Гласным предстояло утвердить приходно-расходную смету на 1920 г. . .

30 апреля Дума налагает запрет на любую вырубку леса в городских владениях тоньше пяти вершков в срубе (от корня), потому как «процесс роста леса на Севере происходит чрезвычайно медленно, и на выращивание лесных площадей требуются десятки лет». Все разрешительные удостоверения, выданные ранее Управой, с 15 мая утрачивают силу. Нарушители привлекаются к ответственности по дооктябрьским законам 1917 г., а наблюдение за исполнением думского постановления ведет Народная охрана (милиция).

Месяц спустя городская Управа обращается к «несознательным гражданам» с просьбой «немедленно доложить о количестве вырубленного без разрешения леса, внеся попенный сбор по 50 руб. за одну погонную сажень».

19 мая 1920 г. Дума возвращается к распределению лососевых участков. Отмечается, что больше половины их, главным образом в Солеварке, остаются «незаарендованными». На полдень 6 июня назначена сдача с торгов на весь сезон участка в Авачинской губе «протяженностью 100 сажень по береговой линии на речке Гремучка с правом пользования городским сараем за общую арендную плату».

Это заседание ПГД могло стать одним из последних: 18-го числа областной Совет принял решение о проведении выборов в городской Совет. Но они так и не состоялись. По рекомендации Далькрайкома РКП(б) камчатские коммунисты 23 мая 1920 г. временно отказались от советизации области, признав Приморское правительство и реорганизовав областной Совет в облисполком Приморской земской управы.

Итак, Дума продолжала действовать. Постановления городского самоуправления были обязательны для всех и, прежде всего, самих законодателей. 11 июня милиция составила протокол на кандидата в гласные С. В. Таланцева. Он нарушил думское постановление от 2 июня 1919 г., которое обязывало владельцев ездовых собак вывести их за город и держать там на привязи, а не около ключа с питьевой водой в Петропавловске.

... Приближались выборы Четвертой ПГД. Со 2 июня 1920 г. в Народном доме и городской Управе висели списки из 365 человек, правомочных принять участие в голосовании. Своих претендентов в органы местного самоуправления выдвинули три группы: граждане города; члены Петропавловского кооператива и общества «Просвещение»; Трудовой союз служащих и рабочих (куда вошли коммунисты-большевики).

В канун выборов, назначенных на 20 июня, «Известия Камчатского Областного Исполнительного Комитета» в четырех номерах опубликовали статью без подписи под заголовком «Городская Дума в прошлом и настоящем». В статье говорилось об абсолютной пустоте городской кассы, ничтожной работе налогового аппарата, полном отсутствии устойчивых источников дохода, что «поставило городскую Думу в безвыходный тупик».

Какой же выход предлагала газета? «Смело, товарищи, спешите на выборы и храбро прокладываете путь через реакционные преграды к новой и свободной жизни, стремитесь к социальной пристани — к своей вековой мечте, ясной, как солнце, прекрасной, как сама природа. Смело, товарищи, к урнам! Голосуйте за список Трудового союза служащих и рабочих г. Петропавловска».

ЧЕТВЕРТАЯ ДУМА

На выборах в новую Думу, состоявшихся 20 июня 1920 г., победу одержал Трудовой союз служащих и рабочих. За него из трехсот тринадцати избирателей проголосовало сто тридцать семь. На один голос меньше набрали «Граждане г. Петропавловска». Тридцать горожан отдали предпочтение группе «Петропавловский кооператив — общество “Просвещение”». По мнению «Известий Камчатского Областного Исполнительного комитета», значительное число принявших участие в выборах свидетельствовало «об отрадном факте — о пробуждении граждан города от обычной спячки и индифферентности».

25 июня в Петропавловск, где, помимо корейской и китайской, существовала колония, то есть община, японских подданных, прибыла японская эскадра. Командир эскадры, капитан 2-го ранга К. Накамура и местное руководство в лице председателя облисполкома, городского головы обменялись визитами.

Первое заседание ПГД 4-го созыва, избранной на срок до января 1922 г., произошло 29 июня 1920 г. Председателем Думы вновь стал областной агроном И. Д. Добровольский, секретарем — Анатолий Дмитриевич Батурин, а городским головой — Чеслав Куприянович Щипчинский. Что же касается двух членов городской Управы, их Дума была намерена приглашать по вольному найму, «если из гласных не найдется желающих занять эти платные должности».

Думцев было тридцать восемь (девятнадцать гласных и столько же кандидатов к ним). Десять человек или около этого являлись приверженцами со-

ветской власти, которые состояли в партии коммунистов, чья организация образовалась в Петропавловске незадолго до выборов 1920 г. *В них впервые приняли участие претенденты в представительный орган власти от политической партии* (в предшествующие годы этого случиться не могло по причине отсутствия на Камчатке каких-либо партий), однако выдвигались они не отдельным списком, а среди членов Трудового союза служащих и рабочих. В число думцев попали коммунисты Иван Емельянович Ларин, Александр Иванович Бабкин-Байкалов, Александр Николаевич Пересыпкин, Николай Павлович Фролов, Иван Иванович Елисеев, занимавшие те или иные должности после январского переворота 1920 г.

Первым своим постановлением новая Дума запретила лов рыбы сетями и неводами в районе радиостанции «во избежание порчи находящихся на берегу и береговой полосе моря проводов».

5 июля 1920 г. гласные приняли резолюцию, которая затем была вручена японскому консулу в г. Петропавловске. В ней говорилось: население города всегда стремилось и стремится «к мирному сожительству с Японией, не нарушая ее интересов» и не имея намерения посягать на жизнь и имущество проживающих в Петропавловске японских подданных. Одновременно обращалось внимание консула на отдельные случаи продажи спирта матросами японских судов, из-за чего «может развиваться усиленное пьянство малосознательных граждан города, также, помимо воли всего городского населения, нежелательные недоразумения».

11 июля облисполком публикует сообщение об избирательной комиссии по выборам во Временное Народное Собрание Дальнего Востока, куда должны войти представители Трудового союза служащих и рабочих и городской Управы. Комиссия поручает проведение выборов Петропавловскому самоуправлению.

Городской голова Ч. К. Щипчинский ходатайствует о работе по совместительству в должности врача. Исполком передает ходатайство «на усмотрение Правительства, со своей стороны высказавшись за отклонение этого ходатайства».

В середине июля Управа доводит новые сведения до «всех лиц, строящихся в г. Петропавловске», что «на все новые постройки, капитальные ремонтные перестройки и перестановки заново печей в домах» вводится наздор со стороны местного самоуправления. Это мотивируется интересами самих застройщиков, соблюдением основных правил застройки и строительного искусства. Без разрешения Управы и утвержденных ею планов никакое индивидуальное строительство не допускается. Следить за выполнением данного постановления должен комиссар Народной охраны Н. П. Фролов.

13 июля 1920 г. вступает в силу «антиалкогольный закон», запрещающий в городе продажу спирта и появление граждан в пьяном виде на улицах, со-

браниях и тому подобных местах. Владельцам домов вменяется в обязанность не допускать спиртопродажи в принадлежащих им помещениях и о производстве таковой немедленно оповещать народных охранников. «Всякий гражданин имеет право задерживать кого бы то ни было в пьяном виде и представлять в Комиссариат Народной Охраны». Нарушителям обязательного постановления Думы грозит тюремное заключение от двух месяцев до полутора лет. Привлекаются к судебной ответственности и пьяные от спирта, которые при задержании отказываются сообщить, где они его приобрели.

На следующий день, 14 июля, в городской Управе принимали гостей — командиров японских крейсеров «Нийтака» и «Кошу» господ Арита и Хара, явившихся в сопровождении группы офицеров. Эти лица побывали также в исполкоме, после чего посетили на дому Ч. К. Щипчинского. В три часа пополудни городской голова «сделал им ответный визит».

Неделю спустя в Петропавловск приезжает уполномоченный Временного правительства Дальнего Востока по Камчатской области Назар Васильевич Кочергин. В комиссию по денежной реформе под его руководством (в связи с девальвацией сибирских дензнаков) включены гласный Н. П. Фролов и председатель Думы И. Д. Добровольский. Обмен денег Петропавловское казначейство намерено произвести в двухнедельный срок: с 23 июля по 6 августа.

23 июля ПГД объявляет, что выборы в Народное Собрание назначены на 8 августа и в основу их «кладутся избирательные списки, составленные в период предвыборной компании в Четвертую Думу с внесением в них новых избирателей по их о том заявлении не позже 7 августа». Списки же претендентов подаются на имя городского головы до девяти часов вечера 5-го числа.

К концу июля Дума опять, как и год назад, столкнулась с отсутствием кворума. За четырьмя прогулами, пригрозила она, последует лишение мандата.

Тогда же из Владивостока поступила правительственная инструкция, разъясняющая, кому на местах принадлежит власть: «а) органам самоуправления — земским городским учреждениям, а где таковые не сохранились... исполнительным комитетам; б) Уполномоченному Временного Правительства... Круг прав и обязанностей органов местного самоуправления определяется Земским и Городовым Положением. Теми же правами обладают и несут те же обязанности и Исполнительные комитеты».

«Чья власть?!» — сорвалось с уст Ч. К. Щипчинского на очередном думском заседании 26 июля. Через день ему ответили «Известия...»: «Областной Исполнительный комитет, работая на благо камчатскому трудовому народу в согласии с Временным Правительством (отдельные недоразумения скоро рассеются), должен оставаться на своем посту до областного съезда, подавляя подпольные реакционные замыслы силой репрессий, а тем более организованные выступления черной сотни всеми наличными средствами вплоть до вооруженной силы. Таково наше мнение по вопросу о том, чья у нас

власть и как ее надо осуществлять; можно думать, что оно исчерпывает все возникающие сомнения». 28 июля Дума вторично рассмотрела вопрос «о текущем моменте». Заслушав доклад Н. В. Кочергина, гласные признали его уполномоченным при десяти голосах «за», восьми — «против» и одним воздержавшемся.

«У отцов города, — иронизировал официоз «Известия Областного Исполнительного Комитета», — огромное желание помочь отечеству, услугу оказать краю, но пока услуга выразилась в том, что некоторые сумели лягнуть Комитет и поддержали кое-кого, как веревка повешенного».

29-го числа вновь состоялось заседание ПГД. Она утвердила «смету на доходы и расходы на 1920 г.» в том виде, в каком составила ее финансовая комиссия, приняла отставку Ч. К. Щипчинского, избрав городским головой вместо него секретаря облисполкома А. И. Бабкина-Байкалова (основателя камчатской коммунистической организации), который вступил в должность 1 августа 1920 г.

4 августа 1920 г. уполномоченный правительства Н. В. Кочергин выступает с обращением к населению области. Причислив к органам местного самоуправления, помимо Думы, облисполком, он заявляет о своем решении образовать из их представителей Совет.

«Выражаю твердую уверенность, — говорилось в обращении, — что и органы местного самоуправления, и население области пойдут навстречу ответной работе... полагаю, что сохранение общей солидарности явится наилучшей гарантией экономического возрождения края, устойчивости демократической платформы Временного Правительства и сохранения за краем национальной независимости в тяжелых условиях данного момента».

В тот же день было предано гласности отношение ПГД к конфликту между паланцами и японскими рабочими в статье по этому поводу в «Известиях...» Признавая факт насилия над жителями Паланы со стороны японских граждан и протестуя против «подобных нарушений национальных прав России иностранцами», гласные нашли публикацию в правительственном органе недопустимой, «так как сеется не мир, а ненависть между японцами и русскими, могущая вылиться в кровавую расправу». Аналогичного мнения придерживался и облисполком.

В начале августа становятся известными имена кандидатов в члены Народного Собрания Дальнего Востока от групп граждан Петропавловска. Их пятеро: коммунисты М. П. Воловников, кооператор, находящийся во Владивостоке, и И. Е. Ларин, председатель Камчатского облисполкома, а также И. Д. Добровольский, руководитель Думы, П. Т. Новограбленов, гласный, А. Д. Батурин, секретарь.

Городская Дума избирает своим представителем в Совете при уполномоченном правительства по Камчатской области гласного И. Е. Ларина.

12 августа в печати появляется обязательное постановление Думы о порядке содержания в чистоте улиц, площадей, тротуаров и сточных канав. Все это «лежит на обязанности домовладельцев на всем протяжении участка», а также за счет ведомств, занимающих казенные здания.

«Очистка улиц и тротуаров должна быть производима рано утром, причем сметаемый сор, нечистоты и всякий навоз должны быть складываемы в кучи и вывозимы ежедневно на указанное Управой место».

Строго воспрещается: разбрасывать по улицам строительный мусор, грязь, навоз, сор из сточных канав, «другие отбросы со дворов, могущие при гниении заражать воздух»; устраивать свалки в оврагах и на берегу бухты; выливать в ключи помой и прочие жидкие нечистоты; «останавливаться на улице возле заборов и домов для отправления естественных надобностей».

Торгующим на городских улицах в будках и лавках предписывалось «соблюдать чистоту, как в содержимых ими помещениях, так и в окружности их».

Между тем, коммунисты доводят до сведения населения, что во время перерегистрации из их рядов выпало несколько лиц, и в том числе городской голова А. И. Бабкин-Байкалов, поручителей за которого среди членов партии не нашлось.

Следует отметить, что еще в июле противники Александра Ивановича высказывали следующие суждения, вдобавок, публично: «Коммунистическая партия не должна иметь в своих рядах людей, пришедших в благоприятный момент. Руководителями ее не должны быть “коммунисты январские”». Людей, распинавшихся за Колчака, плакавших кровавыми слезами над загубленной большевиками Россией, создававших словесные храмы в честь бесшабашного разгула отбросов народа, позоривших страницы прессы восхвалением грязной идеологии атамановщины — все они недостойны носить имя коммунист».

В середине августа 1920 г. выходит еще одно «антисанитарное» постановление Думы. Называется оно «О мерах против порчи воды, уборки и уничтожения павших животных, о предупреждении и прекращении заразительных и повальных болезней, а равно скотских падежей».

В постановлении говорится: у всех городских ключей необходимо поставить ограждения, дабы туда не попадала вода и грязь со стороны и не было доступа скоту. Поить его или стирать в ключах белье строго воспрещается, как и «бросать дохлых кошек и крыс, а также выгонять на ключи гусей и уток». Мелких животных и птиц, кои подошли, следует «закапывать не менее одного аршина глубины за городом вдаль от жилья и водохранилищ по собственному усмотрению», но сообщив о том ветврачу или в народную охрану. Сложнее дело обстояло с павшей домашней скотиной. Ее разрешалось вывозить со двора лишь после осмотра ветеринаром и закапывать в землю за городом только в указанном месте.

В первых числах сентября состоялись выборы в Народное Собрание Дальнего Востока. Депутатами были избраны А. Д. Батулин, бывший уполномоченный ВВРК во Владивостоке, коммунист М. П. Воловников и И. Д. Добровольский, кандидатами — И. Д. Голубецкий, И. Е. Ларин и П. Т. Новограбленов.

Тем временем, выбывший из РКП(б) А. И. Бабкин-Байкалов занимается разработкой всевозможных городских проектов, используя при этом опыт своих предшественников на посту городского головы.

Это, прежде всего, устройство электрического освещения в Петропавловске. По данному вопросу, писала местная газета, городской голова «вошел в переговоры с Чехо-Словацкой центральной экономической Комиссией, причем с транспортом “Охотск” уже отправлена (правительству. — *В. П.*) смета с пояснительным докладом».

Проектами предусматривается устройство водопровода, планировка города и тротуаров, организация пожарного обоза и создание «вольно-пожарного общества», создание при городской Управе санитарного, хозяйственного и технического отделов, открытие городского общественного банка и муниципальных предприятий.

Спустя десять дней, 19 сентября 1920 г., та же газета «Известия Областного Исполнительного Комитета» печатает письмо в редакцию Петропавловской организации Российской компартии, обвиняющее городского голову в сотрудничестве с колчаковской властью на Камчатке — пропаганде «контрреволюционных идей», в организации «антисоветских казачьих армий» на материке. Первое обвинение основано на документальных данных, для подтверждения второго таковые отсутствуют...

15 сентября 1920 г. городская Управа объявила о продаже свиной супоросной, 19-го, ввиду появления в городе подозреваемых в бешенстве, а также множества бродячих, неизвестно чьих собак предложила жителям Петропавловска взять на своих четвероногих друзей специальные билеты и держать их на привязи, и если уж выпускать, то обязательно в намордниках, «иначе бродячие собаки будут убиваться и убираться за счет владельцев».

22 сентября Н. В. Кочергин отправился в ознакомительную поездку по восточному берегу Камчатки.

Гласный А. Т. Коробко выступил с критикой своего товарища по партии и местному парламенту Н. П. Фролова — начальника Народной охраны: плохо борется со спекулянтами, не реагирует на предложения по наведению порядка. 26 сентября облизполком сообщил, что в отношении спекулянтов приняты соответствующие меры.

Исполняющий обязанности уполномоченного правительства Дальнего Востока Ф. Ф. Куклярский, в связи с предстоящим 3-м областным съездом,

распубликовал распоряжение, суть которого сводилась к следующему: облисполком, вопреки его установлению, не может быть представлен на съезде в полном составе; съезд, согласно правительственных инструкций, должен провозгласить себя сразу же после открытия Областным земским собранием.

Дума поручила Управе определиться с кандидатами в Земское собрание на городском предвыборном собрании в пятницу 1 октября 1920 г., а выборы трех делегатов от Петропавловска провести в воскресенье 3-го числа с девяти утра до шести вечера.

1 октября 1920 г. на очередном заседании Петропавловского укома РКП(б) Н. П. Фролов делает заявление о брошенных в Думе обвинениях в уголовных преступлениях в адрес гласного — коммуниста А. Н. Пересыпкина. В постановлении по этому вопросу говорится: «Потребовать выписку из протокола Городской Думы... для привлечения виновных к суду Общественного мнения».

3 октября датировано письмо укома, направленное Приморскому обкому РКП(б), где содержатся аргументы (в том числе «недоверчивый взгляд населения») против введения земства на Камчатке. В том же письме гласный А. И. Бабкин-Байкалов характеризуется «в высшей степени опасным человеком», от которого необходимо избавиться — выслать на материк. Очевидной нелепостью называет уком обвинение Пересыпкина в бытность его председателем профсоюза грузчиков во Владивостоке в похищении крупной суммы общественных денег, за что тот, якобы, сидел в тюрьме. Чтобы наказать клеветников, уком нуждается в официальном опровержении обвинения со стороны Союза грузчиков, о чем он и просит Приморский обком РКП(б).

Клевета, утверждают петропавловские коммунисты, исходит от сторонников Бабкина-Байкалова, устранившего с должности городского головы «при помощи гласных-коммунистов».

4 октября 1920 г. начальник Народной охраны Н. П. Фролов в присутствии понятых — среди которых приехавший из Владивостока М. П. Воловников — производит обыск на квартире исполняющего обязанности уполномоченного правительства Ф. Ф. Куклярского. На следующий день облисполком решает привлечь его к уголовной ответственности, указав наотягающие обстоятельства — служебное положение обвиняемого.

6 октября на имя управляющего внутренними делами правительства Дальнего Востока (копии: Народному собранию и представителю от Камчатки во Владивостоке П. С. Маловечкину) отправлена телеграмма за подписью Камчатского областного исполнительного комитета. В ней значится: в квартире Куклярского «обнаружено значительное количество стрихнина, употребляемого здесь тайно-противозаконно для отравления ценного пушного зверя... Кроме того, производится следствие по делу занятия Куклярским в 1919 г. спиритоношением в Усть-Камчатске». Облисполкомовская газета предает

гласности содержание найденного при обыске 4 октября проекта докладной Ф. Ф. Куклярского правительству, из чего следует, что большинство областных служащих — бездельники, обременяющие государственную казну, и что 60 % из них «надо убрать из Петропавловска».

Председатель облисполкома И. Е. Ларин предлагает делегатам, избранным на 3-й Камчатский областной съезд, зарегистрироваться у секретаря исполкома и одновременно доводит до всеобщего сведения время и место открытия: десять часов утра 8 октября, здание областной канцелярии.

Съезд открывается только в понедельник 11 октября. Задержка связана, по-видимому, с тем, что делегаты от Петропавловска были избраны лишь 10-го числа, если верить документу, подписанному накануне новым городским головой Е. А. Колмаковым и членом Управы В. И. Румянцевым, которые, «ввиду общественного значения Областного Съезда», просили жителей города отнестись к выборам «с должным вниманием и сочувствием».

На первом же заседании съезда возникли сомнения относительно депутатских полномочий А. И. Бабкина-Байкалова, выдвинутого Трудовым союзом служащих и рабочих. Правление Союза созвало 12 октября общее собрание. На нем присутствовало шестьдесят пять человек. За Бабкина-Байкалова проголосовало сорок пять, против — семнадцать при трех воздержавшихся.

16 октября 1920 г. съезд обсуждал форму управления областью. «Известия Камчатского Областного Исполнительного Комитета» писали: «Все делегаты, несмотря на энергичную защиту Земства гр. Добровольским (председатель 4-й ПГД. — В. П.), отнеслись к этой мысли единодушно — почти все отрицательно».

«Указывалось на незначительность оседлого населения, на которое лягут все тяготы, на громоздкость земского аппарата и отсутствие работников, на нежелательность передачи всей администрации в руки чуждого области человека — уполномоченного, на отсутствие специальных доходов, на которые можно содержать земство, так как главные доходные статьи — рыбные и морские звериные промыслы — эксплуатируются правительством, на недоброжелательное отношение к земству населения, видящего в нем реакционную затею, на привычку области к комитетскому управлению, существующему здесь с малым перерывом с революции 1917 г.

Высказывалось также, что земство вводится здесь чисто бюрократическим порядком, что показывает склонность Владивостока держать Камчатку в таком же забвении, как раньше».

1 ноября 1920 г. Н. В. Кочергин созывает Думу совместно с депутатами Народного Собрания (Батурин, Воловников, Добровольский) и представителями ведомства «для предотвращения отделения Камчатки от Дальневосточного буферного государства». Он зачитывает манифест о роспуске обл-

исполкома, «как незаконно выбранного незаконным, ввиду неполного представительства, областным съездом» и покидает думское собрание.

После краткого обмена мнениям ПГД выносит постановление: «Во главе областной власти до сих пор стоял не Уполномоченный, а Камчатский Областной Исполнительный Комитет, который, как законно избранный 3-м Камчатским областным съездом, является высшей властью в области, как отвечающий интересами демократии и стремящийся работать в контакте с Временным Правительством Дальнего Востока».

4 ноября горожанам становится известен текст телеграммы П. С. Маловечкина из Владивостока от 21 октября 1920 г.: «Предлагаю принять меры к отстранению Кочергина, подготовить почву для аннулирования постановления от 7 июня о признании Временного Правительства» (телеграмма адресована облисполкому).

А накануне, 3-го числа, исполком собирает особое совещание. На нем, помимо членов Комитета и заведующих отделами, присутствуют делегаты съезда, правление Трудового союза, гласные Думы, городской голова, Петропавловский уком РКП(б) и по одному представителю от всех местных учреждений. Всего около шестидесяти человек.

На повестке один вопрос: о действиях Кочергина. Против его осуждения высказались четверо во главе с И. Д. Добровольским, столько же занимают нейтральную позицию. Остальные одобряют позицию облисполкома. Власти надеются, что уполномоченный правительства «учтет все это и освободит область от своего присутствия».

5 ноября петропавловский мировой судья Н. М. Успенский приговаривает кочергинского заместителя Куклярского к трехмесячному тюремному заключению (или штрафу в 300 руб.). Вещественные доказательства — семь флаконов стрихнина — передаются в областную больницу, а шесть бутылок спирта возвращаются Куклярскому.

8 ноября 1920 г. Дума рассматривает заявление гражданина Зубкова об открытии в Петропавловске «ренского погребка на вынос». Вносится предложение не ввозить спиртных напитков совершенно. Всесторонне обсудив проблему, гласные постановляют «разрешить ввоз в Петропавловск ограниченного количества спиртных напитков, но лишь бы они не пошли в область, и при условии продажи здесь только по особым разрешениям от областной власти».

Гласный П. Т. Новограбленов не согласен с данным постановлением и остается при своем, особом мнении. Оно прилагается к протоколу заседания: «Все культурные страны и города во время Великой Войны (Первой мировой. — В. П.) вели решительную борьбу с пьянством, издавая запретительные законы против фабрикации и торговли алкоголем. Никто не сомневается, что такие же законы против спиртных напитков дали у нас в России лишь одни хорошие результаты

На основании изложенного, я не могу согласиться с разрешением у нас в городе открытой торговли алкоголем не только в полном объеме, как ренсковый погреб на вынос, когда Камчатка будет буквально залита спиртом, но и в таком виде, в каком Дума признает возможным иметь в городе кабак.

Мои оппоненты выставляли свой главный аргумент, что открытая торговля уничтожит нынешнее зло — тайную продажу, когда население переплачивает втридорога за скверный, вредный для здоровья японский спирт, при открытой продаже же будет населению принесена огромная польза. Но они забывают, что зло нельзя уничтожить злом».

Вместо Н. В. Кочергина правительство Дальневосточной республики, куда с конца октября 1920 по март 1921 г. входила Камчатка, назначило областным эмиссаром большевика Н. В. Холодова. Он выехал в Петропавловск в декабре 1920 г. со штатом служащих «и продовольствием на зиму». 14 декабря облисполком реорганизуется в Камчатский областной народно-революционный комитет.

В середине января 1921 г. на Камчатке проводятся выборы в Дальневосточное Учредительное собрание. В трех из четырех кандидатских списках значатся гласные ПГД: И. Е. Ларин, И. Д. Добровольский и А. И. Бабкин-Байкалов. Первые двое попадают в число депутатов Учредительного Собрания.

На 12 января городская Управа назначает аукционный торг: сорок мешков обойной муки по пять пудов каждый. Предварительная цена одного мешка 12 руб. (или иен). Место аукциона — пристань Добровольного флота.

В первых числах февраля 1921 г. милицией составляются протоколы на пятерых незаконных порубщиков леса (за нарушение обязательного постановления Думы от 26 ноября 1920 г.) и двоих граждан, уличенных в свалке «навоза и мусора на Култучном озере». Протоколы препровождены мировому судье для привлечения виновных к ответственности.

20 февраля 1921 г. городское самоуправление публикует финансовый отчет за прошедший год.

Доходов золотом поступило на 1920 г. 341 727 руб. Остаток недоимок и долгов разными учреждениями и лицами на 1 января 1921 г. исчислялся 8 375 рублей. Предполагалось к израсходованию, согласно сметы, 32 805 руб. сибирскими дензнаками и 13 677 золотом. Израсходовано 341 727 руб. золотом. На 1 января 1921 г. наличных денег на текущем счете 30 472 руб. 10 коп. золотом. Баланс — 835 653 руб. 56 коп.

В начале марта 1921 г. городская Управа объявила об обмене удостоверений на порубку леса на дрова в черте областного центра, в конце месяца известила всех желающих ловить рыбу, что им необходимо подать письменное об этом заявление не позднее середины апреля, «дабы иметь возможность своевременно распределить, как рыболовные участки между артелями, так равно и порядок пользования». Срок этот затем продлевается до 1 июня,

«после чего прежние владельцы будут считаться выбывшими и Управе предоставляется право передавать их другим лицам».

В мае, с наступлением теплого времени, Дума в очередной раз вступает в борьбу за чистоту в городе. Данный вопрос, несмотря на то, что в Петропавловске 500 домов и 1 200 жителей, оставался актуальным весь период действия городского самоуправления. Особенно тревожил гласных вред, причиняемый домашним скотом.

Три пункта из восьми обязательного постановления ПГД от 16 мая 1921 г. посвящены этому. «Устройство скотских стай, свинарников, отхожих мест, содержание на привязи лошадей и т. п. должно быть производимо на расстоянии не менее трех сажен от протекающего ручья питьевой воды...

Воспрещается обывателям распускать рогатый скот, свиней, лошадей и пр. по улицам города; выгон скота на пастбище разрешается только под присмотром владельцев, дабы животные не ходили по тротуарам и не портили их, а прогонялись проезжей частью улицы, бродячий скот будет арестовываться и загоняться в особые загоны, причем за содержание одной головы в сутки будет взыскиваться по 5 руб. золотом».

Городская Управа предполагает создать санитарную комиссию, которая бы к 1 июня совершила обход территории Петропавловска. 30 мая Управа созывает «частное совещание» по городским покосам, исправлению дорог и найме пастуха. На совещание приглашаются граждане-скотовладельцы. Они узнают о том, что самоуправление недавно обратилось с ходатайством в Камчатский облнарревком об отводе в пользование горожанам части сенокосных угодий Петропавловской сельхозфермы.

19 мая 1921 г. представители Думы — ее руководитель Ч. К. Щипчинский и городской голова Е. А. Колмаков, а также представитель морского ведомства В. И. Гайдамак и начальник народной охраны Н. П. Фролов составили акт на экипажи японских военных судов «Ивами» и «Канто». В акте значилось: во время зимней стоянки в порту они сваливали шлак и мусор под лед, а по вскрытии бухты — в воду. Кроме того, транспорт «Канто» часть шлака вывозил на береговую полосу, чем сделал берег Ковша непроходимым. Действия японских моряков, говорилось далее в акте, отравляющих нечистотами воду, препятствуют заходу в Ковш весенней сельди, что «отразилось на благосостоянии граждан».

Акт был препровожден облнарревкому, тот, согласившись с ним, передал копию японскому консулу в Петропавловске, прося распоряжения командирам судов об уборке вывезенного на берег шлака «в место, указанное городским самоуправлением, а также, чтобы в будущем шлак, мусор и нечистоты не выбрасывались в бухту, а вывозились на берег и там уничтожались, так как отбросы, выброшенные приливом, подвергаются гниению, заражая воздух».

Приводим ответ командира «Ивами» полностью: «Требование, изложенное в означенном письме, считаются несправедливыми, если только не существуют правила о порте Петропавловска Центральным Правительством и на основании международных обычаев установленные, и не установлены сооружения и порядок, дабы прибывающие военные суда могли надлежаще соблюдать таковые правила и пользоваться соответствующими удобствами».

26 мая 1921 г. во Владивостоке (на который традиционно ориентируется Камчатка) в результате переворота к власти приходит белое Временное Приамурское правительство. Глава возвратившейся оттуда областной делегации И. И. Гапанович заявляет на митинге в Народном доме, что это было неизбежным ввиду террора, развязанного в столице Приморья красной госполитохраной. Он призвал выделить Камчатку в самостоятельную государственную единицу. Гласный А. И. Бабкин-Байкалов предлагает резолюцию, требующую от облнарревкома передачи власти народу. Так писал в отчете о митинге официоз «Известия...» 26 июня 1921 г.

И. И. Гапанович и его сторонники, не дав себя арестовать, забаррикадировались в одном из казенных домов и предупредили народных охранников (милиционеров), что окажут вооруженное сопротивление. Просидели в осаде они больше недели.

4 июля 1921 г. по инициативе облнарревкома состоялось собрание представителей общественных организаций: городской Думы, Трудового союза служащих и рабочих, Союза камчатских кооперативов и Петропавловского кооператива — с участием, по требованию «заговорщиков», лейтенанта японского флота Минандзума и секретаря консульства Страны восходящего солнца Сидо. Накануне городской голова и секретарь Управы посетили консула, и тот заверил их о невмешательстве в русские дела.

Гласный П. Т. Новограбленов в резкой форме отозвался о Гапановиче и Бабкине-Байкалове и их планах, рассказав о предложенной ему «заговорщиками» должности министра народного просвещения области. Другой гласный А. Н. Пересыпкин сообщил, что они кричали: «Это не власть, а бандиты и разбойники!» Лейтенант Минандзума высказал пожелание, «чтобы это дело кончилось без крови».

Собрание поручило облнарревкому арестовать «заговорщиков» любым способом, но без применения оружия. Последних выручили 10 июля близлежащие селения — Завойко, Паратунка и Микижа — взявшие их на поруки. Возмутители спокойствия были отправлены туда впредь до высылки за пределы Камчатки.

17 июля Управа, во исполнение постановлений ПГД от 8 ноября 1920 г. и 5 июля 1921 г., вводит налог на ввозимое разными лицами в Петропавловск на пароходах пиво больше одного ящика. За каждый лишний — сбор 5 руб.

Получают последнее предупреждение все, кто сдал на выпас свой скот пастуху, однако до сих пор не внес положенный взнос. После 20 июля Управа собирается предъявить им через мирового судью гражданский иск.

29 июля 1921 г. проходит очередное заседание Думы. Среди обсуждаемых вопросов — взимать или нет налог с вырубки леса колонией прокаженных. Постановили: если рубят себе и своими силами — не взимать, а если через подрядчиков, то — на общих основаниях, по три рубля с погонной сажени.

А как быть с китайскими подданными Хя-Лусий-ли, который, не считаясь с русскими законами, без разрешения Управы, производит вырубку в городских угодьях «в целях эксплуатации»? Поручить Народной охране дознаться о количестве вырубки. Взыскать с иностранца попенный сбор в тройном размере за погонную сажень «с недостающего количества». Невывезенные с участка дрова конфисковать в пользу городского самоуправления.

В воскресенье 21 августа с аукционного торга, организованного городской Управой, продавались: «корова, 36 бочонков, 5 пыжиков, 5 нерпичьих, 1 медвежья и 1 коровья шкуры, 80 мешков джутовых, 1 американские весы, 12 пудов соли, 3 ружья разных и прочее».

День спустя Дума постановила отвести гражданам Клочкову и Сычеву земельный участок в Петропавловске под строительство консервного завода и электростанции, а также заключить договор с гражданином Миклашевским на устройство в городе электрического освещения.

30 августа 1921 г. опубликован приказ № 22, подписанный председателем и заведующим административным отделом облнарревкома И. Е. Лариным и заведующим подотделом Н. П. Фроловым: «Помощник начальника областной милиции Пересыпкин с 26 августа за появление в общественном месте в нетрезвом виде отстраняется от должности без права получения заштатного пособия».

1 сентября 1921 г. в больнице после тяжелой продолжительной болезни умер кандидат в гласные ПГД гидротехник Константин Иванович Навалихин. Считалось, что он надорвался на работе, поскольку последнее время с утра до ночи пропадал на огородах сельхозфермы. «На материк от него, — писала местная газета, — поступили прекрасные коллекции топоров и ножей, стрел и пр. В обществе изучения Камчатской области покойный состоял деятельным членом, сделав несколько докладов комитету».

Командир японского крейсера «Читосе» г-н Эндо пожертвовал городской Управе 100 иен «на благотворительные цели». Об этом горожане узнали 14 сентября, когда уже второй день в районе Култучного и Халактырского озер моряками вышепомянутого крейсера «производилась практическая стрельба».

6 октября было объявлено, что в воскресенье 9-го в помещении Управы состоится «торги на сдачу 2-х сельделовных участков с правом варки удобрительного тука».

Н. П. Фролов, уроженец Калужской губернии, из крестьян, член РКП(б), вспоминал некоторое время спустя: «Будучи начальником областной милиции в 1920 и 1921 году, мне приходилось часто сталкиваться с яркими противниками Областного Народно-Революционного Комитета в лице Щипчинского, Колмакова, Чернышева (руководитель Завойкинской волости. — В. П.) и Артюхина, случаи эти были более в 1921 году, когда во Владивостоке существовала Меркуловская власть. Когда Областной Комитет получил сведение, что на Камчатку едет экспедиционный отряд во главе известного главаря белобандитов Бочкарева, то упомянутые лица больше подняли головы и ставили препятствие Комитету».

В первых числах октября 1921 года Комитетом была получена телеграмма от командующего народной армией (Дальневосточной республики. — В. П.) по оказанию вооруженного сопротивления прибывающим на Камчатку бандам Бочкарева».

Облнарревком решил обратиться за поддержкой к гражданам областного центра и окрестных селений. Собрание по его инициативе началось в шесть часов вечера 6 октября 1921 г. в Народном доме. Основной доклад сделал И. Е. Ларин.

Документальное свидетельство об этом событии оставили тот же Фролов, секретари собрания И. И. Елисейев и М. П. Щербаков, а также сочувствующий РКП(б) В. И. Святой.

«Елисейев: Многими ораторами были обрисованы все зверства, какие производились в Приморье бочкаревцами.

Святой: После этого пошли разные прения и пререкания...

Щербаков: Главными из выступавших ораторов в противовес докладчикам были городской Голова Колмаков и Щипчинский. Первый говорил, что все то, что говорят о бочкаревцах — неправда, что это такие же люди, как и все. Одним словом, проводил мысль, что их нужно встречать чуть ли не с хлебом-солью...

Елисейев: ...что приедут люди, а не звери, что никакого вооруженного сопротивления не нужно, что покорную голову меч не сечет, что надо придерживаться Владивостока, то есть, какая власть там, той и мы должны подчиняться. Доктор Щипчинский указывает на несостоятельность и бессильность Облнарревкома...

Щербаков: ...как орган власти он должен уступить свое место другому, более сильному или убраться из города, или добровольно сдаться. На эту же тему и в таком же духе говорили Н. Косыгин, Артюхин, Чернышев и другие.

Святой: Гражданин Самсонов предложил вынести Комитету моральную поддержку, но вместе с тем Комитет должен уйти из города, так как в городе не имеется достаточно сил и оружия для сопротивления... Щипчинский возразил Самсонову, что моральная поддержка — не одеяло, от которого Коми-

тету было бы теплее, и настаивал, чтобы Комитет не предпринимал никаких вооруженных сопротивлений, а признал бы Приамурское Правительство, мотивируя, что там такие же люди, как и мы... Косыгин Н. П. говорил в своей речи, что наша поддержка поможет Комитету, товарищ Бочкарев товарищу Щербакову всыплет, как следует, а мы будем смотреть, и также доказывал, что Комитету лучше уйти, чем избавиться от лишнего кровопролития невинного населения.

Фролов: «Собрание постановило: не оказывать Облнарревкому активную поддержку, а только моральную, и избрали делегацию для ведения переговоров с бандитами».

В состав делегации вошли: председатель ПГД Ч. К. Щипчинский, городской голова Е. А. Колмаков, гласный Е. Ф. Одынец, а также четверо других авторитетных лиц.

В опубликованной 9 октября резолюции собрания говорилось, что оно «считает недопустимым нарушение мирной жизни граждан области и всякую перемену путем насилия».

Фролов: «Комитет учел свои силы и отношение жителей города и Завойкинской волости, стал готовиться к эвакуации в глубь области на случай прихода белобандитов. Тогда милицией было вывезено в тайгу оружие и собственное продовольствие. Узнав об этом, Чернышев стал требовать от меня и Думы объяснение, почему допускается, чтобы Комитет вывозил казенное продовольствие...»

8 октября 1921 г. в район рыбалки Шемлячек отходил пароход «Банзамару», на который было погружено 300 пудов муки для будущих красных партизан. По запросу Чернышева председатель Думы Ч. К. Щипчинский назначает заседание гласных совместно с гражданами Петропавловска на час дня. Пароход отправляется в четыре. Щипчинский приходит на пристань чтобы помешать вывозу муки. Там же — городской голова. Щипчинский пытается убедить китайского подданного, пароходного агента Федора Ивановича Сун-ин-туна снять с «Банзамару» народное достояние, прося пособить ему в этом японского консула, но — тщетно.

Е. А. Колмаков с кандидатом в гласные В. А. Павловым дожидаются Щипчинского, чтобы втроем направиться на заседание Думы. Начальник милиции предупреждает Щипчинского и Колмакова: «Этот номер вам не пройдет!» — имеется в виду мука — и грозит им обоим арестом. Фролов и его сторонники утверждают, что председатель Думы пьян.

По приказанию облнарревкома, начальник милиции запрещает думское заседание и предлагает публике разойтись по домам. Он приступает к аресту Щипчинского, однако сделать это ему не удастся. Чернышев (его Фролов называет «диктатором Завойкинской волости») выкрикивает: «Следует взять под стражу самого Фролова!»

После чего, как рассказывал гласный А. Т. Коробко, «в толпе последовало замешательство, воспользовавшись которым, теща и жена Щипчинского взяли Щипчинского под руки и увели домой».

Фролову запомнились слова Алексея Яковлевича Чернышева насчет того, чтобы обларревкомовцы не вздумали бежать из города по тракту — не то Завойкинская волость «будет Комитет “переножить”».

Ч. К. Щипчинский же везде стал заявлять, что обларревком «собирает свои манатки и удирает в сопки, и после этого слуха корейцы осаждали Комитет, чтобы он с ними расплатился», — вспоминал Н. П. Фролов. «В предупреждение открытого вооруженного выступления против обларревкома было объявлено: город Петропавловск находится на военном положении».

Заседание Думы, перенесенное на следующий день, не состоялось. 10 октября 1921 г. гласные получили заявление от Е. А. Колмакова. «В дальнейшем, — писал он, — не желая подвергаться по долгу службы оскорблениям и угрозой тюрьмы, я прошу Думу освободить меня от обязанностей городского Головы». Просьба Елизара Александровича осталась без удовлетворения...

15 октября 1921 г. «парламентеры» сложили свои полномочия, о чем официально уведомили обларревком, ПГД, Трудовой союз рабочих и служащих.

«С введением военного положения в г. Петропавловске, — значилось в документе, — делегация лишена возможности собираться и обсуждать столь серьезное возложенное на нее поручение. Безо всякой же подготовки вступать в переговоры с есаулом Бочкаревым — это равносильно погубить все дело и не исполнить взятых на себя тяжелых обязанностей. Долг же всякого порядочного гражданина — сознаться, может ли он выполнить то, за что взялся, или нет. Сознавая все это, делегация заявляет Союзу домовладельцев, а через него всему населению (так как других путей для оповещения последнего у делегации нет, благодаря административным распоряжениям), что она снимает с себя всякую ответственность за нарушение мирной жизни граждан, если таковое произойдет с прибытием есаула Бочкарева, с коим она ни в какие переговоры входить не будет». Заявление подписали Ч. К. Щипчинский, Е. Ф. Одынец, Г. А. Машихин, Н. П. Косыгин, Е. А. Колмаков, В. И. Святой. Нет подписи И. А. Шкляева.

23 октября 1921 г. особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирич передал начальнику штаба Северного экспедиционного отряда генерал-майору Н. А. Полякову следующее распоряжение:

«Предлагаю Вам выехать в Петропавловск с получением сего на корабле “Свирь” с вверенным Вам эскадрон Жандармской Полиции (по заключенному после русско-японской войны 1904—1905 гг. Портсмутскому договору Россия не могла держать на Камчатке воинские формирования, и они

назывались силами по поддержанию порядка: местной или жандармской командой. — В. П.). По прибытию в Петропавловск Вам надлежит вызвать представителей Городского Самоуправления и оказать им всякое содействие по восстановлению нормальных гражданских условий жизни в городе, нарушенных большевиками и их агентами. Подтвердите Городскому Самоуправлению, что Охотско-Камчатский Край принадлежит, как часть бывшего Генерал-Губернаторства, Приамурскому Временному Правительству. В случае какого-либо сопротивления со стороны коммунистических агентов, таковых предлагаю арестовать и содержать под стражей до моего прибытия. О целях экспедиции вообще и, в частности, о возложенных на Вас поручениях, Вам надлежит извещать представителей иностранных держав в Петропавловске, с представлением им копии моего приказа о прибытии моем в Охотско-Камчатский Край, моего обращения к населению и копии настоящего Вам предложения. Я прибуду в Петропавловск вслед за Вами по окончании дел в Охотском Крае».

Обнаряженком принял решение эвакуироваться без сопротивления, и 28 октября покинул город вместе со своими сторонниками. Ушло всего двадцать пять человек (двенадцать коммунистов и тринадцать беспартийных). «Свирь» уже стояла в Авачинской губе.

В половине десятого вечера того же дня состоялось экстренное заседание Петропавловской Управы в составе: городского головы Колмакова, Ивана Новограбленова и члена — секретаря Румянцева.

Сохранилось копия протокола этого заседания. «Заслушали: Обращение и приказ от 5 октября с. г. за № 38 Особоуполномоченного Приамурского Правительства и приказ от 28 октября с. г. . . . генерал-майора Полякова, прибывшего в Петропавловск из Владивостока с пароходом “Свирь” и передавшего вышеозначенные приказы с охотниками из селений Тихой Петропавловскому Самоуправлению для немедленного опубликования таковых жителям города Петропавловска. . .»

«Принимая во внимание, что, по слухам, местная областная власть с начальником милиции вышла из города неизвестно куда и, таким образом, оставила город без гражданского и военного Управления, что может привести к нежелательным инцидентам в смысле нарушения общественной тишины и безопасности граждан от несознательного элемента, а также учитывая то обстоятельство, что приказ генерала Полякова гласит в категорической форме, что, если к 7 часам утра 29 октября с. г. не будет сдано оружие, то от города не останется камня на камне и не будет дано никому пощады, Городская Управа, не желая проливать чьей-либо крови и разрушения города от артиллерийского огня, а также принимать ответственность на себя без поручения Думы — входить в переговоры с представителями Приамурского Временного Правительства, постановила: срочно собрать общее собрание граждан города Петропавловска в Народном Доме, на котором будут и боль-

шинство Гласных Городской Думы, и быть исполнительницей воли петропавловских жителей».

Завершившееся к полуночи собрание горожан передало власть в Петропавловске «впредь до установления нового порядка» городскому самоуправлению «как законно избранному гражданами города и отвечающему своему назначению», обязало сдать все имеющееся оружие военного образца (берданы) в Управу, одновременно назначив ночной караул из местных граждан «для наблюдения за порядком и спокойствием и охраны учреждений».

«Не имея в мыслях выступить против Приамурского Временного Правительства, забываясь, как видно из Обращения, о создании нераздельной России и благосостояния всего населения края, собрание единогласно избрало для поездки на пароход “Свирь” делегацию с самыми мирными пожеланиями из следующих лиц: 1) Председателя Городской Думы доктора Щипчинского, 2) Городского Головы Колмакова, 3) Одного члена Городской Управы, 4) Гласного Думы Новограбленова, 5) Председателя Союза домовладельцев г. Петропавловска (Косыгина. — В. П.) и 6) Гласного Думы Одынец».

По инициативе Е. Ф. Одынца, его выбрали старшим охраны города. Сочувствующий РКП Григорий Загоруйко впоследствии рассказывал, что охрану города набирал Колмаков, мол, коммунисты ночью придут и взорвут радиостанцию, поэтому охранять ее и Петропавловск должны люди верные...

К радиостанции был выставлен караул из десяти человек.

Регистрацию сданного оружия, по словам того же Загоруйко, «вел гражданин Румянцев, который с женою работал всю ночь... собрали полный кунгас». Другой участник событий А. И. Дьячков утверждал: от горожан поступило двадцать винтовок разных систем. Но так или иначе, наутро 29 октября делегация увезла все собранное оружие на «Свирь» на «моторе» рыбака Логвина Евстафьевича Захарова.

При изучении архивных материалов мое внимание привлек черновик объявления коменданта Петропавловска (есаула с неразборчивой подписью) от 30 октября 1921 г., обещавшего возвратить горожанам оружие «по предъявлении в семидневный срок гарантий от Городской Управы в непричастности к большевизму».

Стоящий «на платформе советской власти» портной Адольф Антонович Оссе, находившийся на борту «Свири» в момент приезда делегации, вспоминал: «Колмаков представился генералу Полякову, как Городской Голова, и они были приглашены в кают-компанию, где они долго разговаривали. После чего донесли казакам, что делегация от города просит вас занять город, и что они рады нас встречать, и что население ненавидит красных».

Поговаривали, о чем не преминул сообщить в 1923 г. на допросах по делу гласных ПГД А. И. Дьячков, что казаков генерала Н. А. Полякова встретил хлебом-солью Василий Илларионович Гайдамак, один из жителей города

(1881 г. рождения, по социальному происхождению крестьянин, унтер-офицер царской армии, в 1909—1919 гг. поставщик печеного хлеба на военные корабли, заходившие в Петропавловский порт, с 1917 г. — смотритель маяка).

Первый день новой власти в описании Г. Л. Загорулько (кандидата в гласные 3-й ПГД) выглядел так: «...Поляков со своим конвоем зашел сначала в городскую Управу, а затем к нам, в Казначейство, где спросил казначея: “Что, презренный металл есть или нет?” Ему казначей ответил, что давно уж нет, а что поступило, Комитет забрал. Поляков ушел со своим конвоем, который был вооружен исключительно городским оружием, то есть, с приклейками на прикладах. Он в этот день обходил все учреждения. Его сопровождал городской Голова и много граждан города Петропавловска».

Особоуполномоченный Приамурского правительства Хрисанф Платонович Бирич прибыл в Петропавловск вечером 11 ноября 1921 г. на «Кишиневе». 12-го утром пароход ошвартовался, на него поднялись городской голова Е. А. Колмаков, представители населения и некоторых фирм. «Все приветствовали меня и выражали радость и благодарность Приамурскому Правительству за спасение от большевиков и за восстановление в крае нормальных спокойных условий жизни, — докладывал во Владивосток Х. П. Бирич. — Для того, чтобы немедленно же осведомить население о задачах экспедиции, я просил Городского Голову пригласить всех желающих выслушать нашу информацию в Народный Дом на следующий день. Вопрос об информации населения сильно осложнился тем, что большевики, уходя из города, испортили единственную типографию...»

«В тот же день, — писал далее Х. П. Бирич, — у меня был с визитом на “Кишиневе” китайский консул Сун-ин-тун, являлись с приветствием два офицера от командира находящегося здесь японского стационара “Канто”. На другой день, в воскресенье 13 ноября, мною вместе с Н. М. Соколовым были сделаны визиты представителям Городского Самоуправления, японскому и китайскому консулам и командиру японского корабля “Канто”. У всех встретили чрезвычайно радушный прием и обменялись взаимными приветствиями и пожеланиями.

В три часа дня в здании Народного дома я передал собравшимся жителям г. Петропавловска и ближайших селений приветствие от Приамурского Правительства, поздравил с благополучным и бескровным избавлением от власти большевиков и выразил уверенность, что камчатские старожилы, помня подвиги и заветы предков, окажут должную поддержку Национальному Приамурскому Правительству в его героической борьбе за сохранение в целостности единственно уцелевшего от всеобщего разрушения и грабежа Дальневосточного угла нашей Родины.

После меня приветствовал собрание Н. М. Соколов, как представитель Правительства и ближайший его сотрудник за время борьбы с большевика-

ми, описал затем современное состояние Советской России, сделал обзор деятельности социалистов на Дальнем Востоке... изложил ход событий, вызвавших переворот 26 мая (приход к власти весной 1921 г. во Владивостоке Временного Приамурского правительства. — *В. П.*)».

Особоуполномоченный подчеркивает: все присутствующие слушали ораторов «с напряженным вниманием. Несмотря на полное отсутствие какой бы то ни было полиции и наряда войск, порядок на собрании самими его участниками поддерживался образцовый. Ни шума, ни возгласов, несмотря на то, что в здании было до пятисот человек самой разной публики».

За два дня до этого, 11 ноября 1921 г. Приамурское правительство для оказания экономической и культурной помощи, улучшения состояния казенного имущества и хозяйства, выяснения нужд и желаний местного населения учредило Особое по Охотско-Камчатскому краю Совещание из лиц, знакомых с краем, служивших или работавших там. Членами Совещания стали гласный 1-й и 2-й ПГД А. А. Пурин и руководитель 3-й ПГД И. Д. Добровольский.

16 ноября 1921 г. особоуполномоченный Х. П. Бирич провел заседание по борьбе против бесконтрольного ввоза на Камчатку спиртных напитков и установления акциза в пользу казны.

Ч. К. Щипчинский сообщил собравшимся, что этот вопрос уже обсуждался гласными, и они вынесли постановление о свободной торговле спиртным, но облнарревком не позволил ввести его в действие, «очевидно, опасаясь, что при свободной продаже... будет лишен возможности конфисковать в свое распоряжение».

Высказываясь за свободную торговлю спиртным, Щипчинский сослался на собственные наблюдения за бурятами, которые «до введения в их улусах монопольных лавок сильно пьянствовали, а когда монопольные лавки у них были введены, то пьянство пошло на значительную убыль»

Е. А. Колмаков поддержал Щипчинского, однако предложил предусмотреть ограничения в отношении инородцев, чтобы они не остались без средств на пропитание. В адрес правительства было направлено ходатайство о разрешении свободного ввоза, торговли спиртным и акцизного обложения.

На следующий день, 17 ноября, Х. П. Бирич выступил в Думе. Он «вкратце доложил о назначении его Уполномоченным от Приамурского Временного Правительства в Охотско-Камчатский край с правами прежних губернаторов. Далее выразился, что Камчатка без Владивостока не может существовать, как в географическом, так и в других отношениях, так как нужен пункт, который бы снабжал ее всем необходимым.

Задача Временного Правительства — установить на Камчатке демократическую власть (порядок), но твердую, каковая существовала при царе. Городским и сельским самоуправлениям Правительство дает широкие права, которые будут проводиться в жизнь, и надеется работать с ними в контак-

те». Гласные поблагодарили особоуполномоченного за доклад, приняв такой к сведению...

С конца ноября начинается работа по подготовке выборов в Пятую ПГД. 6 декабря 1921 г. горожане уведомляются о выставлении второго, уточненного списка избирателей в помещении городской Управы, Народном доме, управлении особоуполномоченного и комендантском управлении, магазине Чурина, правлении Союза домовладельцев. В списке четыреста восемьдесят фамилий. Теперь никакие изменения и дополнения уже не допускаются.

14 декабря 1921 г. Дума назначает выборы на 15 января 1922 г., продлив до этого срока свои полномочия. На том же заседании принимается постановление: «Всем лицам, которым отведены земельные участки в городе и не застроившим их до настоящего времени, надлежит подать в Управу заявления к 1 января о дальнейшей отсрочке, после какового срока участки лиц, не подавших заявлений, будут считаться свободными с правом передачи в другие руки».

К 1-му января 1922 г. группы избирателей, различные организации должны представить списки кандидатов в гласные. Их Управа обязана опубликовать не позднее, как за неделю до выборов. Списки эти подаются городскому голове под расписку одним из подписавших такой документ.

Помимо полных имени, отчества и фамилии, следует привести такие данные, как возраст и адрес кандидата, какую он имеет связь с городом. Претендентский список действителен только в том случае, если его подписали не менее двадцати человек, указавших собственные фамилии, имена и отчества и свой номер в «окончательно опубликованном» списке избирателей. Кандидат в гласные обязан письменно подтвердить согласие баллотироваться в Думу...

Между тем, переместившийся на партизанские базы обларревком на заседании 16 декабря 1921 г. заслушал доклад своего президиума о продлении полномочий 4-й ПГД. Постановление по этому вопросу приняли такое:

«Ввиду занятия города Петропавловска бандами Бочкарева и Полякова, в присутствии которых свободно провести выборы в новую Думу не представляется возможным. Кроме того, большинству трудящихся пришлось покинуть город, а часть трудящихся арестована и выслана во Владивосток.

Поэтому Комитет постановляет продлить срок Петропавловской городской Думы срока созыва 1920 года впредь до особого распоряжения Комитета. Думе предлагается вести работу, придерживаясь постановлений и распоряжений Областного Народно-Революционного Комитета и Всероссийской центральной власти и ничуть не исполняя никаких распоряжений находящейся в гор. Петропавловске “власти” самозванцев из лагеря Меркулова, возглавляемой неким Биричем, в противном случае Дума в целом будет привлечена к ответственности наравне с бандами Бирича и Бочкарева и понесут равное с ними наказание».

25 декабря 1921 г. городской голова Е. А. Колмаков председательствовал на общем собрании Союза домовладельцев Петропавловска, где предстояло избрать кандидатов в гласные новой Думы на срок до 1926 г. Колмаков сообщил, что выборы 5-й ПГД будут проходить как в 1919 г., по закону, принятому правительством А. В. Колчака, разъяснил некоторые его положения.

Председатель Союза домовладельцев Н. П. Косыгин попросил присутствующих отнестись к выборам «серьезно, продуманно, выбирать гласных... людей своих, городских, энергичных, более крепких умом и рдеющих интересам города, а не случайно залетных», ничего общего с ними не имеющих. А таких, напомнил он, в последней Думе было много, и они «ничего хорошего в жизнь не провели, а только тормозили ход дела».

Участники собрания согласились с Косыгиным: «Да, нужно проводить в Думу своих людей, а не приезжих», однако кандидатов в гласные от Союза домовладельцев не избрали, так как намеченные ранее баллотироваться отказались. Решить этот вопрос и своевременно передать список выдвиненцев в городскую управу было поручено правлению.

Собрание обязало всех домовладельцев в случае возникновения пожара «являться на таковой для тушения по первому тревожному сигналу соборного колокола со своими орудиями и другими принадлежностями, как-то: бочками, ломанами, топорами, ведрами, лестницами, лопатами, брезентами и бочками с водой на лошадях и нартах, смотря по времени года — с предупреждением, что, если кто из них не явится без уважительных причин, такие лица будут подвергаться штрафу...» Распределение между пожаротушителями инвентаря собрание возложило на руководство Союза «при участии городского головы Е. А. Колмакова и одного гласного».

26 декабря Управа начала рассылать всем, имеющим право голоса, именные удостоверения и избирательные записки.

1 января 1922 г. ею была устроена аукционная продажа разных товаров, в том числе какао, горчицы, прованского масла, синьки для белья, одеколона, туалетного мыла, бритв германских, скипидара французского...

Управа объявила о переводе в ее помещение из Народного дома городской библиотеки. Обмен и выдача книг производились по понедельникам и пятницам с 15 до 17 часов под залог (1,5 руб. за книгу и 50 коп. за чтение в месяц двух книг).

За полмесяца до выборов Союз домовладельцев, выставивший свой претендентский список, выступил в местной газете с обращением к избирателям, а точнее к людям, на голоса которых он рассчитывал. В обращении говорилось: «Помните, что этот день для всех имеет громадное значение, так как выбранный состав гласных будет решать в течение 4-х годов самые насущные вопросы городского хозяйства, в коих заинтересованы больше всех вы, домовладельцы. Благодаря своему домозаоводству, вы одни имеет прочную

связь с городом. Городские дела — это наши дела, а вы свои дела должны решать сами. Не поручайте решения городских дел кому попало. 15 января (с 9 час. утра до 9 вечера) все вы должны идти в Почтовую контору к урне и подать свою избирательную записку. Напомните в этот день всем членам своих семейств, имеющим право на голосование, чтобы и они исполнили свой гражданский долг. Голосуйте за список своего Союза!»

В первой половине января 1922 г. обострились отношения между гражданской и военной администрацией (Х. П. Биричем и Н. А. Поляковым). «Одно время, — вспоминал Е. А. Колмаков, — дело чуть не дошло до вооруженного столкновения. Бирич выставил караул со “Свири” возле своей квартиры, а Поляков около военного городка, у ворот; по сигналу, как та или другая сторона должны были выступить против друг друга». Конфликт особоуполномоченный объяснил своими категорическими приказами торговцам не отпускать без его ведома военным спиртное.

Улаживался этот конфликт по инициативе священника Петропавловского собора о. Михаила. На квартиру генерала Никиты Андреевича Полякова пошли вчетвером: сам священнослужитель, городской голова Е. А. Колмаков, председатель Думы Ч. К. Щипчинский и П. Т. Новограбленов. Они уговаривали генерала ради праздника — Рождества Христова — и спокойствия в городе прекратить ссору. Потом вместе с Поляковым отправились домой к Биричу. Там вновь началась пикировка — кто кому должен подчиняться. «В конце концов, — рассказывал Е. А. Колмаков, — Бирич и Поляков уверили нас, что команды не сделают ни одного выстрела. Но караулы не снимались всю ночь...» Однако 7 января все же произошел инцидент со стрельбой...

Из журнала заседания ПГД от 13 января 1922 г.: «Заслушав заявления председателя Думы и городского Головы о создавшихся недоразумениях и конфликтах между Особоуполномоченным Х. П. Биричем и генерал-майором Поляковым Н. А. и учитывая, что в случае вооруженного между ними столкновения это может повлечь за собой вмешательство японского командования с гибельными последствиями, как для города Петропавловска, так и для всей Камчатской области, Дума, стоя на защите Русской Государственности и населения города и области, и не входя в разбор по существу возникшего... постановила обратиться к означенным выше лицам с просьбою не допускать по отношению друг к другу какой бы то ни было репрессивных (пропуск слова. — В. П.). Кроме того, Дума постановила просить ознакомить ее со следственным материалом по инциденту, происшедшему 7-го января 1922 г. в квартире Особоуполномоченного Х. П. Бирича».

14 января 1922 г. «Камчатский листок» публикует сообщение об образовании избирательной комиссии по выборам 5-й ПГД под председательством Е. А. Колмакова. Один из приглашенных в качестве члена комиссии — гласный 2-й, 3-й и 4-й Думы И. Т. Новограбленов.

ПЯТАЯ ДУМА

За двое суток до выборов новой Думы, состоявшихся 15 января 1922 г., гласные на последнем своем заседании утвердили финансовый отчет городского самоуправления.

На 1 января 1921 г. в его кассе наличными находилось 629 руб. 34 коп. (здесь и далее — золотом), на текущем счете в Петропавловском казначействе — 1 082 руб. 45 коп. Год спустя: соответственно 199 руб. 42 коп. и 2 149 руб. 79 коп. Движимого и недвижимого имущества приобретено за это время на 500 руб. Вместе с имеющимися оно оценивается в 29 736 руб. 95 коп.

Задолженность юридических и физических лиц городскому самоуправлению к началу 1921 г. составляла 8 375 руб. На 1 января 1922 г. оставалось недоимок и налогов по окладным листам почти на 11 000 руб.

Предполагалось к поступлению и израсходованию в течение 1921 г., согласно сметы, 17 530 руб., израсходовано 4 624 руб. 56 коп. Списаны по акту похищенные неизвестно кем две бочки соленой рыбы (24 пуда 13 фунтов) стоимостью 72 руб. 98 коп. Дебет-кредит составил 87 629 руб. 90 коп.

Думцы заслушали также сообщение городского головы «о пожертвовании по подписному листу г. командиром японского военного судна “Канто” ста рублей (иен) на елку для детей в Петропавловское низшее начальное училище и поблагодарили его за отзывчивое отношение к русским детям-школьникам».

Выборы 5-й ПГД проходили в воскресенье в помещении почтово-телеграфной конторы по двум спискам: группы местных граждан (№ 1) и Союза домовладельцев (№ 2). В первом значилась двадцать одна, во втором — двадцать пять фамилий. Пятнадцать фигурировали в обоих списках, и среди них Е. А. Колмакова, Н. П. Косыгина, П. Т. Новограбленова, Е. Ф. Одынца, В. И. Артюхина...

16 января в девять часов утра, удостоверясь в целостности печатей, избирательная комиссия вскрыла ящик для голосования. Количество находившихся в нем записок (бюллетеней) полностью совпадало с числом избирателей. Шестнадцать из двухсот четырех записок были признаны недействительными, а таковыми считались незаполненные, исправленные, подчищенные или с подписью голосовавшего.

Наибольшее количество голосов набрали агент Добровольного флота В. И. Артюхин (163) и торговец И. Г. Подпругин (158). За ними следовали городской голова Е. А. Колмаков и член Управы, бухгалтер И. Т. Новограбленов — по 155. На восемь голосов было меньше у Е. Ф. Одынца и П. И. Федорова. Далее шли: бухгалтер, первый редактор газеты «Камчатский листок» (в 1914 г.) В. А. Огородников (140), председатель Союза домовладельцев Н. П. Косыгин (138), рыбаки Н. В. Савин (131) и Л. Е. Захаров (129). Педагог П. Т. Новограбленов набрал 118, председатель 4-й ПГД Ч. К. Щипчинский — 107 голосов.

Помимо названных, гласными стали еще восемь горожан. Итого — двадцать. Кандидатами к ним было избрано одиннадцать человек, за которых проголосовали от тридцати двух до восьмидесяти восьми избирателей (чтобы попасть в Думу, следовало набрать не менее 10 % голосов от числа принявших участие в выборах).

Особоуполномоченный Приамурского правительства Х. П. Бирич уведомил телеграфом свое владивостокское начальство, что «на выборах в Петропавловское Самоуправление прошли самые желательные лица».

18 января 1922 г. городская Управа получает выписку из протокола заседания президиума облнарревкома от 16 декабря 1921 г. за № 80. Думе предлагается «принять таковую к неуклонному исполнению».

20 января 1922 г. Управа представила Х. П. Биричу (согласно циркуляра Министерства внутренних дел от 14 января 1919 г. за № 204 и ст. 83 Правил о производстве выборов гласных) требуемые сведения о результатах голосования. Канцелярия особоуполномоченного «нарушений закона и неправильностей» не обнаружила, о чем сообщила в ПГД 25 января.

В тот же день Ч. К. Щипчинский, а также А. А. Пурин и И. Д. Добровольский присутствовали на совещании комиссии по организации военной милиции. 2 февраля датирован рапорт поручика Маслова командиру военного судна «Свирь» о гласном Н. П. Косыгине, подозреваемом в большевистской агитации.

6 февраля 1922 г. в Петропавловске состоялись выборы в Приамурское Народное Собрание. В списке № 1 Союза домовладельцев и коренных жителей значился В. И. Артюхин (И. Д. Добровольский баллотироваться отказался), в списке № 2 граждан города — Ардальон Александрович Попов и Анатолий Дмитриевич Батурин, гласный 4-й Думы, член Особого Совещания. Депутатом был избран кандидат списка № 1.

7 февраля 1922 г. в помещении Управы прошло первое торжественное заседание ПГД нового состава. Кроме гласных, в зале находились представитель Приамурского правительства генерал Н. М. Соколов, члены Особого Совещания Пурин и Добровольский с правом совещательного голоса, японский офицер с “Канто”, большое число жителей областного центра.

Заседание открыл в 18 часов Е. А. Колмаков. Он предложил господам гласным приступить «к подписке акта торжественного обещания честно и добросовестно исполнять принятые на себя обязанности» на срок до 31 декабря 1925 г., что они и сделали.

После этого Елизар Александрович доложил «о своевременном и успешном производстве выборов в городскую Думу и Приамурское Народное Собрание»; за помощь в проведении последних поблагодарил от имени избирательной комиссии делопроизводителя областной канцелярии М. Я. Марамзина.

Затем Е. А. Колмаков ознакомил Думу с деятельностью городского самоуправления в течение 1921 г., когда работали «с большим тактом и осторожностью, благодаря той ненормальности и разрухе, которая постигла нашу родину, и сознавая, что основная задача городского Самоуправления заключается в заботе о хозяйственно-экономических и культурно-просветительских нуждах города, к сожалению, нередко приходилось принимать участие и в делах политических, неуклонно стоя на страже поддержания порядка и спокойствия в городе».

На пост председателя 5-й ПГД сроком на один год гласные выдвинули Ч. К. Щипчинского, П. Т. Новограбленова и И. Ф. Голованова. Баллотироваться согласился лишь первый, который и стал председателем Думы, получив девятнадцать голосов.

При выборах товарища председателя также на год было выставлено пять кандидатур: братья Прокопий и Иван Новограбленовы, И. Ф. Голованов, служащие В. А. Павлов и С. В. Ганцев. Один за другим четверо по разным уважительным причинам от участия в баллотировке отказались. Остался П. Т. Новограбленов. Его, как и Щипчинского, избрали единогласно.

С приветственным словом к 5-й ПГД обратился представитель правительства Н. М. Соколов, отметивший, что прежний состав Думы, «несмотря на политические переживания страны, в лице малой своей единицы не допускал разрухи и поддерживал власть полезную». «Приамурское правительство, — добавил он, — проводя реальную политику, опирается на широкие массы населения, чью волю выражают городские и сельские Самоуправления».

На заседании выступили гласные 1-й ПГД А. А. Пурин и И. Д. Добровольский. По мнению последнего, все, избранные в городское самоуправление — люди достойные, а сама Дума имеет громадное значение для Петропавловска, как центрального пункта Камчатки.

А. А. Пурин начал свою речь с того, что вспомнил, как «впервые создавалось маленькое городское самоуправление и... никто не думал, какое Думе придется переживать тревожное время при всеобщей разрухе... На востоке приходится собирать Россию из клочков, как это было когда-то при Иоанне Калите собиране земли русской вокруг Москвы». Подобно предыдущему оратору, Александр Антонович выразил уверенность, что Петропавловск превратится с годами в более крупный город «и улучшится экономическое и культурное развитие его».

Все гласные открытым голосованием поддержали предложение председателя Думы (в 1923 г. И. Т. Новограбленов указывал на Н. М. Соколова, как на инициатора) послать приветственную телеграмму Временному Приамурскому правительству. Составить ее текст поручили специальной комиссии из четырех гласных: П. Т. Новограбленова, В. А. Павлова, С. В. Ганцева и Е. Ф. Одынца.

Городской голова избирался на четыре года. Думцы полагали, что с этой работой мог вполне справиться кто-нибудь из семерых: Е. А. Колмаков, Н. П. Косыгин, П. И. Федоров, В. А. Павлов, С. В. Ганцев, И. Т. Новограбленов, И. Д. Грызлов. Однако и здесь соперничества не получилось. Шестеро сняли свои кандидатуры в пользу Колмакова. Против него не было подано ни одного голоса, никто также не воздержался.

В избранную 5-й ПГД Петропавловскую Управу вошли городской голова Е. А. Колмаков, секретарь Думы В. И. Румянцев (на платной основе) и почетный член И. Т. Новограбленов. Все они, как и председатель ПГД со своим заместителем, избирались тайным голосованием.

Из текущих дел Дума рассмотрела вопрос о ветвраче (фельдшере) и, принимая во внимание сравнительно большую заболеваемость скота в городе и окрестностях, постановила обратиться через Управу к особоуполномоченному с ходатайством о выписке с материка «одного ветеринара с содержанием за счет государства».

Управа получила задание самостоятельно выработать наказ депутату Народного Собрания от Петропавловска В. И. Артюхину, каковой представить на рассмотрение городской Думы до отбытия его во Владивосток на пароходе «Охотск».

На том в 20 часов первое заседание 5-й ПГД завершилось.

8 февраля 1922 г. Ч. К. Щипчинский и Е. А. Колмаков направили Приамурскому правительству телеграмму, содержащую приветствие «за его национальную программу деятельности», благодарность «за заботу о Камчатском крае, выразившуюся в посылке судна “Охотск” с продовольствием в такое время года, когда примеры навигации прошлых лет, казалось, исключали всякую возможность это сделать». Телеграмма заканчивалась словами: «Город верит, что Великая могучая Россия возродится, если Приамурское Правительство будет неотступно преследовать великие намеченные цели — объединение народов Российского государства на началах народоправства».

14 февраля Управа вручила выработанный ею наказ В. И. Артюхину. Первым пунктом в наказе стояло: участвовать в Охотско-Камчатском Советании при Приамурском правительстве.

16 февраля 1922 г. Х. П. Бирич объявляет в Петропавловске и окружающем его районе военное положение. Приказ особоуполномоченного в тот же день зачитывается на экстренном заседании Думы. С этого она и начинает свою работу. Заслушивает доклад городского головы о текущем моменте.

«За последнее время в Петропавловскую городскую Управу стали поступать сведения о появлении в районах селений Кольгерь, Завойки, Паратунки и Авача каких-то партий вооруженных людей, которые, пользуясь отсутствием в селениях взрослых домохозяев, выехавших на охоту, переходят из селения в селение, кормятся за счет жителей, угрожают им насилием и имеют

смелость заявлять даже, что они поведут наступление на Петропавловск для свержения здесь органов власти, установленных Временным Приамурским Правительством.

Такие же сведения поступают и к г. Особоуполномоченному Временного Правительства, который по этому поводу объяснил городскому Голове, что с его стороны будут приняты решительные меры к ликвидации тех отрядов, не имеющих ничего общего с коренным оседлым Камчатским населением, если они будут продолжать тревожить местное население, жить за его счет и мешать его мирному, спокойному труду.

Попытки этих революционеров создать из себя какое-то подобие власти совершенно безнадежны, так как имеющийся в г. Петропавловске Правительственный отряд вполне достаточен для того, чтобы разогнать и преследовать всех этих революционеров в самом скором времени. Скоро же из Владивостока придут в Петропавловск еще правительственные суда с вооруженными отрядами для распределения по всему Камчатскому побережью.

Сегодня городскому Голове было сделано предложение гласным Думы В. И. Артюхиным поехать с одним или двумя гласными Думы в с. Авача и далее для встречи с лицами, называющими себя членами Камчатского Революционного Комитета, ознакомить их с позицией, занятой населением г. Петропавловска по отношению к Приамурскому Правительству, и убедить их отказаться от безумной и невыполнимой цели поднятия каких-то восстаний против той власти, которую население г. Петропавловска признало истинно-национальной и демократической и которую оно приветствовало телеграммой и пожелало полного успеха в деле возрождения и объединения Родины на началах народоправства.

Городская Управа, со своей стороны, одобряет предложение В. И. Артюхина, тем более, что он является депутатом в Приамурское Народное Собрание и глубоко благодарит Василия Ивановича за сделанное им предложение.

По докладу предложения В. И. Артюхина Особоуполномоченному последний также предложение это одобрил в интересах предупреждения бесполезного кровопролития между русскими людьми и во вред Русскому Национальному делу и, со своей стороны, указал на то, что в исполнении объявленной всенародно декларации Временного Приамурского Правительства ни в коем случае не будет преследовать каких бы то ни было революционеров, если они перестанут тревожить жителей и возвратятся к мирному труду. Мало того, если кто-нибудь пожелал бы выехать во Владивосток, то всем таким лицам будет предоставлен бесплатный проезд до Владивостока на пароходе "Охотск" и гарантируется полная безопасность.

Докладывая об этом Петропавловской городской Думе, городская Управа испрашивает согласия Думы на поездку В. И. Артюхина с одним или двумя гласными по избранию Думы в с. Авача для указанной цели и представляя-

ет проект обращения Петропавловской городской Думы к населению Петропавловского уезда на утверждение».

Год спустя на допросе в ГПУ доктор Щипчинский скажет о докладе Управы: «Его составлял генерал Соколов и препроводил гражданину Колмакову или Румянцеву. Составлен он был с таким расчетом, чтобы втянуть Думу в политику и восстановить Думу против действий Революционного комитета... участниками являлись Колмаков, Артюхин, Бирич и Соколов, но при каких обстоятельствах они составляли доклад, я затрудняюсь сказать».

В протоколе же заседания ПГД от 16 февраля 1922 г. записано, что доклад городской Управы «составлен на основании слухов от разных лиц и личного заявления председателя Сероглазкинского комитета Крупенина В. Е., что вооруженными лицами из партии коммунистов в дер. Халактырка и других производились насильственные мобилизации в свои ряды молодежи, а также забирались нарты с собаками для привозки юколы и брались частью продукты бесплатно».

Обсудив доклад, Дума приняла постановление. В нем отмечалась серьезность момента, «когда от безрассудного предприятия лиц, называющих себя Камчатским Народным Революционным Комитетом, возможна потеря всею населению Камчатки своих русских Национальных прав».

Доклад Управы был утвержден (из двадцати семи думцев, присутствовавших на заседании, двадцать шесть проголосовали «за», один «против» — кандидат в гласные Тарас Ефремович Головань, портной сорока лет, отец шестерых детей). Для «приведения к мирному исходу, без кровопролития, между отрядом Временного Приамурского Правительства и лицами партии революционеров» избрали еще двух парламентаров: Кобцева и Косыгина. Почему именно их? Кандидат в гласные Андрей Иванович Кобцев слыл «крайне левым», а Николай Петрович Косыгин имел среди партизан родственника В. М. Чекмарева (который, кстати, считал делегацию Артюхина разведкой).

Мнение о руководителе парламентаров, как о довольно умном, образованном и хладнокровном человеке, благодаря чему переговоры «могли бы привести к благоприятному результату» — разделяли многие. В. И. Артюхин происходил из крестьян Нижегородской губернии, окончил сельское начальное училище. В царской армии служил старшим унтер-офицером. В Петропавловске жил в собственном доме, занимал должность агента Добровольного флота. Поговаривали, что он как-то упоминал о своем эсеровском прошлом. Сам же Василий Иванович на вопрос, каковы были его политические убеждения при белых и после их ухода, отвечал так: «Я своих убеждений не изменял. Я — беспартийный, но эволюционист, демократ и сторонник демократической власти».

Мысль о переговорах с красными пришла ему дома по случаю того, что партизаны вступили на 8-ю версту Завойкинского тракта, чем была наруше-

на нормальная жизнь города. Вначале он сообщил об этом городскому голове — ходил в Управу. «На обратном пути я встретил генерала Соколова, который спросил у меня, куда я ходил. Я ответил ему, что ходил в Управу, он спросил, по какому делу...»

С идеей мирных переговоров они отправились к Х. П. Биричу. «Бирич сказал, что ничего против не имеет и спросил, кто согласится туда ехать. Соколов ему указал, что согласился ехать Артюхин».

На допросе у следователя в январе 1923 г. гласный С. В. Ганцев заявил: делегация направилась в стан красных, чтобы примирить их с белыми. Далее произошел такой диалог:

- Для какой цели помирить?
- Я считал, что на Камчатке война между русскими людьми бесцельна.
- Между какими русскими людьми?
- Между белыми, хотя и бандитами, и между красными.

Другой гласный Е. Ф. Одынец посылку делегации объяснял «исключительно целью не допустить какого-либо вооруженного столкновения и предложением миром разойтись и сложить оружие, потому что обстоятельства могут измениться ввиду присутствия японцев в Петропавловской бухте. Японцы могли занять Петропавловск».

На думском заседании 16 февраля 1922 г. было решено, что парламентары повезут с собой обращение к коренным жителям Петропавловского уезда, дабы оградить их от братоубийственной бойни. Помочь Управе составить его текст согласились В. А. Павлов, С. В. Ганцев, П. Т. Новограбленов и Н. В. Флетчер.

В основу обращения лег приведенный выше доклад Управы ПГД. «Появившиеся у города вооруженные партии, — говорилось в документе, — откажутся от своей цели, если мирное коренное население уезда, в свою очередь, будет доказывать и убеждать их отказаться от намеченного ими выступления и тем самым предотвратит никому не нужное кровопролитие между русскими людьми с явным вредом для *национальных русских интересов*».

Заканчивалось обращение традиционным утверждением о своеобразии географического положения Камчатки, в силу чего собственную политику она проводить не может и должна подчиниться тому, что «диктует ей материк».

В 1923 г. Ч. К. Щипчинский назовет это обращение превышением власти со стороны Думы, а часть содержащихся в нем обвинений в адрес облнарревкома не подтвердившимися — «например, насильственное забирание в отряды молодежи партизаны не производили и на счет местных жителей не кормились, за взятые продукты расплачивались валютой».

В путь парламентары отправились 17 февраля 1922 г. «Мы выезжали, — вспоминал Н. П. Косыгин, — утром, часов в 8—9 прямо из Управы». Каюр-

ным был Мутовин. «Белый флаг вез Артюхин... для того, чтобы показать, что едет мирная делегация, и стрелять в нее нельзя».

«По выезде из Петропавловска, — докладывал Думе через два дня В. И. Артюхин, — мы встретили караул из местного военного отряда, объяснив ему о целях своей поездки и предупредили, чтобы за время нашего пребывания там не было с этой стороны никаких разведок, тем более стрельбы.

На шестой версте от города по Завойкинской дороге нас встретил пост из лиц партии Комитета, в числе коих был некто Трухин, по слухам, будто бы убитый, как хищник (ворующий из охотничьих капканов пушного зверя. — *В. П.*), но в действительности оказавшийся живым. Пост Комитета нас начал опрашивать, куда поехали и зачем, на что мы и отвечали, что едем как делегация от Петропавловской Городской Думы к Председателю Комитета Ларину для переговоров о серьезности момента, когда каждую минуту может быть пролита кровь лиц партии и отряда Правительственных войск. Ответ был таков, что председателя Комитета здесь нет, а Фролов и Чекмарев здесь, но их поблизости сейчас нет, а Вы поезжайте в с. Авача, куда к Вам и приедет Фролов.

Приехав в с. Авача, там никого из членов Комитета не нашли и вооруженных лиц не видели. Подождавши несколько времени, мы Фролова не дождались, а жители сказали, что Комитет уехал в с. Завойко, куда вызывается и население волости на совещание.

Таким образом, не дождав в с. Авача Фролова, мы наняли две нарты собак и поехали в Завойко, где и зашли в их Волостной Комитет. В Завойкинском Комитете их также не нашли. Камчатский Комитет, говорят, еще вчера ушли все в деревню Коряки во главе с Лариным и, по рассказам, очень торопились. По словам исполняющего обязанности председателя Завойкинского Комитета Бибикова, члены Камчатского Комитета просили его написать от имени завойкинцев протест против существующей власти Временного Приамурского Правительства, но он такового не дал, а решил сделать совещание из оставшихся дома (большинство мужчин находилось на охоте. — *В. П.*) жителей волости на 17-е число февраля, но Ларин, не дождав этого совещания, ушел с Лукашевским и другими лицами — в числе шести человек.

Мы спросили по телефону Коряки и сказали, что Ларин еще там, но собирается уходить. Вызвав его к телефону, мы сказали о целях нашего приезда и попросили приехать в Завойко для обсуждения вопроса миролюбивой ликвидации возможного кровопролития. Ларин ответил, что ему нет времени приехать в Завойко для разговоров, но уверил, что они на город нападать не собирались и не собираются, а их цель — это срочно созвать Областной съезд, которому и сдать всю полноту власти в области, как избравшему Комитет, а до того времени “мы с оружием в руках будем защищать свои права”; что причина, вызвавшая перерыв сообщения, это та, чтоб не дать воз-

возможность солдатам генерала Полякова поехать к атаману Бочкареву и творить насилие над населением.

Сообщили Ларину об аресте его жены и жены Фролова и мотивы, вызвавшие это обстоятельство, чтобы не было насилия над задержанным полковником Лукомским, и предупредили его от имени офицеров местного правительственного отряда, что, какие меры будут приняты по отношению Лукомского, такие же будут и здесь к их женам.

Ларин сказал, что задержанного Лукомского он не видел, но слышал, что задержан он был с Самсоновым (каюрным. Лукомский был убит, но партизаны это держали в тайне. — В. П.).

На совещание в Завойко Ларин не прибыл, а когда через некоторое время мы еще хотели с ним переговорить, то нам уже сказали, что он уехал.

На совещание в Завойко прибыл член Камчатского Комитета Шлыгин, и когда ему сказали о желании уладить мирным путем обе вооруженные стороны, то он ответил, что не может вести никаких переговоров по этому вопросу без других членов Комитета и, тем более, Ларина.

На наш вопрос относительно занятия вооруженными людьми из партии Комитета дороги и этим перерыва сообщения города с населением Камчатки, он ответил, что причина не та, чтоб не дать части отряда генерала Полякова проникнуть в Няяхан к Бочкареву. По словам Шлыгина, будто бы, им известно, что “есть телеграмма в Петропавловск генералу Полякову от атамана Бочкарева об отобрании от местного населения пушнины и денег, а чтоб этого не произошло, Комитет и выступил на защиту интересов населения области, к отряду которого присоединились многие охотники и частью жители некоторых селений и решили не пустить бочкаревцев в область до тех пор, пока будут живы хоть один человек, а Областной Комитет может разойтись только после съезда, которому одному и можем передать власть”.

На наш вопрос, где они предполагают собрать съезд, Шлыгин ничего не сказал, говорит: “Не знаю, еще не решено”.

В это время в Завойкинский Волостной Комитет на совещание жителей прибыл Чекмарев и с ним 4 вооруженных человека и в довольно грубой форме начал нас спрашивать, зачем пришли, так как он, по-видимому, полагал, что мы приехали с целью пропаганды в Завойко, а в это время возможно повести на них наступление отряда Временного Правительства, потому что вслед за нашим проездом в с. Авача, они говорят, была разведка, и производились выстрелы.

Я дал Чекмареву постановление Думы и обращение к населению уезда, прочтя которые, он сказал, что за написанное всыплют со временем всему составу Думы, так как они ложные и ни на чем не основанные. Далее он сказал, что на город наступать их отряд не будет, но чтоб и отряд Временного Правительства не выступал за черту города. Их определенная цель — не про-

пустить бочкаревцев в область, а за это время созвать экстренный областной съезд и передать власть Комитета.

Относительно улаживания вопроса без столкновения вооруженных отрядов обеих сторон, он посоветовал приехать для переговоров в с. Авачу, куда мы и прибыли на заседание в семь часов вечера. Между прочим, я спрашивал некоторых жителей Завойки и Авачи об отряде Комитета, и мне сказали, что они даром ничего не берут и насилий никаких не делают, но агитацию против существующей власти ведут усиленную. Между прочим, я спросил два человека из деревни Халактырки, насильно ли взяты они в отряды Комитета или по желанию, и мне отвечали, что по собственному желанию, а причины те, что бочкаревцы осенью сего года зажгли у них сено. Крупенин же из деревни Сероглазка на мой вопрос отвечал, что пошел в этот отряд потому, что подавал прошение Уполномоченному Биричу о принятии его на службу, но он, “не читая моего прошения, бросил его под стол, вот и причина”.

В селе Авача мы увидели Фролова, которому я говорил о причинах ареста его жены и жены Ларина, на что он мне ответил, что это слишком бесчеловечно, нехорошо, варварство вымещать злобу на ни в чем не виновных лицах, что опять противоречит Обращению к населению Камчатки Временного Правительства. О Лукомском выразился, как о человеке интеллигентном, и, якобы, такие люди, как он, очень нужны им, а освобожден он будет лишь по выяснении общего вопроса и дал заверение, что Лукомский будет неприкосновенен.

Далее просил Думу обсудить вопрос об освобождении из-под ареста его жены и жены Ларина, причем предупредил, что, если их не освободят, то их отряд будет делать налеты на город, или совсем его обложат. Общая же цель Комитета — это не допустить части отряда генерала Полякова пробраться в Няхан к Бочкареву и творить там насилия над жителями, причем Фролов говорил, что часть отряда Бочкарева будто бы перебита инородцами за невозможные притеснения».

В этом месте Василий Иванович, прервав доклад, спросил зал, по чьему распоряжению в первый раз выставлен военный караул за с. Сероглазка.

На экстренном заседании ПГД с правом совещательного голоса присутствовали представитель Приамурского правительства Н. М. Соколов, начальник обороны г. Петропавловска Генерального штаба генерал-майор Н. А. Поляков, члены Особого Совещания по камчатским делам А. А. Пурин и И. Д. Добровольский.

Генерал Поляков объяснил, что в первый раз распоряжение о выставлении караула поступило от Х. П. Бирича. А городской голова Е. А. Колмаков назвал причину: «Председатель Сероглазкинского Комитета В. Г. Крупенин, расстроенный, прибежал в город и по секрету сообщил: большевики наступают на деревню, о чем Е. А. Колмаков и предупредил Особоуполномоченного».

Артюхин продолжал: «Я слышал здесь, что караул в Сероглазке поставлен по инициативе сероглазкинцев, но, странно, что на совещании в Завойко представитель Сероглазки говорил как раз наоборот и даже просил о снятии этого караула, так как они, якобы, боятся большевиков, что, благодаря караулу, на их деревню будет первое нападение большевиков, а то бы они, может быть, остались в стороне.

Между прочим, мне Фролов говорил, что им послана записка в Сероглазкинский Комитет о снятии военного поста, и если это не будет исполнено, то они сделают нападение на Сероглазку. Затем Фролов добавил, что «мы будем жить мирно, но до тех пор, пока не соберется Областной съезд, и, что он постановит, то мы и будем делать», а пока, ввиду защиты интересов населения, они не пустят в область бочкаревцев, так как считают себя ответственными перед населением за его благополучие.

В бывшей после нашего проезда в Аваче стрельбе они винят местный отряд, солдаты которого, будто бы, после нашего проезда сразу же пошли в разведку и натолкнулись на их отряд, после чего открыли стрельбу, а они отвечали и двух человек ранили.

Выезжая из деревни Авача в город, нам говорили (как Фролов, так и другие), что крайне желательно было бы еще переговорить, но лишь бы не было кровопролития, но на наш вопрос о сдаче и сложении оружия они категорически заявили, что не согласны до Областного съезда.

В заключение Фролов сказал: «Мы избегаем делать поступки, за которые бы нас впоследствии клеймили, или чтобы не осталось на нас пятна Тряпицына (приамурский красный партизан-анархист, который со своими отрядами «отклонялся от выполнения политики Советской власти, явно подрывал среди трудящихся доверие к коммунистическому строю». — *В. П.*) в настоящее время мы будем считаться только с Городской Думой и сельскими Самоуправлениями, а со штабом Временного Правительства не желаем вести никаких переговоров».

На вопрос из зала: «Какая причина тому обстоятельству, что отряд Комитета повредил телеграф, и дадут ли они его исправить?», делегация ответила: «Телеграф поврежден потому, чтобы не давать возможность местным властям иметь связь с жителями области, и исправить его они ни в коем случае не дадут».

В. И. Артюхин зачитал Думе копию протокола совещания жителей Завойкинской волости от 17 февраля 1922 г., а также «два отношения городской Думы из так называемого Штаба Комитета за подписями начальника штаба Фролова и помощника его Чекмарева».

«Я должен сказать, — подчеркнул В. И. Артюхин, — что члены Комитета и его агенты собирают по деревням протесты против существующей власти Временного Правительства, и уже несколько собрали, правда, за подписа-

ми двух-трех человек, каковой просили и в Завойкинском Комитете, но неудачно, и протесты эти далеко не в пользу Правительства, что видно и из обращений к населению, расклеенных в селениях, копии каковых, к сожалению, взять не удалось».

Артюхин обратился к Думе с предложением возбудить ходатайство перед властями об освобождении жен Ларина и Фролова. На что Н. М. Соколов и Н. А. Поляков тут же заявили: они будут немедленно отпущены, как только получат свободу полковник Лукомский и гражданин Самсонов, то есть, это целиком зависит от красных.

Давая ответ на вопрос, где находится в настоящее время Самсонов, делегация сослалась на Фролова, уверявшего, что тот поехал по делам партизан в Налычево «и должен возвратиться сегодня-завтра в город».

Насчет свободного проезда из города в Завойко далее красные обещали никому не чинить препятствий, кроме военных — их не пропустят ни в коем случае. На Х. П. Бирича партизаны смотрят как на Особоуполномоченного Правительства и до своего съезда не тронут, а после — «смотря по желанию такового, на власть Временного Правительства, как на захватчиков, на отряд атамана Бочкарева — совсем отрицательно».

Н. М. Соколов предложил повременить с принятием резолюции по итогам поездки до завтрашнего совещания у Х. П. Бирича, и Дума согласилась с ним.

В. И. Артюхин информировал собравшихся, что спрашивал у бывшего начальника милиции Фролова, куда исчезли деньги, вырученные за вещи Лисового (гласного 3-й ПГД, убитого в 1921 г.), и тот утверждал, будто много денег не было собрано, а остальные — у него. Мировой судья Н. М. Успенский дал Думе следующую справку: по аукционному листу Фролов растратил наличными 900 руб., и ему предъявлено соответствующее обвинение.

Делегация затруднилась ответить, «до какого пункта думают идти Ларин и Лукашевский для созыва Областного съезда». Ей показалось, они пока не знают.

Что касается вооруженных сил красных, делегация повторила то, что слышала от жителей Авачи — там было человек шестьдесят и, кроме того, по слухам, к ним должны прийти на помощь еще тридцать из Усть-Камчатска.

Н. П. Косыгин назвал положение, в котором находится городская Дума, «заколдованным кругом». Обе противоборствующие стороны, по их словам, борются за народовластие. «Кому верить? И кто прав и виноват?»

Товарищ председателя ПГД П. Т. Новограбленов обратился с запросом к членам делегации: кто их уполномочивал принимать участие в Завойкинском совещании, и в качестве кого они были там — как частные лица или как представители Думы? В. И. Артюхин объяснил, что «пришлось там быть по необходимости, за малочисленностью собравшихся жителей», и присутствовали они как частные лица.

П. Т. Новограбленов попросил внести в протокол слова Чекмарева, содержащие угрозы Думе в целом по поводу доклада от 16 февраля.

В самом конце заседания, продолжавшегося с половины шестого вечера до половины второго ночи, третий парламентар А. И. Кобцев сделал сообщение такого рода: ему передавали в штабе облнарревкома о получении, «хотя и с большим с трудом», нескольких посылок с пароходом «Охотск». Реакции на это со стороны Думы не последовало.

...Из приказа № 4 генерал-майора Н. А. Полякова войскам обороны г. Петропавловска от 18 февраля 1922 г.: «Гражданами города Петропавловска, ввиду недостатка личного состава служащих Городской Милиции для несения службы по охране спокойствия города днем и ночью, выражено желание организовать ночную охрану города из граждан-добровольцев.

Организацию этого дела приняло на себя Петропавловское городское Самоуправление при участии Статского Советника Н. М. Соколова, который принял на себя руководство охраной города гражданами-добровольцами с присвоением ему звания Начальника Добровольческой Охраны г. Петропавловска».

Город был разбит на три участка. Их начальниками избраны гласные Е. Ф. Одынец, Н. В. Савин и кандидат к гласным С. В. Таланцев.

20 февраля 1922 г. под председательством особоуполномоченного состоялось совещание «по поводу представленных делегацией от Петропавловской Городской Думы сведений о действиях и намерениях лиц, называющих себя Представителями Камчатского Революционного Комитета». На совещании присутствовали Н. А. Поляков, Н. М. Соколов, А. А. Пурин и И. Д. Добровольский. Обсудив создавшееся положение, они единогласно приняли постановление: «1. С момента вручения населением Приамурского края Верховной власти Временному Приамурскому Правительству всякие революционные комитеты в крае упразднены. В частности, Камчатский Рев. Комитет с момента водворения на Камчатке органов власти Приамурского Правительства также упразднен, и всякие с его стороны вооруженные выступления могут рассматриваться только как бунтовщические на территории Приамурского Правительства, и к подавлению таких выступлений Правительством и его войсками будут приняты самые решительные меры.

2. Никакой переборки части экспедиционного отряда не предполагалось, а из состава отряда около двадцати пяти человек, оставивших казенную службу, поступили по вольному найму в коммерческое предприятие и за счет этого предприятия должны были следовать на Западный берег Камчатки для сопровождения транспорта товаров, причем в обеспечение платы за наем нарты и довольствия людей в пути директором фирмы «Китомарус» Пилецким представлен господину Особоуполномоченному залог в сумме десяти тысяч золотых рублей.

Теперь, к сожалению, при создавшейся обстановке отправка транспорта состояться не может, и население, помимо лишения необходимых средств запасов, потеряло крупный заработок.

Войска, присланные Правительством, будут присылаться во все важные пункты Камчатки только для обеспечения мирной жизни и условий спокойного труда Камчатского населения, и, если бы не было вооруженного выступления Революционного Комитета, начавшаяся налаживаться спокойная жизнь ни в чем не могла бы быть нарушена.

Действия всех вооруженных отрядов, присланных Правительством на Камчатку, находятся под контролем Особоуполномоченного, и никаких жалоб (кроме маловажных проступков отдельных лиц, за которые виновные понесли заслуженные наказания) на какие-либо притеснения населению отдельными отрядами к Особоуполномоченному до сего времени не поступило. Правда, были произведены частичные реквизиции у некоторых лиц, торговых фирм, но за все взятое у них Правительство рассчитывается по действительной стоимости товаров.

3. Правительственные войска спокойно жили в городе и не нарушали нормального течения жизни населения до появления вооруженных отрядов, открыто угрожающих городу и его населению. Естественно, что если в семи верстах от города стоит вооруженный отряд, прерывающий всякое отношение города с окрестностями, арестовывая проезжающих с мирными целями, то и Правительственный отряд, пока хотя бы только для обеспечения города от нападения, обязан выставлять свои наблюдательные заставы, согласно Полевого устава, не считаясь ни с какими другими соображениями, так что, естественно, надо требовать, чтобы нарушивший спокойную жизнь населения коммунистический отряд ушел со своих позиций на такое расстояние от города, чтобы последнему не угрожала опасность неожиданного нападения, да и Правительственные войска снимут свое сторожевое охранение».

Четвертый пункт постановления гласил: правительство рекомендовало созвать в Петропавловске при первой возможности съезд от населения всего Охотско-Камчатского края; предполагаемый «чрезвычайный», с участием нескольких волостей, преждевременен и «ничем, кроме произвола коммунистов», не вызываем.

Участники совещания опровергли слухи о Приамурском Правительстве и его органах власти, распространяемые партизанами, кои, проезжая из селения в селение, сбивают с толку мирное население, поскольку оно «не может разобрать в предъявляемом ему на обсуждение материале заведомо ложных сведений». «Власть Приамурского Правительства, — утверждалось в постановлении, — крепнет и распространяется на новые районы».

Накануне совещания при особоуполномоченном, 19 февраля 1922 г., И. Е. Ларин подписал следующий документ: «Доводится до всеобщего све-

дения, что сего числа после временного перерыва Камчатский Областной Народно-Революционный Комитет приступил к дальнейшей работе по управлению областью в полном своем составе за исключением члена Комитета Александра Дубкова, который командирован в Командорский уезд. Всю корреспонденцию, телеграммы адресовать на имя Областного Комитета».

Согласно постановлению облнарревкома от 28 октября 1921 г. (дата его ухода в «сопки» партизанить. — *В. П.*) № 66, «все распоряжения, изданные правителем Биричем и бандитами Бочкаревым и Поляковым, отменяются».

...20 февраля 1922 г. гласные собрались вновь для выработки резолюции по докладу мирной делегации. Как и в предыдущий раз, в зале находились Н. М. Соколов, Н. А. Поляков, А. А. Пурин и И. Д. Добровольский — все с правом совещательного голоса.

Председатель ПГД Ч. К. Щипчинский обратился к присутствующему на заседании руководителю Сероглазкинскому сельского комитета В. Г. Крупенину с вопросом, какие он имел данные о насилии над мирным населением вооруженных людей «из партии областного комитета». При этом Щипчинский зачитал две бумаги, поступившие в адрес ПГД от штаба облнарревкома, где содержались угрозы привлечь к ответственности Думу в полном составе за ложные обвинения.

В. Г. Крупенин отвечал: два охотника из села встретили «около Налочевой отряд большевиков, который требовал, чтоб последние поступили в их ряды, а после отказа им было приказано возить на собаках икру, юколу и прочие продукты; братьям Черных были тоже подобные приказания, а также многие другие лица заявляли, что большевики не дают работать, задерживают по дорогам и заставляют возить их вещи». Председатель сельского комитета Сероглазки подтвердил необходимость ее охраны «ввиду письменных угроз большевиков, что они нападут на деревню». Он представил Думе копии трех жалоб в сельский комитет от разных жителей.

В. И. Артохин: «В бытность делегации на Завойкинском совещании, представители Сероглазки особенно не настаивали на снятии поста из их селения, но все-таки говорили, что лучше бы его убрать, дабы не было на них первых нападений большевиков, и от боя не пострадало мирное население».

В. Г. Крупенин счел нужным добавить: ему известно о намерениях красных, и, несмотря на их утверждения («идут бороться за народную власть»), им никто не поверит, так как «у них одни лишь хищники в отряде, которые нас погубили тем, что уничтожили всякого зверя, поэтому и нужно их послать туда, откуда они пришли». «Хищники» не только крали добычу из чужих капканов, но стреляли пушного зверя во время запусков, когда охота на него была запрещена.

(Эти и последующие затем выступления приводятся по протоколу заседания Думы от 20 февраля 1922 г.).

«Новограбленов П. Т. предлагает прекратить ни к чему не ведущие разговоры и находит, что рассуждать о банде разбойников — это терять авторитет Думы, которой нужно лишь обсуждать об интересах города, а не о шайке большевиков.

Председатель Щипчинский Ч. К. находит, что обсудить этот вопрос необходимо, основываясь на письменных угрозах Думе от Штаба Комитета.

Новограбленов П. Т. заявляет, что делегация из гласных была послана к большевикам для вручения постановления Думы, а не входить в сделки с разбойниками.

Председатель Щипчинский Ч. К. предлагает Думе в последний раз обсудить вопрос об угрозах большевиков всему составу Думы и вынести определенную резолюцию и в дальнейшем дело предоставить военным властям на их усмотрение.

Артюхин В. И. того же мнения, что и Щипчинский Ч. К.

Новограбленов П. Т. добавляет, что к власти Временного Приамурского Правительства, установившей известный порядок, наладившей государственный аппарат и т. п., нам нужно обратиться для ликвидации выступившей с угрозами шайки большевиков.

Павлов В. А. заявляет, что с делегацией Думы члены Комитета от переговоров уклонились, и пришлось им иметь разговоры только со второстепенными лицами, и теперь Дума, выслушав делегацию, ознакомившись с отношениями Штаба Комитета и заслушав протокол заседания Особоуполномоченного Временного Приамурского Правительства, должна вынести или определенную резолюцию или же — принять к сведению».

Щипчинский поддержал Павлова. Прекратив прения, гласные избрали комиссию по составлению резолюции, куда, помимо председателя Думы, вошли П. Т. Новограбленов, В. А. Павлов, В. И. Артюхин, Е. А. Колмаков и И. Д. Грызлов.

После часового перерыва резолюция была зачитана и единогласно принята открытым голосованием. В ее постановляющей части говорилось: «Предложить так называемому Революционному комитету и его вооруженным людям во имя спасения Камчатки и предотвращения братоубийственной бойни не предпринимая никаких активных выступлений, мирно разойтись, а разрешение всех вопросов, касающихся Камчатской области, предоставить будущему съезду, который должен быть созван в начале апреля с. г. в Петропавловске местными представителями Приамурского Временного Правительства из представителей населения Камчатской области, избранных без всякого давления с чьей бы то ни было стороны, а не тому съезду, который предполагает сделать в данное время коммунистическая партия под своим давлением.

По поводу снятия воинских частей из с. Сероглазки и сельскохозяйственной фермы Городское Самоуправление считает себя не в праве вмешиваться

в действия военных властей, но вполне уверено, что с очищением мест, занятых красными, будут очищены и вышеупомянутые местности Правительственными войсками.

Действия каких-либо политических партий, в особенности коммунистической, на Камчатке Дума считает недопустимыми и вредными для общего спокойствия жителей Камчатки, а равно вредными и для проведения в жизнь идей народовластия.

Порчу красными телеграфной линии на 6-й версте от города Петропавловская Дума считает умышленным актом со стороны коммунистов лишить возможности население города обмениваться мнениями с населением Петропавловского уезда в столь серьезное и ответственное время.

В случае, если после всего этого вооруженные отряды красных не разойдутся мирно, то Петропавловская Городская Дума считает себя обязанной заявить, что единственными виновниками могущих разыгаться на Камчатке событий являются именно лица, продолжающие именовать себя Камчатским Областным Комитетом и его агентами».

Облнарревком отреагировал на этот документ 22 февраля.

«Отношение Петропавловской Городской Думы к предстоящим событиям в России и, в частности, на Камчатке, выразившиеся в том, что Дума стала на защиту сфабрикованного иностранцами и ютящегося под крылом интервенции так называемого Временного Приамурского правительства и его агентов — сложилось не свободно, а под давлением кучки разнузданной военщины, произведшей в период заседаний Думы целый ряд арестов, избиений и других варварских приемов.

Арестованы десятки мирных, не причастных к вооруженной борьбе граждан, в числе которых есть старики и женщины, которым угрожают расстрелом. Под такой шум и бряцание оружием над головами безоружных граждан и арестованных Петропавловская Городская Дума другой резолюции вынести не могла.

Заявление Думы о том, что Областной Комитет лично уклонился от переговоров, основано на непонимании положения и враждебности к Комитету некоторых заправил. Областной Комитет впредь до возвращения из области в Петропавловск доверил, как руководство военными операциями, так и могущими возникнуть мирным переговорам, назначенному им с согласия всех отрядов Штабу, состоящему из пяти лиц.

Все факты, приводимые Думой, и допущенные выражения, как в Обращении, так и в резолюции, не только не лояльны, но глубоко оскорбительны для каждого честного русского, не продавшегося иностранцам, человека. После допущенных выражений не стоило бы ей говорить о том, что Думе беспричинно грозят.

Правительство, образовавшееся в части Приморья, занимаемой иностранными войсками, с помощью этих войск, и могущее существовать толь-

ко до увода иностранных войск с Приморья, не имеет никаких прав на Камчатскую область, переданную Дальневосточным Учредительным Собранием РСФСР, следовательно, не имеет никаких прав упразднить Камчатский Областной Народно-Революционный Комитет. Областной Комитет заявляет, что он будет продолжать работу до передачи своих полномочий Четвертому Камчатскому Съезду».

Реакцией на позицию Думы явилась и резолюция общего собрания всех военных отрядов облнарревкома от 22 февраля, принятая, подобно думской, единогласно.

На этом собрании, судя по резолюции, зачитывались какие-то документы за подписью генерала Полякова, из коих стало «ясно видно, что предполагалась переброска в Тигиль сорока отрядников, как их называет Поляков, и ничего не видно, чтобы это были бы добровольцы на частную службу».

Предложение Думы мирно разойтись прозвучало для красных «слишком наивно» и не могло быть выполнено «ни в коем случае» до съезда, созываемого ревкомом.

Обещания Приамурского правительства не преследовать тех, кто прекратит с ним вооруженную борьбу, собрание называет «самой бессовестной и наглой ложью», поскольку, «сразу же после этих вероломных заявлений начались аресты, насилия и убийства». В качестве примера приводится Петропавловск. «Со дня появления в городе насильников десятки граждан арестованы и увезены во Владивосток, гражданин Чужих зверски убит, десятки томятся в настоящее время в Петропавловской тюрьме и на пароходе “Свирь”. Причем все это мирные, ни в чем не повинные граждане».

В словах Думы о недопустимости действий на Камчатке компартии красные увидели «трусливые уши агентов Меркулова (председатель Приамурского правительства. — *В. П.*), которым коммунисты мерещатся днем и ночью».

«К великому сожалению, — говорилось в резолюции собрания, — в Отрядах и в Области коммунистов нет, за исключением двух-трех человек, не имеющих влияния на общий ход событий. В числе членов Камчатского Областного Народно-Революционного Комитета также только один коммунист.

Принимая все вышесказанное во внимание, и в то же время идя навстречу обманутому и закабаленному населению города, Общее Собрание Отрядов совместно со Штабом доводит до сведения Думы:

а) Впредь до решения созываемого Областным Комитетом Съезда Штаб Отрядов снимает свои передовые посты с местностей в районе города и не будет начинать в этой местности боевых действий.

б) В том случае, если вооруженный отряд Полякова и Бирича будет пытаться продвинуться от занимаемых им позиций и вблизи находящейся деревни по направлению тракта или в тайгу, Штаб Отрядов Областного Комитета примет меры для ликвидации этих попыток и снова оцепит город с тем,

чтобы окончательно ликвидировать никем не прошенных “правителей”. Ответственность за кровопролитие и разрушения, могущие произвестись в таком случае, Штаб с себя снимает.

в) Продвижение мирных граждан по своим делам ничем не будет нарушаться и может происходить вполне свободно, за исключением лиц, активно способствующих Биричу и Полякову. Дума, однако, должна предупредить население города, что те, которые повезут в Область вооруженных людей Полякова и Бирича или черносотенную противонародную литературу, будут задержаны и оставлены для обслуживания нужд отрядов.

г) Восстановление телеграфной линии впредь до решения созываемого Съезда допущено ни в коем случае не будет. Штаб Отрядов одновременно ставит в известность Городскую Думу и город, что верным для восстановления порядка свободы и спокойствия, как в городе, так и в Области, является отъезд отряда Полякова из города, на чем необходимо настаивать всему населению.

В случае очищения отрядом Полякова и Бирича города никаких преследований и репрессий против противников Камчатского Областного Народного-Революционного Комитета допущено не будет.

С отходом военных отрядов Камчатского Областного Комитета с позиций, занятых ими вблизи города, Штабом Отрядов выполнена та просьба, которая выражена в протоколе Чрезвычайного Общего Совещания из представителей местных жителей Завойкинской волости, полученной в штабе 20 февраля с. г.

В заключение пусть будет известно Городской Думе, что все участники Отрядов глубоко возмущаются той наглой ложью, которая распространяется о России среди Камчатского населения агентами исчезающего с горизонта черносотенного правительства.

Несмотря на то, что Россия переживает тяжелое стихийное бедствие — неурожай, на Камчатку было отправлено необходимое продовольствие, материалы и товары на зафрахтованном английском пароходе, но военные суда преступного Владивостокского правительства не пропустили этого судна на Камчатку. Черносотенцы, замаскированные в тогу народовластия, и сами решились, пока не поздно, извлечь пользу из Камчатки. Для этой цели ими введена на Камчатке военная (видимо, винная. — *Ред.*) монополия, ввезено в Петропавловск тысячи ведер спирта и посланы отряды отборных вояк, немало проливших народной крови в Приморье, где они известны и старому, и малому.

Мы, участники Отрядов Комитета, верим, что все это продлится недолго: в самом скором времени созываемый съезд одобрит действия Комитета и ликвидирует этих авантюристов, пытающихся, где за спирт, а где силой, захватить на Камчатке народные ценности.

Мы убеждены, что население Камчатской области до полной ликвидации народных врагов по всей России и в горе, и в радости будет с матерью Росси-

ей и ее передовым народом, а не укрывшимися на далекую окраину России отжившими свой век черносотенцами и авантюристами.

Копию настоящей резолюции препроводить Городской Думе».

19 марта 1922 г. в комиссию по составлению документа «в ответ на письмо Революционного Штаба» обратился А. А. Пурин.

«В июле 1921 г., — писал он, — в Японском море в нейтральной зоне посыльным судном “Взрыватель” был обстрелян пароход “Ральф Моллер”, шедший под английским флагом на Камчатку. Несмотря на пробоину, “Ральф Моллер” вместе с “Батареей” были задержаны и доставлены в японский порт.

На пароходе “Ральф Моллер” оказалось большое количество оружия, военное снаряжение, чекисты (члены чрезвычайной советской комиссии для производства террора и арестов), человек пятнадцать советских комиссаров во главе с Кларком и [...] Воловниковым-Фрумкиным. При наличии такого опасного груза японские власти совместно с английским консулом признали задержание парохода “Ральф Моллер” вполне правильным в интересах защиты порядка от произвола и покушений коммунистов на спокойную жизнь камчатского населения.

“Батарея” была освобождена и возвратилась во Владивосток, а пароход “Ральф Моллер”, груз и советские комиссары арестованы.

По дополнительным сведениям, Кларк (назначенный руководителем Камчатской области. — *В. П.*) и сопровождавшие его советские комиссары высланы обратно в Шанхай [...] Отпущенное советским правительством для содержания чекистов, подкупа китайских властей и прочего золото присвоено, по сообщениям газет, Кларком [...]

1 марта 1922 г. Х. П. Бирич издал приказ № 167/174. Согласно ему, «вследствие ухода коммунистических отрядов из окрестностей города и возвращения наших воинских частей в Петропавловск, окарауливание города» возлагалось на военных, а добровольческая охрана «от принятой на себя обязанности» освобождалась.

В именном списке добровольцев, представленном Х. П. Биричу начальником охраны Н. М. Соколовым, значилось девяносто три, а в местной газете — девяносто семь человек; эта публикация после возвращения в город красных вплоть до 1940-х гг. являлась своего рода компроматом и так или иначе повлияла на судьбу каждого из перечисленных в ней жителей Петропавловска.

Список открывал Артюхин, а завершал Щипчинский. Среди добровольцев были гласные С. Ганцев, Н. Косыгин, И. Новограбленов, В. Огородников, Е. Одынец, И. Ревацкий, кандидаты к гласным Л. Валицкий, Т. Вичиркин, Т. Головань, А. Кобцев, С. Таланцев, П. Федоров, Д. Шигаев.

С установлением советской власти одни участники охраны Петропавловска утверждали, что учредили ее, чтобы ввязать население в вооружен-

ную борьбу на стороне белых, другие — исключительно с милицейскими функциями. Второй точки зрения придерживался Е. Ф. Одынец, называвший караулы не дружинами, а постами на Первой, Второй и Третьей улицах... По его мнению, инициатива их организации принадлежала Биричу и Соколову. Существовала и третья точка зрения: охраняли город от пьяных белогвардейцев.

В приказе особоуполномоченного от 1 марта 1922 г. отмечалось, что за «редким исключением все являлись на свои заставы и посты в назначенное время и несли службу вполне добросовестно с полным сознанием важности принятой на себя обязанности, чем способствовали поддержанию в городе полного порядка и спокойствия и созданию среди жителей города уверенности в том, что, несмотря на близость нарушителей нормальных условий жизни городского населения, город вполне гарантирован от опасности неожиданного нападения и какого-либо ночного переполоха».

«Так как ночная охрана, — говорилось в приказе, — была организована при участии Городского Самоуправления в помощь городской милиции ввиду недостаточного состава последней, я считаю себя обязанным принести свою глубокую благодарность Петропавловскому Городскому Самоуправлению за оказанное в этом деле содействие местной административной власти и горячо благодарю всех участвовавших в организации добровольческой охраны, а равно и всех добровольцев, потрудившихся на пользу общего дела по охране спокойствия и безопасности населения города».

Тем же днем, 1 марта 1922 г., датирован иной приказ — штабу соединенных отрядов облнарревкома, подписанный его председателем И. Е. Лариным: «Занять боевые позиции около города. Установить секретные посты по тракту, ведущему по направлению сел. Завойко. Ввиду того, что так называемые войска некоего Приамурского Временного Правительства не снимают своих постов с пунктов сельскохозяйственной фермы и Сероглазки — организовать сильный боевой отряд — Летучий — из отборных охотников впредь до прихода из области подкрепления, где спешно, независимо от созыва (облнарревкомом. — *В. П.*) 2-го Петропавловского Уездного съезда, предпринимаются меры к организации боевых отрядов.

Задача летучего отряда: делать набеги и быть готовым к засаде в случае, если бочкаревы попытаются проникнуть по тракту — в таком случае лучше их пропустить, а затем уже напасть.

Снять с колонии прокаженных и маяка телефоны, установить таковые для связи с Комитетом.

Для продуктивной и согласованной работы штаба с Комитетом — назначается при штабе уполномоченный Областного Ревкома М. И. Славский-Савченко (председатель Петропавловского укома РКП(б). — *В. П.*) — без одобрения которого штаб не может решать ни одного вопроса.

О всех действиях отряда и штаба периодически информировать Комитет, для чего впредь до установления секретного телефонного сообщения установить связь нарочным. Одновременно Комитет также будет информировать штаб о своих действиях».

1 марта 1922 г. И. Е. Ларин «по уполномочию Всероссийской Центральной Коммунистической партии» выпускает еще один боевой приказ № 1 членам Петропавловской уездной организации РКП(б). Они объявляются мобилизованными. Им предлагается «принять самое активное участие в осаде г. Петропавловска и охране дороги по тракту, лежащему по направлению к сел. Завойко в рядах Камчатского Областного Народно-Революционного Комитета».

«Члены партии, — гласит приказ, — должны своим примером увлечь рядовых членов отряда, не взирая на болезни, холод и голод [...] За нарушение означенного приказа будет доведено до сведения Центрального Комитета партии на предмет привлечения к суду Военно-Революционного Трибунала членов, нарушивших означенный приказ».

Приамурское правительство постоянно подчеркивало, что приняло на себя тяжелый труд национального возрождения былой Великой России, а также городских и сельских самоуправлений на законных началах, как единственных выразителей пожеланий народа, считая их первыми помощниками правительства в решении общих задач.

Именно это имел в виду Х. П. Бирич, направляя 2 марта 1922 г. письмо в ПГД. В этом письме он информировал ее о своем стремлении поднять культурный уровень населения — самый мощный рычаг «к пробуждению национального самосознания и любви к Отечеству». Особоуполномоченный обращал внимание Думы на положение школы, называя школу первейшим рычагом, излучающим свет знаний и вносящим оздоровление в народную жизнь во всех ее проявлениях.

«Городские школы, — писал он, — переживают острейший кризис по неимению отопления. Я взываю к Петропавловскому городскому Самоуправлению: помогите школе, не дайте ей умереть. Не забывайте, граждане гласные, что где нет школы, там нет тепла и света, и дети — наши надежды — бродят ощупью во мраке, постепенно теряя те божественные искры, которые заложены природой в человека при его появлении на свет Божий. Придите с посильной помощью. Я же, со своей стороны, приложу все усилия, чтобы при содействии вашем школа вознеслась на высоту, ей подобающую».

К школе местные самоуправления, подчеркивал Х. П. Бирич, не могут относиться равнодушно, так как жажда знаний является врожденным инстинктом здорового человека. Самоуправлениям нельзя упускать из виду школу, она, несмотря на политические и другие осложнения, должна жить нормальной жизнью и вести подрастающее поколение «правильным путем к идеалам человечества».

Между тем, Бирич по роду своей деятельности в прошлом не имел никакого отношения к системе образования. Его интересы как рыбопромышленника лежали в иной сфере. Достаточно перечислить названия докладов, сделанных им до революции на совещаниях, где собирались люди его профессии: «О найме русских рабочих на рыбные промыслы Камчатки», «Об утилизации крабов», «О предоставлении русским рыбопромышленникам права беспощинного ввоза рыбопромысловых грузов на их рыбалки и права фрахтования иностранных судов», «Об устройстве телефонов и дековилек (узкоколейных железных дорог. — *Ред.*) между рыболовными участками Камчатки». (Следует отметить, что Х. П. Бирич был первым, кто в 1911 г. предложил привлекать учащихся камчатских школ к практическим занятиям на русских рыбоконсервных заводах. Так он мыслил организовать на полуострове подготовку отечественных специалистов-консервщиков. — *Ред.*).

Письмо особоуполномоченного было отчасти ответом на бумагу, посланную ему 18 ноября 1921 г. активным думским деятелем, заведующим училищами Камчатской области П. Т. Новограбленовым, который писал: школы находятся «более чем в печальном положении», но вот обе городские «в отношении снабжения орудиями труда представляют счастливое исключение» и для их успешной работы «нужны две вещи: топливо (уголь, дрова) и жалование педагогическому персоналу».

Для того, чтобы система образования соответствовала элементарным требованиям правового государства, необходимо, по мнению Новограбленова, особоуполномоченному выступать в качестве официального попечителя учебного округа, «как это раньше лежало на Камчатском Губернаторе. Все учебные заведения должны быть государственными. Даже Петропавловское городское Самоуправление не в состоянии содержать ни одной школы в городе, и школы областного города будут владеть жалкое существование, если Правительство будет настаивать на передаче школ городу».

18 марта 1922 г. состоялось внеочередное заседание ПГД. Обсуждался текущий момент — «в связи с вооруженным выступлением большевиков». В заседании — согласно его протокола — приняли участие делегаты близлежащих волостей: Мильковской и Малкинской, представители Завойкинской и Паратунской, а также «большое количество частной публики».

Выяснилось, что население Петропавловского уезда не в курсе последних политических событий, а точнее — антиправительственной акции, предпринятой членами обларевкома с целью свержения существующей власти.

Гости из волостей пожелали ознакомиться «со всем письменным материалом, касающимся большевиков-коммунистов, и всех мер, какие были предприняты Правительством и городской Думой для бескровной ликвидации этой авантюры», а также получить словесные объяснения, если что-то покажется им не совсем понятным. Дума открытым голосованием постановила

удовлетворить просьбу представителей волостей и вторично заслушать всю переписку по данному вопросу.

После этого место председательствующего занял П. Т. Новограбленов, зачитавший совместно с городским головой Е. А. Колмаковым думские, прavitельственные и облнарреврокомовские бумаги.

Сам же председатель ПГД Ч. К. Щипчинский покинул зал заседаний. Свою позицию он изложил письменно: «Думское заседание господ гласных, в моих глазах, казалось более серьезным, чем всякие собрания кооперативных и других народных организаций, на которых зачастую решались весьма несерьезные вопросы. В думских заседаниях всегда приходилось решать серьезные вопросы, как экономического, так и политического характера, что и делалось до 18 марта с. г.

Но с созывом Думы 18 марта мы (я и городской Голова) поступили слишком легкомысленно, так как, по существу, не было достаточных заявлений для заседания таковой... и нам надлежало исправить свою ошибку, но я не нашел поддержки ни со стороны городского Головы, ни со стороны гласных.

Дело в том, что созыв Думы устроен согласно словесного заявления городского Головы о желании прибывших делегатов от четырех волостей Петропавловского уезда ознакомиться с положением дел в г. Петропавловске, а равно, в свою очередь, познакомить Думу с постановлениями своих частных съездов.

Подобное заявление и заставило меня согласиться на созыв Думы. В действительности же оказалось совершенно иное: были лишь представители в количестве трех от двух волостей — Мильковской и Малкинской. Документы же, представленные делегатами, не содержали в себе ничего существенного, мало-мальски соответствующего заявлению городского Головы. После ознакомления Думы с этими бумагами я предполагал, что вполне достаточно словесно поставить в известность делегатов о положении дел, не зачитывая всего делопроизводства Управы по текущему моменту.

Но некоторым гласным почему-то (на следствии в ГПУ год спустя они скажут, что хотели знать содержание протоколов, так как не все, особенно по части формулировок, доводились до них руководством Думы. — *В. П.*) потребовалось зачитывание всех Думских протоколов, а на мое заявление, что делегаты получают копии зачитываемых документов, эти гласные все же настойчиво требовали дальнейшего чтения думских постановлений.

К этому следует добавить и то, что делегаты сами заявляли, что их население послало в Петропавловск лишь для ознакомления с положением дел в городе — отнюдь не с целью информации городского населения с постановлениями их общественников.

Такое, по существу, несерьезное Думское заседание и заставило меня покинуть таковое, попросив заместить меня товарищем председателя и по-

дать на следующий день городскому Голове докладную записку о выходе моем из числа гласных».

Объяснительная записка датирована 25 марта 1922 г. (Тем не менее, Ч. К. Щипчинский остался и гласным, и председателем ПГД).

...Выслушав мнения депутатов и представителей волостей, ПГД поручила выработать резолюцию по всему оглашенному материалу для опубликования «во всеобщее ведение» граждан Петропавловского уезда и области.

Резолюция ПГД от 18 и 20 марта 1922 г. явилась ответом на документы красных (и, прежде всего, общего собрания отрядов облнарревкома), которые ранее, 7 марта, были ею приняты к сведению без обсуждения.

Дума подтвердила свою ориентацию на Временное Приамурское правительство, исходя из того, что Камчатка по своему географическому и экономическому положению собственной политики делать не может. К тому же, Приамурское правительство, по мнению гласных, безусловно, национальное и демократическое...

Возмущенная «наглым заявлением красных» по поводу ее, якобы, продажности иностранцам, ПГД напомнила о посылке мирной делегации из числа гласных в партизанский стан, своем призыве к населению предотвратить назревающий вооруженный конфликт, благодаря чему удалось в самый острый момент избежать пролития «русской крови на Камчатке в братоубийственной войне».

В решении отрядников не расходиться по домам Дума увидела «то самое намерение, которым руководствовались красные при своем первоначальном выступлении и которое руководит ими сейчас, когда они продолжают грубо нарушать мирную жизнь населения, преследуя лишь свои хищнические эгоистические интересы, стремясь к власти».

Партизаны пытались убедить ПГД, что среди них всего лишь два-три коммуниста. Дума расценила это как «желание выставить себя действительными защитниками интересов Камчатки, учитывая, что население ее к коммунистам относится отрицательно». Думцы не сомневались в том, что красный отряд целиком под влиянием коммунистов (во главе с М. И. Савченко-Славским), «желающих на Камчатке установить “земной рай”, от которого с голоду вымерло и вымирает в России миллионы ни в чем не повинных людей».

По поводу репрессий в отношении гражданских лиц Дума сочла необходимым заявить следующее: все взятые под стражу — кроме одного — освобождены, даже член ревкома И. И. Флетчер и красный отрядник С. А. Селиванов, как добровольно сдавшие властям оружие; из восьми высланных во Владивосток только Н. Белокопытов — местный житель, и о его возвращении городское самоуправление возбудило ходатайство еще до выступления красных в феврале; П. Чужих, подозреваемый в убийстве трех офицеров два

года назад, застрелен при попытке к бегству. Иными словами, ПГД отвергла утверждение облнарревкома о белом терроре в Петропавловске.

Думцы были уверены, что большевики ошибаются, говоря о введении винной монополии на Камчатке. «Правительством, — говорилось в резолюции ПГД, — разрешена лишь свободная торговля алкоголем при соблюдении всех законных требований в целях уничтожения спиртной контрабанды и отравлений спиртовыми суррогатами».

ПГД довела до населения свою позицию: красным следует освободить всех мирных жителей, которых они удерживают; врачи, священники и другие гражданские лица должны свободно передвигаться по Камчатке...

На думском заседании выступила гражданка Н. Л. Лосева, поведавшая о тяжелом семейном положении в связи с задержанием красными больше месяца назад ее мужа Е. С. Самсонова — каюра у полковника Лукомского, выехавшего в сторону селения Завойко.

Делегаты и представители волостей, присутствующие на заседании, расценили подобные действия красных как насилие над мирным населением. И Дума открытым голосованием постановила просить их «обратиться с требованием к большевикам о немедленном освобождении всех задержанных граждан г. Петропавловска и впредь никого не задерживать, так как все арестованные здесь по подозрению в коммунизме уже освобождены». Представители и делегаты волостей Петропавловского уезда дали на это согласие.

Последние два вопроса, рассмотренные в Думе 20 марта 1922 г., не имели никакого отношения к политике: перевод земельных участков с одних лиц на имя других, согласно дарственной записи (засвидетельствованной мировым судьей) и нотариального условия о продаже дома. ПГД постановила выдать в обоих случаях соответствующие удостоверения.

Во второй половине марта городская Управа информировала жителей областного центра о налогах текущего года.

Оценочный сбор с недвижимых имуществ устанавливался в размере 0,5 % с рубля; земельные участки под постройки облагались налогом от трех до пяти копеек. С торговых и «складочных предприятий», приносящих доход, в городскую казну шло по восемь копеек за каждую квадратную сажень.

С владельца шаланды взималось 10 руб., кунгаса (как и рабочей лошади) — 5, моторной лодки или катера — 2 руб. «с силы». Якорная стоянка коммерческого судна в Ковше стоила 30 руб., а в городских водах Авачинской губы — на 10 руб. меньше. Попудный сбор за грузы самоуправление определило в одну копейку.

Пуд заготовленного в городских владениях сена обходился косарям в пять копеек, а погонная сажень дров порубщикам — в полтора рубля. С бревен брали в казну города по пятаку (с каждого), с жердей — вдвое больше. Дворовая, охотничья собака — три рубля, ездовая — полтинник. Самые боль-

шие сборы были установлены для владельцев питейных заведений. Чтобы получить разрешение на ренсковый погреб, надо было уплатить 300 руб., столько же на трактир второго разряда (первого — 600).

В конце марта 1922 г. в правление Союза домовладельцев поступило заявление от его председателя, гласного ПГД Н. П. Косыгина. «Я, местный житель Петропавловска, 24 марта вез бочку с водою себе домой от церковного ключа. Не доходя до дома, позади меня шел какой-то солдат и начал меня понукать, как на лошадь, со свистом, я обернулся и увидел, что шедший солдат был пьяный...»

Косыгин ответил военному, мол, лучше бы помог довести, чем подсмеиваться. А везти воду ему в самом деле было тяжело. Попавшийся навстречу другой местный житель Н. П. Флетчер прикинул, что в бочке пудов десять, не меньше. Солдат же не оставлял своего занятия. Думец повторил просьбу. Солдат отошел сажени на две и матюгнулся на обоих штатских: «Эх, вы, иерусалимские обломы...»

Н. П. Косыгин не выдержал: «Зачем ты, дурак, шатаешься здесь! Ходит публика...» Солдат ударил думца по лицу. Увидев в стороне еще двоих казаков и среди них знакомого Власова, Косыгин, как руководитель Союза домовладельцев, попросил их задержать обидчика вплоть до объяснения у генерала Полякова, куда Косыгин пообещал явиться вместе с городским головой. Солдаты взяли своего сослуживца (он назвался Осьмининым) под руки и увели в направлении военного городка.

«Грубые действия со стороны чинов воинского отряда с коренным жителем Камчатки, — говорилось в заявлении Н. П. Косыгина в правление Союза домовладельцев, — могут привести к печальным последствиям и подорвать престиж существующей областной власти». Заявитель просил разобрать это дело и принять меры к предупреждению сходных явлений в будущем.

Принимая во внимание, что такого рода случай не единичен и подобное недопустимо «для мирного течения жизни», а также то, что потерпевший не только председатель Союза домовладельцев, но и гласный ПГД, правление высказалось за срочный созыв Думы по этому вопросу.

28 марта по приказанию начальника штаба Северного экспедиционного отряда (СЭО) Н. А. Полякова ротмистр Муратовский сообщил Косыгину: дознание об оскорблении действием его приказным 1-й сотни Хомяковым, произведенное военным летчиком полковником Андреевым, препровождено мировому судье Петропавловского и Командорского участка.

Когда 5 апреля Дума разбирала инцидент, мировой судья возвратил дело, ввиду его неподсудности, и теперь оно, по уверению генерала Полякова, будет слушаться в полевом суде во Владивостоке.

Между тем, в указанном выше документе за подписью ротмистра Муратовского содержалось разрешение гласному Косыгину вызвать обидчика на дуэль, как нанесшему «в публичном месте оскорблением действием».

Привлечение казака к наказанию полевым судом Дума признала достаточным и никакой резолюции по поводу инцидента не вынесла. Недовольный этим гласный Н. П. Косыгин остался при своем мнении.

После жалобы Косыгина (подтвержденной Н. П. Флетчером) ПГД заслушала отношение генерал-майора Н. А. Полякова за № 302 от 29 марта 1922 г. на имя городского головы: «Прошу предложить Думе вынести постановление о воспрещении жителям приглашать к себе в гости чинов 1-й сотни СЭО и угощать их спиртными напитками, так как никто из нас не имеет ни копейки, и мы не имеем возможности пить на свои средства, и если пьем, то — нас угощают жители или в кредит в столовой “Камчатка”».

Пожелание генерала было принято к сведению без вынесения определенной резолюции.

На думском заседании 5 апреля первым стоял вопрос о посылке делегата на съезд представителей нескольких волостей, созываемый по инициативе Мильковского и Завойкинского комитетов в с. Мильково. Гласный П. П. Рубецкий доложил Думе, что он, будучи по служебным (врачебным) делам в с. Завойко, читал протокол заседания представителей этих волостей по созыву съезда: руководителю облнарревкома И. Е. Ларину предлагалось дать письменную или словесную гарантию неприкосновенности городских депутатов «от насилий большевиков при поездке их на съезд», но он таковой гарантии не дал. Более того, имеются сведения, согласно которым отрядом красных принимаются меры к задержке делегатов и недопущению их в Мильково.

Выслушав доктора Рубецкого и детально обсудив положение, Дума тайным голосованием (один к семнадцати) от посылки своего представителя на мильковский съезд воздержалась. При принятии этого решения были учтены данные о задержании красными местного населения при проезде из уезда в город, а также обысках и насильственном изъятии имущества у некоторых лиц (жителя Большеерецка А. П. Корюкина и Сероглазки — П. А. Крупенина). По поводу заявления Крупенина «о насилиях над ними большевиков по Завойкинской дороге при переезде из с. Паратунки, выразившееся путем обыска и угроз», думцы единогласно поручили городской Управе приложить копию заявления к документам и послать на созываемый в Мильково съезд — для сведения.

В постановлении Думы от 5 апреля 1922 г. говорилось: «Несмотря на то, что Особоуполномоченным и военными властями предпринимались все меры к предотвращению кровопролития между правительственным отрядом и коммунистами, как русскими людьми, и в городе текла вполне спокойная жизнь, большевиками зверски произведено убийство солдат и один ранен, ездивших в лес по дрова, и уведено четыре лошади, потому нельзя быть уверенным, что и на представителя народа невозможно подобное же нападение...

Городская Дума считает большевиков-коммунистов не защитниками трудового народа, а просто бандитами на большой дороге».

Представитель особоуполномоченного Н. М. Соколов, со своей стороны, заявил: делегат от администрации не будет направлен на съезд по тем же причинам, что и думский, а также ввиду невозможности, при всем старании, достичь компромисса с большевиками, и «придется с ними действовать не словами, а с оружием в руках, как с бандитами».

Н. М. Соколов подчеркнул: правительством намечен созыв областного съезда, в компетенции которого обсуждать экономические и политические вопросы. Съезд же в Мильково следует рассматривать только как волостной, решающий местные проблемы.

Дума приняла к сведению телеграмму военной администрации Охотско-Камчатского края полковника Валериана Ивановича Бочкарева и оперативную сводку «о движении и занятии его отрядом многих важных северных пунктов до г. Якутска включительно совместно с коренным населением тех местностей».

Тайное голосование по седьмому пункту повестки выявило разный подход думцев к внутренней охране Петропавловска из числа горожан в помощь милиции. При тринадцати голосах «за», четырех «против» и одном воздержавшемся постановили: «Охрана города и горожан, безусловно, необходима». Вторичное открытое голосование продемонстрировало единодушное мнение по обсуждавшемуся вопросу: вменить в обязанность всем проживающим в городе лицам (русским подданным) нести внутреннюю охрану в помощь городской милиции, согласно инструкции, каковую должны выработать ее начальник и городской голова.

Дума поручила также начальнику милиции взимать с прописки паспортов иностранных подданных, поскольку те, пользуясь наравне с русскими городскими угодьями, не платят никаких налогов — по три рубля, в расчете, что 1 руб. 25 коп. пойдет в доход города, а остальное — «на больницу».

ПГД установила пятипроцентный сбор на городские нужды с постановщиков спектаклей, иллюзиона (кинопоказа) и прочего, устраиваемого в Народном доме.

Протокол заседания ПГД от 5 апреля 1922 г. безоговорочно подписали тринадцать из семнадцати присутствовавших на заседании народных избранников; Г. П. Миничев — за исключением седьмого пункта об охране города. В протоколе отсутствуют подписи В. А. Павлова, Н. В. Флетчера и П. И. Федорова. Два дня спустя гласный В. Е. Лунев попросил исключить его из состава Думы, так как не имеет возможности участвовать в ее работе.

Помимо Н. М. Соколова, на заседании Думы 5 апреля был еще один представитель Приамурского правительства, член Особого Совещания по камчатским делам, первый демократически избранный в 1917 г. руко-

водитель области А. А. Пурин, несколько лиц от населения уезда и граждан Петропавловска.

7 апреля 1922 г. председатель Думы Ч. К. Щипчинский и городской голова Е. А. Колмаков обратились в штаб нарревотряда с письмом на имя Г. Елизова. Они просили вернуть «наших собак», то есть нарту гласного А. И. Кобцева, отправленного Думой в стан красных с заданием узнать, жив ли полковник Лукомский. Думцы полагали, что он, подобно Лукомскому, задержан партизанами, в то время как Кобцев был перебежчиком.

Неделю спустя облнарревком получил документ иного характера. Его копии предназначались сельским и волостным комитетам — органам власти на местах. В этом документе содержалась резкая критика деятельности ПГД и ее руководства.

Городское самоуправление обвинялось в пособничестве белым и, прежде всего, главе их гражданской администрации Х. П. Биричу. «Посланец Владивостокских черносотенцев, монархистов и купцов сахалинец Бирич сам по себе совершенно бессилён и не может продержаться и одного дня в городе. Но незаконная “Дума” (напомним, что облнарревком, не имея на это прав, продлил полномочия старой, 4-й. — В. П.) впредь до изгнания Бирича, учитывая свои преступления перед населением Области, всеми силами старается укрепить “власть” Бирича, а так как трусливые выкрики в ихней резолюции и прочая шумиха думцев нисколько не укрепляет разбойничьей власти, думские дельцы, забросив городские хозяйственные делишки, для которых они избраны, взяли на себя роль “парламента” и поставили разрешением вопросы Государственного значения.

Узурпаторы-думцы ведут переговоры с японскими фирмами о продаже Командорских островов. Узурпаторы думцы ведут переговоры о продаже в аренду казенной сельскохозяйственной фермы. Узурпаторы думцы всячески способствуют разбойникам о разграблении Народного Достояния. Узурпаторы думцы насильно посылают Биричу для несения караульной службы мирных граждан, называя их “добровольцами”».

Инкриминируя гласным перечисленное и называя это неслыханными на Камчатке преступлениями, составители документа подчеркивают, что «преступления творятся людьми обезумевшими, потерявшими всякую честь, стыд и совесть», которые «надеются в трудную минуту бежать от правосудия вместе с меркуловскими самозванцами».

Далее даются характеристики «пытающимся решать судьбу Камчатки: 1. Голова — безголовый Колмаков, подхалим и вечно пресмыкающийся перед более сильными, до сего времени славившийся только ночными похождениями для растления малолетних девушек.

2. Доктор Щипчинский на материке давно уже находился бы в доме сумасшедших. Этот человек двадцать раз меняет свои убеждения. Много раз был

защитником народной власти, но в большей мере работает в лагере народных врагов. Первым уездным съездом объявлен врагом трудового народа.

3. Новограбленов — вечно ползающий у ног сильного.

4. Румянцев — бывший колчаковский офицер, хулиган и пьяница.

Далее идут одыныцы, федоровы, грызловы и прочие шарлатаны, плохие имена которых вызывают негодование у знающих их тружеников. Вот кем держится Бирич. Вот кто от имени Области хочет продать Камчатку».

Воздержимся от комментариев по поводу вышеприведенных обвинений, пригласив вместо этого читателя проследить за дальнейшим развитием событий вокруг ПГД, поступками тех, кого в январе 1922 г. жители областного центра избрали гласными — депутатами местного самоуправления.

Цитируемый нами документ заканчивался неприкрытой угрозой в адрес думцев. «Штаб военных отрядов придерживается вынесенной отрядами резолюции, до сего времени не открывал военных действий в районе города, ожидая решения съезда. Но в данное время, если съезд (имеется в виду открывшийся 12 апреля в Мильково 2-ой чрезвычайный Петропавловский уездный съезд нарревкомовцев. — *В. П.*), со своей стороны, не предпримет экстренных и решительных мер против действия незаконной Думы и Бирича, то штаб уже не может дать гарантии в дальнейшей пассивности, так как трудно удержать отдельных личностей от самой жестокой расправы, как с гласными Думы, так и с биричевцами».

Документ подписали: Н. П. Фролов, командующий партизанскими отрядами, М. И. Савченко-Славский, уполномоченный облнарревкома при штабе отрядов, руководитель Петропавловского укома РКП(б), Глухих — за секретаря.

Тем временем, один из наиболее авторитетных думцев В. И. Артюхин, избранный от Петропавловска в Приамурское Народное собрание, готовится принять участие в его деятельности. Он запрашивает Владивосток, кому сдавать дела на своей основной (оплачиваемой, в отличие от думской) работе — агентстве Добровольного флота, и оставляет за себя Е. А. Колмакова.

Приехавшие в двадцатых числах апреля 1922 г. из Милькова в город общали: несмотря на то, что «трехволостной съезд» не состоялся из-за отсутствия малкинских представителей, сама Мильковская волость солидарна с Завойкинской, а также с Петропавловской Думой, как с наиболее осведомленными в вопросах экономики и политики; это подтвердил 31 марта Мильковский волостной съезд, обсудивший материалы ПГД, особоуполномоченного Приамурского правительства и облнарревкома и принявший постановление о нежелательности всяких выступлений вооруженных отрядов, восстановлении телеграфного и телефонного сообщения с областным центром и свободном поезде, как до Петропавловска, так и обратно.

В период существования в областном центре городского самоуправления, аренда казенных построек и имущества производилась только через Думу. 25 апреля 1922 г. она, по ходатайству фирм Виттенберга и Фукуда-гуми, распорядилась сдать городской склад на пристани с торгов в ближайшее время. Аналогичное решение было принято в отношении двух комнат и бильярда в Народном доме по заявлению частного лица В. К. Сиротина, просившего также разрешить ему «буфетную торговлю во время спектаклей и иллюзионов и вне их». Петропавловское самоуправление подыскивало помещение и для себя. Признав условия аренды приемлемыми, Дума постановила произвести там ремонт и заключить с областной властью договор на пять лет.

Командир японского военного судна «Канто» господин Сицида получил разрешение на пользование дамбой на Кошке для выгрузки до двух тысяч тонн угля за установленную Думой плату 500 руб. (нен).

Добыча рыбы иностранцами для собственного употребления «без права эксплуатации не отразится особенно на уменьшении населением лова сельди» — к такому выводу пришли гласные и, во изменение своих предыдущих постановлений, удовлетворили прошение японской фирмы «Нихон-Моохи» о промысле данной породы, ограничив двадцатью саженьями длину сеток с оплатой городского сбора по пять рублей с каждой.

Заслушав телеграмму председателя созданного большевиками 2-го Петропавловского чрезвычайного уездного съезда И. Рябикова о незаконной, якобы, сдаче фирме «Нихон-Моохи» Командорских островов Х. П. Биричем совместно с Думой, гласные отметили, что в упомянутой телеграмме «кроме извращений фактов и лжи, ничего нет» и постановили «прекратить с большевиками всякую переписку» и впредь никаких резолюций в связи с их посланиями не выносить.

За тонну пресной воды со стоящих в порту иностранных судов решено было взимать по 30 коп. — на 20 коп. меньше, чем с соотечественников. Скорректированный больничный сбор выглядел теперь так: с иностранцев по два рубля, со своих — по одному. Городской голова сообщил о желании японцев устроить в пятницу 28 апреля 1922 г. в Народном доме иллюзион «с их картинами для японских военных и гражданских лиц и русских граждан по приглашению с бесплатным входом». Желание подданных Страны восходящего солнца удовлетворили.

Покидающий Камчатку М. С. Миклашевский предложил купить у него за 150 руб. карту Петропавловска. Городская Управа получила задание осмотреть ее и, если «таковая отвечает назначению плана города, то приобрести».

Доклад начальника городской и уездной милиции Д. И. Пригоровского Дума заслушала в тот же день, 25 апреля, при закрытых дверях. Гласные С. В. Ганцев и И. Д. Грызлов сделали запрос, могут ли они присутствовать на этом заседании (где будет, по-видимому, рассматриваться политический воп-

рос), поскольку у первого сегодня, а у второго 19-го числа членами местной сысковой милиции производился обыск, «вероятно, с подозрением в соучастии с большевиками».

Дума сильно удивилась такой новости, так как «за все время выступления большевиков стояла отрицательно по отношению к ним», вдобавок, признала Приамурское правительство. Сожалея по поводу происшедших недоразумений, гласные постановили вынести обоим коллегам «полную благонадежность о непричастности к большевизму».

Милицейский начальник доложил: отрядом красных в двадцать четыре человека занято селение Завойко, там открывается съезд и поднят красный флаг. Известно, что съехалось шестнадцать делегатов и предлагается приступить к исправлению телеграфно-телефонной линии для переговоров с областным центром.

На думском заседании от 25 апреля 1922 г. «за выездом из Петропавловска» из состава гласных вышел Н. П. Косыгин — председатель Союза домоладельцев, ездивший в феврале на переговоры в стан красных.

Год спустя, при советской власти, он следующим образом будет мотивировать свое нежелание участвовать в работе Думы: «Когда я вернулся из делегации, то сказал в Думе, что Дума находится в заколдованном круге. Партизаны говорят, что белые грабят, что они — бандиты, белые тоже говорят, что партизаны — бандиты. Белые хотят свой съезд собирать, красные — свой... Я стал хлопотать о выходе [...] но председатель Думы меня не пускал, так как сказал, что я не имею права покидать должность, ибо выборы на четыре года, и только 25 апреля отпустил меня временно, я уехал...»

Предположительно в конце апреля 1922 г. в партизанском отряде облнарревкома составляется документ за тремя подписями: командующего Н. П. Фролова, уполномоченного при штабе, вожака камчатских коммунистов М. И. Савченко-Славского и заместителя начальника штаба Г. М. Елизова — обращение к жителям Петропавловска, начинающееся словами: «Граждане порабощенного города...»

Подписанты призывают горожан аннулировать «все, сделанное Думой на помощь Биричу», принять меры к его удалению из областного центра. В противном случае, предупреждают красные партизаны, «несмываемый позор ляжет на весь город, и многим придется понести самое суровое наказание... Дальнейшее пребывание Бирича и его преступная работа совместно с Думой по закабалению Камчатки иностранцами допущено не будет. Если после мирных мероприятий, которые на днях сделает чрезвычайный съезд, Дума не изменит своей позиции, и Бирич не уберется со своей бандой из Петропавловска, то мы не остановимся ни перед чем.

Пусть тогда пролитая кровь ляжет на совесть гласных Думы, а также горожан, вовремя не остановивших преступной работы своей Думой».

25 апреля 1922 г. в Завойко открылось первое заседание переехавшего сюда из Мильково 2-го чрезвычайного Петропавловского уездного съезда, созванного партизанами. На нем было решено послать в город, объявленный белыми с 8 апреля «на положении усиленной охраны», парламентариев из числа делегатов съезда. Им надлежало предъявить через ПГД ультиматум особоуполномоченному Х. П. Биричу и провести переговоры с иностранными представителями — японским консулом и китайским временным поверенным. Так утверждает в своих воспоминаниях бывший партизан П. Г. Ивашкин.

Сохранились собственноручные показания городского головы Е. А. Колмакова, данные им год спустя в ГПУ: «Делегация — Рябиков, Попов и Яковлев... утром 29 апреля прибыла в город и спросили меня в Управе, пришли ко мне на квартиру, где мы, напившись чаю и побеседовав о деле, по которому они пришли... Во время беседы в дом вошел подпоручик П. Д. Поярков. Узнал, кто и зачем прибыл, и направился в сторону городской Управы».

Е. А. Колмаков, по его словам, сказал делегатам, что Поярков — начальник политического розыска и высказал пожелание скорее прийти к мирному соглашению с партизанами, это должны помнить и сейчас, в 1923 г., подчеркнул он.

«В Управе мы занялись рассмотрением дела о вооруженном выступлении (красных партизан. — *В. П.*); здесь были Румянцев, доктор Щипчинский, Цапов и Петр Крупенин. Рябиков просил собрать Думу и обещался ей доложить о цели делегации. Дума назначена была в 4—5 часов вечера. Повестка... послана, но заседание Думы не было разрешено генералом Поляковым. Рябиков был арестован со своими товарищами при выходе их из коридора Управы Поярковым, якобы, на время. Рябиков успел передать мне свой револьвер “Кольт”».

30 апреля особоуполномоченный Х. П. Бирич, начальник Петропавловского военного района генерал-майор Н. А. Поляков, руководители местного самоуправления председатель Думы Ч. К. Щипчинский и городской голова Е. А. Колмаков отправили Завойкинскому, Паратунскому и Ключевскому волостным управлениям отношение за № 2087. В нем говорилось: «29 апреля с. г. представители Паратунской волости Яковлев и Ключевской — Попов, бывшие делегатами на незаконном чрезвычайном съезде, созванном революционным комитетом, явились в Петропавловск с председателем этого съезда Рябиковым и принесли постановление этого съезда, которое гласит, что если Представитель Приамурского Правительства не выедет со своим отрядом из Петропавловска, то самозванный революционный комитет нападет на город и возьмет город с бою».

Делегаты незаконного съезда, представители местного населения Яковлев и Попов заявили всем нам, нижеподписавшимся, что они заведены в за-

блуждение коммунистами-большевиками, добивающимися власти над коренным населением, чтобы грабить богатства, находящиеся на Камчатке.

Не желая принимать никаких репрессивных мер к представителям местного населения, введенным в заблуждение и не желающим кровопролития, а также принимая во внимание, что я (Х. П. Бирич. — В. П.) отправлен на Камчатку Правительством для охраны интересов, имущества и жизни местного населения, я разрешаю Попову и Яковлеву выехать из Петропавловска, а коммуниста Рябикова (в компартии он не состоял. — В. П.) я буду содержать под строгим арестом как вредного человека, призывающего Вас, коренных жителей, к кровопролитию, а также заложника за полковника Лукомского и на случай вооруженного выступления большевиков против Правительства».

В тот же день, 30 апреля 1922 г., Временное Приамурское правительство известило Х. П. Бирича об удовлетворении его ходатайства о введении особого сбора с ввозимых в Петропавловск спиртных напитков в размере 10 % акциза в пользу городского самоуправления.

3 мая парламентареры Е. М. Попов и Г. П. Яковлев вернулись в с. Завойко. Съезд получил от них информацию устную и письменную (в виде копии отношения № 2087).

С этого момента деятельность ПГД приобретает еще более драматический характер...

После того, как И. В. Рябиков был арестован белыми, облнарревком оповестил об этом селения. В ответ поступили протесты из Хайрюзова, Утхолока, Мономахова. Копии данных телеграмм ревком послал Думе. В получении их 8 мая 1922 г. расписался городской голова Е. А. Колмаков.

14 мая он телеграфирует во Владивосток депутату Народного Собрания от Камчатки В. И. Артюхину, гласному ПГД: «Петропавловск в небезопасности. Сообщите результат вашего доклада Председателю Правительства». Спустя десять дней тот отвечает: «Все устраивается немедленно. О событиях сообщайте мне».

Речь, по-видимому, идет о посылке на Камчатку дополнительного воинского отряда в связи с угрозами, исходящими не только от партизан, действующих в окрестностях Петропавловска и Завойкинской волости, но также из Хайрюзова, Утхолока, Коврана и Мономахова.

В середине мая 1922 г. Петропавловская Управа объявляет: «Лицам, желающим арендовать городские рыболовные участки в Солеварке и пр. на сезон с. г., предлагается подать заявление до 25 мая...»

16 мая на встрече перед отходом японского военного корабля «Канто» его командир капитан 1-го ранга Сицида выразил сожаление, что ему «приходится наблюдать рознь между русским народом» и пожелал «скорейшего выздоровления от... беспорядков». В числе выступивших на «At Home» был городской голова Е. А. Колмаков.

... По воспоминаниям участника 2-го чрезвычайного съезда П. Г. Ивашкина, на заседании 22 мая обсуждался вопрос об отношении Думы к происходящим политическим событиям и, в частности, к облнарревкому. «Съезд постановил считать незаконными выборы гласных в городскую Думу, поскольку они... произведены в период захвата Петропавловска ставленниками черносотенного меркуловского правительства, а за то, что своими постановлениями и действиями гласные берут под защиту и фактически присоединяются к штабу Бирича-Полякова — объявить их врагами трудового народа с преданием суду революционного трибунала».

На следующий день, 23 мая, объединенное заседание облнарревкома и военного совета, избранного на 2-м чрезвычайном съезде, утвердило текст нового ультиматума Х. П. Биричу: если немедленно, за сутки, не освободите Рябикова «и прочих граждан, арестованных по политическим убеждениям», то штаб партизанского отряда откроет военные действия.

По словам одного из руководителей красных В. М. Чекмарева, в ультиматуме говорилось, что за жизнь Рябикова «будут отвечать своей жизнью лица, подписавшие отношение № 2087 от 30 апреля 1922 г., адресованное Завойкинскому, Паратунскому и Ключевскому волостным управлениям», а значит, кроме Полякова и Бирича — и председатель ПГД Щипчинский, и городской голова Колмаков.

24 мая 1922 г. Ч. К. Щипчинский и Х. П. Бирич поздравили правительство и Приамурское Народное Собрание с первой годовщиной «возрождения национальной власти» и пожелали им «довести до благополучного конца начатое великое Русское дело».

Тогдашний заведующий Петропавловской сельхозфермой, сотрудничавший с партизанами и являвшийся гласным ПГД, И. Ф. Голованов год спустя в ГПУ показывал: «В конце мая 1922 г., точного числа я не помню, в одно из посещений фермы товарищем Фроловым, тогда командовавшим всеми партотрядами, было сделано мне задание предложить городскому Голове Е. А. Колмакову, при моем участии, во искупление всех его, Колмакова, преступлений против партизанских отрядов, отдаться в качестве заложника, как городского Головы, на предмет устройства затем обмена на тов. Рябикова.

Задание это я выполнил, то есть предложил Е. А. Колмакову, чтобы он под тем или иным предлогом пришел на ферму, а там, на ферме, или по пути возвращения его с фермы, как бы совершенно случайно, его, Колмакова, захватят партизаны. В интересах конспирации, а также в целях придать факту захвата Колмакова партизанами чисто случайный характер, что его задержали, якобы, по неосторожности, я предупреждал Колмакова, чтобы, независимо от того, согласился он или нет, он никому, даже своей жене, не говорил бы ни слова.

На мое предложение Колмаков ответил, что он на это согласиться не может, и вот почему: 1) По чисто семейным обстоятельствам, жена моя — большой человек, и раз только меня захватят партизаны, то с ней может быть смертельный удар. Семья же моя большая, и дети мои будут оставлены на произвол судьбы. 2) Уверен, что за меня Рябикова не обменяют, я уже принимал и принимаю все меры к освобождению Рябикова, но из этого ничего не выходит. Прежде всего надо добиться, чтобы Рябикова вырвать из рук бочкаревцев, заменить охрану другими.

Из этого ничего не вышло, но слово свое сохранить это предложение в тайне он действительно сдержал. Иначе моя судьба была бы та же, что и товарища Рябикова».

31 мая 1922 г. городской голова обратился с официальным письмом к Х. П. Биричу. Сославшись на угрозы партизан, что они гласных Думы «будут вылавливать», а жителям города «не дадут ловить рыбу в бухте Солеварка и других местах... производить заготовку сена и дров... выгонку скота и т. п.» и приведя пример исполнения этих угроз — захват Григория Петровича Миничева и Федора Яковлевича Личкуна, городской голова попросил особоуполномоченного сделать распоряжение, чтобы белые освободили из-под стражи партизанского парламентаря И. В. Рябикова. Помимо Колмакова, письмо подписали члены городской Управы В. И. Румянцев, И. Т. Новограбленов, а за секретаря — Н. А. Цапов (в 1930 г. он будет помощником начальника Камчатского пограничного отряда по политической части).

В тот же день, 31 мая, партизаны передали через И. Ф. Голованова ультиматум ПГД и японскому консулу, выработанный облнарревкомом и военным советом.

Посланный на ферму для получения ответа (как утверждает в своих воспоминаниях П. Г. Ивашкин) отряд красных был застигнут врасплох казаками — завязался бой, в результате которого обе стороны потеряли несколько человек убитыми.

После этого, рассказывал В. М. Чекмарев, ревштаб «объявил террор как гласным, так и причастным к Биричу, хотел заставить Думу и население, чтобы они требовали освобождения тов. Рябикова».

...Городское самоуправление ходатайствовало перед фирмой «Демби и К^о» об «отпуске и привозе в Петропавловск разного лесного, строительного материала для продажи населению». Глава фирмы телеграфировал Е. А. Колмакову, что лес и материалы завезены в областной центр.

1—2 июня 1922 г., осмотрев дворы, городская санитарная комиссия составила на некоторых граждан протоколы «за антисанитарное отношение, в особенности около казенных зданий».

На 2 июня городское самоуправление назначило «трудовой субботник по засыпке Большой (ныне Ленинская) улицы галькой, напротив магазина

Виттенберга и против церкви, а также по исправлению моста против магазина Сунь-ин-туна». Горожане охотно приняли участие в благоустройстве Петропавловска и «на лошадях выезжали для починки моста».

На заседании 21 июня 1922 г. ПГД отвела земельные участки четырем гражданам под жилищное строительство, «вменила в обязанность жителям города следить за своим рогатым скотом и свиньями и не допускать их свободно разгуливать по городу, так как последние ломают тротуары, роются по улицам и купаются в ручьях, откуда население употребляет питьевую воду».

Дума дала разрешение фирме «Фукуда-Гуми» на перевод магазина из дома Гросберга в дом Духовного ведомства, где была почтово-телеграфная контора. Этому предшествовал ответ Благочинного Камчатских церковей игумена Николая на запрос доверенного фирмы, что «духовные власти не препятствуют к открытию вблизи церкви винно-гастрономического магазина, раз в нем не будет производиться раздробительская продажа крепких напитков, каковая разрешается в сорока сажнях от храмов».

ПГД установила режим работы торговых точек в городе. Магазины и лавки открыты с 8 до 18 часов с двухчасовым отдыхом на обед, буфеты, трактиры и бильярдная — с 10 до 24 часов ежедневно, кроме первых дней Святой Пасхи, одного дня Рождества и Нового года.

На том же заседании 21 июня Дума приняла постановление о рыболовстве и сенокосах в текущем году в связи с задержанием мирного населения города отрядом большевиков. Постановление это было зачитано 25 июня 1922 г. на общем собрании граждан Петропавловска, созванном городской головой. Присутствующие на собрании петропавловцы обратились к обеим враждующим сторонам с прошением: к белым — выпустить Рябикова, к красным — отпустить задержанных Личкуна, Миничева, Игрушечкина и Новограбленова (последние двое — четырнадцатилетние подростки, «ушедшие за лошадью»), которые отлучались из города по хозяйственным надобностям и «не замешаны ни в какой политической борьбе».

Представители Приамурского правительства, — писали участники собрания, — «с большими затруднениями и затяжкой времени дают пропуска на выезд из города... представители штаба Военно-Революционного отряда всех граждан, ушедших или выехавших за черту города, задерживают». Соответственно, просьбы: беспрепятственно выдавать пропуска по ходатайству городской Управы всем горожанам и на все лето; лиц, имеющих удостоверения от Управы и занимающихся рыболовством, охотой, сенокосением и рубкой дров, не задерживать.

Граждане Петропавловска уверяли, что стоят вне политических споров и борьбы, и в случае неудовлетворения их просьб они будут лишены возможности заготовить все необходимое на зиму и тем самым поставят свои семьи в «крайне тяжелое материальное положение». Резолюцию, отослан-

ную в партизанский отряд, подписали семьдесят человек, в том числе четырнадцать думцев.

За два дня до собрания вышел приказ особоуполномоченного Х. П. Бирича, предупреждавший мирное население Петропавловска о необходимости соблюдать осторожность в ночное время, в особенности в пределах верхних улиц (теперешние Советская и Партизанская) и окружающих пустырей «на случай проявления военными караулами активных действий по отношению к злодеям».

Объяснение этому читатели местной газеты нашли в номере от 23 июня 1922 г.: «Вчера, около 11 часов ночи, врагами русского народа выстрелом через окно зверски убит подпоручик Павел Дмитриевич Поярков». Группой партизан, которая совершила этот террористический акт и благополучно скрылась, руководил сподвижник И. Е. Ларина, гласный предыдущей, 4-й ПГД, Н. П. Фролов.

К вечеру 3 июля 1922 г., когда пастух И. Е. Захаров гнал городское стадо домой, его остановил вооруженный отряд, в котором он насчитал около тридцати человек. Подошедший к пастуху мужчина с револьвером назвал себя Чекмаревым и потребовал указать коров Л. Захарова, Колмакова, Вичиркина, Савина и Чурина (все, кроме последнего, были думцами).

Пастух повиновался, оговорившись, что коров Вичиркина и Савина в стаде нет. В. М. Чекмарев (27 лет, из крестьян Пензенской губернии, «матрос запаса флота», образование — двухклассное земское училище) приказал своим людям взять трех коров Чурина и одного быка Колмакова. Пригрозив добраться до других, и в первую очередь гласных, Чекмарев заявил, что партизаны разрешат горожанам косить сено, заготавливать рыбу и дрова и не будут отбирать скот, как только выпустят И. В. Рябикова, а «с бочкаревцами они справятся сами».

По возвращении домой пастух явился в Петропавловскую Управу и обо всем рассказал Е. А. Колмакову.

На следующий день состоялось общее собрание скотовладельцев, рыбаков, домовладельцев и граждан города. В нем приняло участие более шестидесяти человек. Помимо третьенольской реквизиции скота, речь на собрании шла о документах недавней сходки граждан, прошении Управы от 31 мая об освобождении парламентаря Рябикова, сообщении Х. П. Бирича о беспрепятственном пропуске жителей города на рыболовные, сенокосные и другие хозяйственные работы.

Зачитан был также ответ штаба облнарревкома на «резолюцию 70-ти», принятую горожанами 25 июня 1922 г. Штаб удивлялся, «как решаются граждане... невинно заявлять о своей непричастности к политической борьбе, тем более, что в числе подписавших резолюцию стоят почти все гласные городской Думы».

«Всем известно, — писал далее штаб, — что городская Дума не только признала и приветствовала от имени всех граждан города “временное Приамурское правительство”, объявленное Дальневосточной Республикой вне закона, но все время активно помогала агентам Меркулова-Бирича... Так как никаких протестов против подобной деятельности Думы со стороны граждан города не последовало, то нужно понимать, что такая деятельность населением одобряется. Характерно... что помощь Биричу во всех видах оказывалась исключительно Думой и управой без участия остальных граждан города, когда же дело коснулось покосов и рыбалок, то гласные и управа апеллируют к гражданам и действуют через них».

Штаб соглашался «допустить всех граждан города свободно ловить рыбу, косить сено, заготавливать дрова и прочее, но лишь в том случае, если население города настаивает на немедленном освобождении Председателя Второго Петропавловского Чрезвычайного Уездного Съезда Иллариона Васильевича Рябикова и всех остальных, арестованных по обвинению в причастности к настоящим политическим событиям...

По возвращении в с. Завойко И. В. Рябикова и получении Штабом точных сведений об освобождении остальных арестованных, будут немедленно отпущены Миничев, Личкун, Игрушечкин и Новограбленов, и впредь никто не будет задерживаться».

Под «остальными» подразумевались Брагин, Немов, Бахтин и Кравченко, которых белые подозревали в причастности к большевизму.

Похлопотать об освобождении их и Рябикова, горожане обязали избранную на собрании 4 июля комиссию. В нее вошли учитель Э. Пивинский, депутат парламента Приамурья В. И. Артюхин и гласный Е. М. Бандурин, председатель собрания. То же самое комиссии следовало предпринять относительно граждан Петропавловска, удерживаемых партизанами.

Хлопоты эти ни к чему не привели. Заведующий канцелярией особополномоченного П. Я. Суслык уведомил городского голову о том, что ответ, который будет дан Х. П. Биричем делегации, «не подлежит никакому обсуждению, и по этому вопросу никаких собраний он не разрешает».

10 июля 1922 г. И. Е. Ларин пишет неофициальное письмо Е. А. Колмакову, поведение которого объявляет «величайшим преступлением», а его самого — вне закона с конфискацией имущества.

Ларин подчеркивает, что в прошлом, «насколько мог», не применял репрессий к политическим противникам, но теперь, когда «борьба крайне обострилась не на жизнь, а на смерть», он снимает с себя всякую моральную ответственность и предупреждает городского голову: дни его сочтены. «Вы [...] будете убиты, или, в лучшем случае, уведены в сопки». Этого не случится, добавляет Ларин, если Колмаков станет «работать на пользу Советской России и, в частности, Камчатского Областного Комитета».

Адресат Ларина вечером 10 июля заседал в Думе. Заседание началось с выборов представителей от города на Земский Собор, открывающийся через пять дней во Владивостоке. Наметили Е. А. Колмакова и Е. Ф. Одынца. В случае избрания Колмакова, кто-то должен его заменить в городской Управе. Сняли свои кандидатуры двое из троих: И. Д. Грызлов и И. Т. Новограбленов. Брат последнего, Прокопий Трифионович, согласился баллотироваться в заместители городского головы при условии, если закон допускает совмещение двух должностей лицом, состоящим на государственной службе. Оказалось, однако, что — не допускает...

10 июля Дума рассмотрела заявление от граждан о наделении их сенокосными участками и проект сдачи земельных участков под застройку складами, приносящими доход, а также единогласно постановила: всех владельцев рогатого скота, не желающих отдавать его пастуху, обложить налогом «за выгон в городские угодья по 1 руб. с большой и по 50 коп. с малой рогатой скотины в месяц».

На следующий день в газете «Камчатский листок» появилась заметка такого характера: «За последнее время, несмотря на обязательное постановление городской Думы, по улицам свободно разгуливают коровы, которые, должно быть, не читая этого постановления, взрывают земли, оставляют свои “визитные карточки” на тротуарах, мешают хождению по ним и т. п.

Ко всему прибавилось весьма печальное явление, а именно: по дворам и по улицам бегают чьи-то, по-видимому, голодные собаки, ловят цыплят, куриц, утят и поедают их, чем приносят большой ущерб хозяйству.

Как известно, в городах против таких беспризорных собак применяются соответствующие меры: их ловят особо назначенные на это лица от городского самоуправления, и если явится за ними хозяин, то собака выдается лишь при внесении... известной платы, а если хозяин собаки не является в определенный на это срок, то таковые уничтожаются.

Не мешало бы и у нас, кому этим ведасть надлежит, принять меры к точному исполнению постановления Думы, а также обратить внимание и на бродячих собак, ибо случай уничтожения кур, цыплят и других домашних птиц — не первый».

...Между тем, получив письмо-угрозу за подписью И. Е. Ларина, городской голова не замедлил с ответом. Он писал Ларину, что смерти не боится, только жалко больную жену, которая этого не перенесет, да детей (а их у него было пятеро). Не боится и конфискации имущества, стоимость коего всего полторы тысячи рублей — «маловато для покрытия расходов отряда», поскольку дома своего нет, а двух коров партизаны «скушали».

Е. А. Колмаков был убежден: судить его правомочен только народный суд, а совсем «не кучка безответственных, обозленных в лесу людей». Он отменил обвинения в адрес Думы. «Власть здесь укрепилась не при нашем содей-

ствии, а, как Вам известно, при содействии силы своего оружия. А Вы этой силе не смели поставить силу своего оружия и с оружием в руках убежали в сопки. Кто же виноват? Неужели мирное население города или кто-то из нас в отдельности?

Как мирные жители не идут против Вас, так и не пойдут против других, конечно, до тех пор, пока не будут их трогать, как Вам и заявили ближайшие волости и не пошли за Вами. Мы не желаем проливать русской братской крови, и не желаем пользоваться чужим добром».

Городской голова подтвердил принципиальную позицию Думы: она признает и подчиняется тому правительству, какое находится во Владивостоке, и принимает все меры к мирному разрешению конфликта противоборствующих сторон.

То же самое писал Е. А. Колмаков и насчет себя. «Служу не потому, что хочу быть Городским Головой или из-за куска хлеба, его я всегда найду, а потому, что позорно бросать службу в такое ответственное время. Уйду только тогда, когда меня исключит Дума, или мои избиратели вынесут мне недоверие за мои действия, если они противоречат народу».

...Красные партизаны продолжали захват думцев. 27 июля 1922 г. они взяли на рыбалке вместе с катерами гласного Л. Е. Захарова и кандидата к гласным Т. Г. Вичиркина. За Логвина Евстафьевича вступились жители Паратунки. Их ходатайство об освобождении Захарова скрепил двумя подписями — как представитель власти, за себя и за неграмотного председателя А. Яковлева — секретарь волостного комитета Яков Иванов.

Главным аргументом в пользу Захарова было то, что он доставлял из Петропавловска на своем катере в Паратунку и другие селения продукты, в том числе рис, масло, сахар, хотя имел пропуск от белой администрации только на соль и «на два кулька муки». Это подтвердил позднее участник партизанского отряда Георгия Елизова С. Ф. Коренев.

29 июля 1922 г. в Петропавловске при не выясненных до конца обстоятельствах был убит казачьим офицером председатель ПГД 2-го созыва (1918—1919 гг.) П. Я. Сусляк, временно исполнявший должность правителя канцелярии особоуполномоченного.

16 августа Х. П. Бирич подписал постановление об аресте бывшего в 1920 г. городским головой А. И. Бабкина-Байкалова. Его белые подозревали в коммунистической деятельности.

21 августа 1922 г. Е. А. Колмаков обратился к Биричу с покорнейшей просьбой об уплате стоимости взятых красными стельной коровы Гальки (800 руб.) и двухлетнего бычка (200 руб.). Согласен был городской голова и на замену денежной компенсации «хотя бы одной фермовской коровой». Свою просьбу он обосновал затратами на уход за скотом в зимнее время и исполнением должности городского головы под постоянными угрозами красных.

Через несколько дней Колмаков направил на имя Бирича еще одну бумагу: «23 сего августа некоторые граждане выехали на покосы, расположенные на Халактырской дороге, а владельцы покосов в Кирпичной пади и к Сениценскому озеру еще не могут нанять корейцев-покосщиков, которые запрашивают очень дорого, во всяком случае, через день-два приступят к покосу все, а также и в Раковой бухте.

Ввиду того, что красные неоднократно слали свои угрозы не дать возможности косить, а если будет накошено, то угрожали сжечь сено, поэтому на заготовку сена и вывозку его в город потребуется не менее одного месяца времени, принимая во внимание успешную работу и хорошую погоду.

Что же касается заготовки дров... поручено начальнику милиции принять соответствующие меры побудить корейцев к скорейшей вывозке шаландами в город».

30 июля 1922 г. Е. Ф. Кобцева, жена кандидата в гласные, обратилась к особоуполномоченному Х. П. Биричу с прошением о назначении ей пособия ввиду отсутствия кормильца (ее супруг А. И. Кобцев перебежал к партизанам, те же распустили слух, что он задержан ими).

Спустя месяц канцелярия особоуполномоченного прислала ответ с резолюцией начальника гарнизона капитана 1-го ранга Бориса Павловича Ильина: «Вот это-то нехорошо, что мадам Кобцева не является ни помощником, ни врагом ни одной из властей. Совершенно также относятся к нашей борьбе и все животные, птицы и рыбы. Я совершенно не знаю мадам Кобцеву, но, если от нее никакого проку нет, то пусть помирает — это не люди».

3 сентября 1922 г. городская Управа довела до всеобщего сведения, что на городские покосы и рыбалки начальником гарнизона послано сторожевое охранение и что «граждане, желающие производить ловлю рыбы и заготовливать сено, могут сейчас же отправляться, взявши у коменданта города пропуск».

В тот же день городской голова Е. А. Колмаков и техник Управы Н. А. Цапов обратились к лицам, имеющим какие-либо претензии о неправильности своих земельных участков, с просьбой о том заявить письменно не позднее 15 сентября, «в противном случае размеры этих участков будут приняты согласно выданных удостоверений».

6 сентября 1922 г. представители городского самоуправления принимали участие в празднествах, посвященных 68-й годовщине обороны Петропавловска от нападения англо-французов, и в банкете у начальника гарнизона капитана 1-го ранга Б. П. Ильина.

12 сентября городской голова присутствовал на обеде на «Кошу», 15-го был на другом транспорте Страны восходящего солнца «Нозима», где состоялось «торжественное возложение венков на останки тридцати пяти японских моряков, погибших на крейсере “Нийтака”».

15 сентября приказом № 69 начальник Петропавловского гарнизона отменил десятипроцентный акцизный сбор со спиртных напитков в кассу городского самоуправления со следующей мотивировкой: «По Законам Российской Империи таких сборов в пользу города не существует...»

На воскресенье 17 сентября городская Управа назначила аукцион по срочной распродаже домашних вещей Е. Ф. Кобцевой «за ее отъездом».

27 сентября «Камчатский листок» сообщил: «Городская Управа заказала у г. Свенсона (американского торговца. — В. П.) для нужд города моторный катер с вельботом. Катер будет доставлен весной. Господин Свенсон, идя навстречу городскому самоуправлению, обещал доставить катер с уплатой денег в рассрочку».

28 сентября Управу посетил временно исполняющий обязанности начальника Камчатской области капитан 1-го ранга Б. П. Ильин, чтобы ознакомиться с деятельностью городского самоуправления за 1922 г.

При осмотре кассовой книги он нашел, что «большинство поступающих в кассу Управы сумм выписывается лишь на содержание служащих Управы, а на благоустройство города не расходуетя почти ничего». Ильин предложил составу Управы, как выборным почетным лицам, «отказаться от получения содержания или получать по тридцать-сорок рублей в месяц, но только тогда, когда от расходов по благоустройству будут остатки». Управе надлежало оборудовать пожарный обоз и дружину, так как на объявленную Ильиным пожарную тревогу «явился лишь один человек и доложил, что у них ничего нет».

Во время своего посещения Управы руководитель области заявил также: служащим городского самоуправления надо «самим работать на благоустройстве города, как-то: таскать бревна и трубы, проводить водопроводные трубы, делать мосты и прочие работы, а не сидеть в канцелярии и не писать бумаги; принять принудительные меры к взысканию налогов по окладным листам; и чтобы не бродил по улицам скот...»

Б. П. Ильин потребовал от Думы в срочном порядке обсудить все его письменные и словесные предложения и «в корне изменить порядок в городском самоуправлении, и если не пойдет по-новому, то он, в силу предоставленной ему власти, распустит городскую Думу и назначит сюда офицера, который даром или за малое вознаграждение будет делать все».

29 сентября, на другой день после посещения Управы Ильиным, Дума обсудила его письменные предложения за № 316 и 317, наказ от 28 сентября и словесные распоряжения и постановила, руководствуясь законом о городском положении, утвержденным высочайшим указом от 11 июня 1892 г.:

а) признать действия Управы... отвечающими закону; б) поручить Управе действовать в расходах денежных сумм согласно сметы на 1922 год, составленной Думой 7 марта сего года и утвержденной областной властью; в) по-

ручить Управе сделать давление на Союз Домовладельцев г. Петропавловска об организации пожарной дружины и пожарного обоза, переданного Управой последнему еще весной сего года для приведения в надлежащий порядок; г) ввиду добровольного согласия служащих Управы в уменьшении окладов жалования против сметного ассигнования на 1922 г., поручить Управе в дальнейшем производить выдачу жалования по занимаемым должностям применительно к классам должностей правительственных служащих; д) изыскать средства на благоустройство города, школ и медицинскую часть... не выходя из пределов сметных ассигнований...»

ПГД распорядилась предоставить начальнику области сведения о приходах и расходах Управы «по настоящее число» по кассовой и главной книге.

На том же заседании Дума отклонила требование гр. Е. С. Самсонова, отказавшегося до установленного договором срока от аренды городского бильярда, возратить назад натянутое им сукно...

Принимая во внимание, что гласный Л. Е. Захаров летом, «за уводом его большевиками», никаких работ на отведенном ему участке не производил, то есть не ловил рыбу и не косил сено, думцы постановили «причитающиеся с него налоги за таковой не взыскивать».

В конце сентября 1922 г. в Петропавловске было «приступлено к работам по устройству водопровода около Собора». В начале октября в городской Управе и Народном доме появились телефоны. Установкой их в торговых фирмах, коммерческих конторах и у частных лиц руководил начальник связи при штабе гарнизона Смирнов, взимая 60 руб. «единовременного взноса». Месячная плата за пользование телефоном составляла 10 руб. В магазине фирмы Фукуда-Гуми бутылка молока стоила 20, фунт творога — 25, стакан сметаны — 40 коп. Доставлялись эти молочные продукты с сельхозфермы. Ее заведующим в первой декаде сентября военные власти назначили ротмистра Файвишевича, отличившегося и раненного (сначала в левую руку, а затем в грудь навывлет) в бою с партизанами 2 июня 1922 г. на этой ферме. При расследовании «Думского дела» год спустя бывший кандидат в гласные К. И. Кодылев приводил в ГПУ слова Файвишевича, считавшего, что «вся Дума — большевики, и если они на заседаниях подписывают, то боятся нас».

«Камчатский листок», продававшийся с 1 октября 1922 г. по пятаку, писал, что тротуары на Главной улице «пришли в такую ветхость, что вечером стало ходить небезопасно». И напоминал о думском обязательном постановлении по содержанию их, а также мостов. 18 октября газета вновь возвращается к этой проблеме, предупреждая: особенно рискованно ходить у пивной лавки (дом Чупятова), где тротуар «повалился в сторону дороги».

А за несколько дней до этого публикуется письмо в редакцию, под коим стоит подпись И. Ш. Отталкиваясь от другого обязательного постановления ПГД по сохранению чистоты ключей и ручейков, питающих население во-

дой, согласно которому все бродячие собаки и свиньи должны быть запираемы во дворы, автор констатирует, что первых не стало видно, а вторых «наглядно меньше».

«Но, — продолжает И. Ш., — отцы города совершенно забыли о гусях, а ведь гуси любят воду. Посмотри, обыватель, и ты ужаснешься, что творится в вершине церковного ручейка, питающего водой добрую половину городского населения, воинские части и составы команд русского флота. Там ежедневно около семи часов утра со двора помещицы Батырихи (по-видимому, прозвище какой-то домовладелицы. — *В. П.*), из неимоверно грязной конюшни выпускаются дочерна грязные полсотни гусей, которые с криками гусиной радости бросаются в ручеек для питья и мытья.

К девяти часам утра гуси, конечно, белеют, но обыватель внизу вместо чистой питьевой воды получает мутную похлебку из гусяного помета, сдобренного мелкими грязными перьями. Все протесты добрых соседей остаются втуне и часто подвергаются оскорблениям.

Гусиное хозяйство — дело полезное и даже похвальное на Камчатке, но почему же мадам Б., имея все средства и удобства, не устроит во дворе у себя водяного бассейна специально для своих гусей, а глумится над населением и пользуется удобным расположением местности, сама пьет чистую воду и плюет в колодезь».

«Для оздоровления местности молчаливых чувств брезгливости мало», — заканчивает письмо в редакцию житель Петропавловска И. Ш.

14 октября 1922 г. командами японских миноносок было устроено большое гуляние у Братской могилы. Состязались учащиеся местных школ. Вместе с военными во главе с капитаном 1-го ранга Б. П. Ильиным, японским консулом г. Симадой на этом мероприятии присутствовали председатель ПГД Ч. К. Щипчинский и городской голова Е. А. Колмаков.

22 октября в высшем начальном училище состоялось общее собрание родителей под председательством инспектора училищ области П. Т. Новограбленова. После выборов нового родительского комитета, куда в числе других вошли думцы И. Ф. Голованов, Л. Е. Захаров, К. И. Кодылев, присутствующие «горячо обсуждали вопрос об отоплении школьных помещений в настоящую зиму... единогласно решили дать школам 72 сажени дров, полсажени сейчас и четверть сажени после Рождества с каждого родителя».

В тот же день городское самоуправление принесло глубокую благодарность горожанину Александру Тихоновичу Зубкову «за пожертвование для Низшего начального училища трех сажени дров и ста рублей для покупки учебных пособий, которые и переданы г. Инспектору П. Т. Новограбленову». Искреннюю признательность выразило самоуправление командующему дивизионом миноносцев капитану 2-го ранга господину Накаяме в связи с передачей им пятидесяти рублей «в пользу местных школ и двадцати рублей на нужды Народного дома».

Этот жест доброй воли Накаяма проявил при посещении 19 октября (накануне своего отбытия из областного центра) городского головы. От имени японских моряков он поблагодарил население города «за дружеское отношение во время сравнительно долгого пребывания их здесь, а равно за внимание к ним и содействие городского самоуправления, как-то: разрешение рыбной ловли, устройство игр и развлечений для команд в городе. Накаяма пожелал скорейшего установления полного порядка в России и Камчатской области, дальнейшего процветания дружбы между соседями Японией и Россией, развития промышленности и взаимных операций...»

18 октября 1922 г. в 17 часов 30 минут по предписанию Б. П. Ильина открылось внеочередное заседание Думы совместно с почетными гражданами. На заседание явилось шестнадцать думцев, включая руководителей самоуправления Ч. К. Щипчинского и Е. А. Колмакова. Первое слово было предоставлено Б. П. Ильину. Он заявил, что городское самоуправление вело себя в его отношении «неделикатно». И пояснил свою мысль следующим образом: «В такое время, когда идет гражданская война, самая ужасная из войн, когда погибает 150-миллионное население, а вы здесь перелистываете законы 1892 года, говоря, что делаете все законно».

«Вполне понятно, — продолжал Ильин, — что в гражданском отношении управлять народом военные не могут, но обстоятельства заставили нас взять бразды правления в свои руки, так как нет людей, подходящих для этой цели. Одной же вооруженной силой без поддержки населения ничего не сделать. Пример Колчака, когда народ его не понял, и произошли обстоятельства всем известные. Правитель Приамурского Земского Края Дитерихс для достижения национальных идеалов и стремления достигнуть могучего духовно-гражданского объединения народа издал идею этого объединения в указе на бумаге, и он указал этот путь — как выполнить ее.

Несмотря на то, что городские Самоуправления есть чисто хозяйственные аппараты, Верховный Правитель, входя в положение народа, нашел, что поднять культурный уровень его и сделать духовно-гражданское объединение возможно только через посредство Самоуправлений Приходских, а потому необходимо и здесь, не теряя ни одного дня, приступить к организации Приходских этих Советов».

О чем шла речь? Генерал М. К. Дитерихс основной городской Земской и Казачьей административной единицей местного самоуправления устанавливал приход. «Граждане прихода, — говорилось в его указе от 15 августа 1922 г. — отказавшись от всякого дробления на партии различных политических принципов, а исповедуя лишь национальные начала... объединяются вокруг приходской церкви, как основы святой веры и духовного единения». Приход управляется Советом, во главе которого стоят: по духовному руководству — пастырь церкви, а по всему гражданскому управлению — назнача-

емый из числа прихожан председатель. Члены Совета «выделяются жребием, производимым пастырем».

Приходские Советы, к созданию коих призывал на думском заседании Б. П. Ильин, должны были весть экономическими, административными, образовательно-воспитательными, судебными и контрольными делами прихода; постепенно к ним переходили также функции ведомств внутренних дел, промышленности, народного просвещения, призрения...

Гласные отвечали Ильину, что указ Правителя не совсем ясен, и надо бы подождать разъяснений из Владивостока.

Ильин: «Прибудут ли еще эти разъяснения — не известно, да и положение о приходском Совете, которое будет выработано там, я ручаюсь, не будет применимо здесь по местным условиям. Настоящий состав городской Думы есть буржуазный, но не нужно этой буржуазности, и в будущие Советы должны войти люди всех классов населения, начиная с последнего бедняка».

Руководитель области приказал к 2 ноября 1922 г. выработать положение и организовать городской Приходский Совет в Петропавловске, обещая со своей стороны помощь и «необходимые указания». Б. П. Ильин попросил думцев сегодня же, не расходясь по домам, выработать основные пункты положения о приходском Совете.

«Если вы, — добавил он, — найдете что-нибудь неточное или непонятное в Указе, то создавайте свой закон, а ответственность за него я беру на себя. Нам нужно сословное демократическое правление — представительство».

Председатель Думы Щипчинский, попросив Ильина дать разъяснения по третьему и другим пунктам указа от 15 августа, не согласился с замечанием Бориса Павловича о буржуазности ПГД. «Настоящий состав городской Думы, — сказал он, — не буржуазный, а действительно демократический, так как в числе гласных почти совершенно отсутствует имущий класс населения, не считая чиновников, если их только можно назвать буржуями».

Городской голова Колмаков и мировой судья Успенский дополнили Щипчинского: выборы гласных настоящего состава не цензовые, а сословные по закону 1918 г. адмирала А. В. Колчака.

Дума получила от Ильина ряд указаний по выработке положения о городском Приходском Совете: председатель совета избирается членами из своей среды и в должности утверждается начальником области; количество членов Совета — девять и десятый священник, непременный член; председателем избирается гражданское лицо; при разборе в Совете духовно-нравственных вопросов председательствует один из священников; при голосовании в Совете гражданских вопросов, председатель из священников участия не принимает.

Всю ответственность «за правильность проведения в жизнь начал, преподанных в Указе Правителя от 15 августа 1922 года», взял на себя временно

исполняющий обязанности начальника Камчатской области капитан 1-го ранга Б. П. Ильин.

Как отмечалось выше, думцам были не совсем ясны некоторые статьи указа. Они касались порядка формирования городского Приходского Совета. Члены Совета «выделялись» жребием, производимым церковным пастырем. Устанавливалось, что в жеребьевке участвуют только граждане прихода не моложе двадцати пяти лет, «свободные от уголовной ответственности». Для жребия они «распределяются на группы по роду деятельности, а в них — на цензовых и бесцензовых (образовательных и имущественных). Жребий по группам производится по пропорциональности, устанавливаемой законом по отношению к общему числу членов, подлежащих назначению в состав Совета. Кроме сего для граждан, проживающих в Крае более семи лет, пропорциональность в три раза больше, чем граждан, проживающих в Крае менее этого срока».

Городское же самоуправление в Петропавловске формировалось с осени 1917 г., с 1-й ПГД на иной основе и в ином порядке. Избиратели голосовали по спискам, выдвинутым различными группами населения, и их объединял не обязательно род деятельности. Так, в Думу пятого созыва в январе 1922 г. было выставлено два списка: от местных граждан и Союза домовладельцев. Большинство думцев имели свои дома, где квартировали служащие, врачи, учителя, но каждый владел какой-либо профессией.

В Думе 1922 г. заседали пять рыбаков, два плотника, слесарь и даже чернорабочий — Дмитрий Андреевич Шигаев. В числе думцев находились фотограф Елизар Александрович Колмаков, портной Тарас Ефремович Головань... Из тридцати одного думца (двадцать гласных, остальные кандидаты к ним) малограмотных было семеро и только один — рыбак Тимофей Григорьевич Вичиркин, — неграмотный. Высшее образование имели председатель Думы врач Ч. К. Щипчинский, товарищ председателя педагог П. Т. Новограбленов, бухгалтер В. А. Огородников. Кто-то окончил городское или приходское училище, кто-то, как, например, председатель Союза домовладельцев, рыбак Николай Петрович Косыгин, получил домашнее образование.

Служащих в ПГД в 1922 г. насчитывалось немногим более половины ее состава. Имелся и коммерсант, правда, в единственном числе — Иван Гаврилович Подпругин. Так что с обвинением Думы в буржуазности Ч. К. Щипчинский согласиться, конечно же, не мог.

Подготовить совместно с Управой проект положения о городском Приходском Совете было поручено ранее избранной комиссии в составе о. Михаила Ерохина, И. Ф. Голованова, С. Г. Ошева и Н. М. Успенского. Под этим постановлением подписались Е. А. Колмаков, член управы В. И. Румянцев, гласные Н. П. Косыгин, братья Новограбленовы, И. Д. Грызлов, Е. Ф. Одынец, П. И. Федоров, кандидат к гласным Е. М. Бандурин.

В думском заседании 18 октября 1922 г. участвовали девять, как их именует документ, Почетных граждан. Они расписались в журнале-протоколе: священник Михаил Евсеевич Ерохин, игумен Николай, миряне Григорий Дмитриевич Сосновский, Илларион Михайлович Борейша, Петр Владимирович Проскуряков. Двое других, Сергей Григорьевич Ошев и Николай Михайлович Успенский, вошли в вышеуказанную комиссию. Неизвестно, был ли, выражаясь по нынешнему, задействован в организации Приходского Совета еще один Почетный гражданин Фома Данилович Стецюк, временно исполняющий должность начальника Петропавловского уезда.

25 октября 1922 г. в четыре часа дня в Петропавловск из Владивостока прибыли назначенный начальником Камчатской области генерал-майор Петр Михайлович Иванов-Мумжиев, правитель его канцелярии (известный всем горожанам ученый-сейсмолог, глава антисоветского переворота 1918 г.) гласный Думы двух первых ее созывов Александр Антонович Пурин, а также офицерский состав, чиновники гражданских ведомств и милицейская сотня.

Приехал генерал со своей администрацией. Недаром на пристани, где выстроились части местного гарнизона и воспитанники школ, к нему обращались так, как до начала смуты к царскому губернатору. Генерал проследовал в Петропавловский собор. Туда же явился прибывший с ним на пароходе «Сишан» Преосвященный епископ Охотский Даниил (Шерстенников). Под звон колоколов владыка был встречен на паперти церковным старостой Федоровым хлебом-солью, затем вошел в храм, совершил благодарственный молебен.

В отчете, опубликованном в «Камчатском листке», говорилось: «Яркий солнечный теплый день, могучее “Здравия желаем!”, радостные улыбки на лицах, собравшаяся для встречи публика, расцвеченный флагами город... Даже дети с особым энтузиазмом грянули: “Здравия желаем, Ваше Превосходительство!” И мы от наболевшей души пожелаем Петру Михайловичу и его помощникам продолжения той честной и плодотворной работы и миролюбивой политики, начало каковой положил скромный труженик Борис Павлович Ильин. Дай Боже, чтобы Генерал и Владыка, и все их помощники работали и мыслили заодно, помня девиз: “По делам нашим будете и судить нас, мы заслужим любовь и доверие”».

По роковому совпадению именно в этот день — 25 октября 1922 г. — во Владивосток вошли части красной Народно-революционной армии. Но Петропавловск узнает об этом только через неделю.

1 ноября в семь часов вечера команда канонерской лодки «Магнит» планировала устроить танцевальный вечер в Народном доме, объявив, что вход бесплатный. Но с утра по Петропавловску стали неожиданно распространяться слухи о спешной эвакуации администрации и войск из областного центра. В городскую Управу посыпались запросы от жителей, правда ли это,

однако там толком ничего не знали приблизительно до пяти вечера — на это время городского голову вызвал к себе «внеочередно» начальник области П. М. Иванов-Мумжиев, от которого поступило уже официальное сообщение: Петропавловск по причине падения Владивостока и с ним власти Правительства М. К. Дитерихса «будет местным отрядом во главе с представителями правительства покинут, и власть в городе передается Петропавловскому городскому самоуправлению».

Из собственноручных показаний Е. А. Колмакова в ГПУ 10 февраля 1923 г.: «1 ноября стало известно, что белые выезжают на пароходах “Сишан” и “Магнит”. К вечеру на пароходы стали возить имущество, также и целый день 2 ноября. Я пошел к Иванову-Мумжиеву и Ильину с просьбой о том, чтобы не увозилось казенное имущество, в том числе с ходатайством о выдаче оружия Виттенберга (фирмы, у которой оно было реквизировано с приходом белых в Петропавловск в конце октября 1921 г. — *В. П.*). В выдаче оружия было отказано. Пишущие машинки несколько были возвращены... Мумжиев на мою просьбу обещал оставить в целости радиостанцию и сделать распоряжение ничего не ломать и не брать. Но отряд Ильина поломал окна в казенных помещениях и забрал имущество Народного дома. Им не удалось взять пианино, за которым приехали солдаты на лошади, ибо гр. Сиротин заявил, что выдаст его только тогда, когда разрешит городской голова... И с бывшим завод радиостанцией Асаевичем ходили на пароходы и просили Мумжиева выдать передаточный аппарат, который выдать отказал и обещал его прислать из Японии. Отряд-сотня Мумжиева отступил, ничего не тронув, безобразничали бочкаревы и десантная рота, хотя до этого за несколько недель Ильин мне заявил, что если под напором красных они уйдут, то сожгут весь город».

«Когда я узнал об эвакуации, — рассказывал Е. А. Колмаков, — и того же дня, то есть вечером 1 ноября, уже Управа отправила нарочного гр. Гайдамака в с. Завойку с сообщением об этом радостном событии. Завойкинский председатель общества гр. Чернышев сообщил в Начики и дальше, где находился отряд красных. И 2 ноября с японцем Мори я послал сообщение в Налычево Брагину, а тот мое письмо послал дальше Комитету. Трудно было нарочному проехать заставы... но я сам взял пропуск ему, сказал, что шлю о присылке представителей Завойкинской волости с разрешения Иванова-Мумжиева для приемки власти и всех дел от уезжающих».

Колмаков ставил себе в заслугу также то, что «готовил помещение (видимо, для возвращающегося облнарревкома. — *В. П.*), выписал муки, заказал хлеба, который и послал отряду на ферму. Попросил Иванова-Мумжиева оставить продуктов с парохода, так как таковых было мало, и не давал взять таковые из складов Ильину, о чем знает Воротников».

5 ноября 1922 г., когда белых уже, а красных еще не было в городе, газета «Камчатский листок» писала, подтверждая сказанное позднее Колмаковым:

«Лишь только городское самоуправление узнало, что город покидается, и власть передается ему, как срочно было отправлено с нарочным в село Завойко местному Волостному Комитету отношение о немедленном командировании трех представителей от Завойки и трех от Паратунки для участия в коллективе по временному управлению городом впредь до прихода Областного Комитета и вступления в свои законные обязанности».

Днем 2 ноября 1922 г. около четырех часов дня пароход «Сишан» и канонерская лодка «Магнит» снялись с якорей и направились, выйдя из Авачинской губы, в южное от Петропавловска направление. На их борту находились «все правительственные чины, их отряды и некоторые из граждан».

Спустя семьдесят два года в фондах Центра документации новейшей истории Камчатской области я обнаружил подлинник обращения последнего начальника Камчатки к нашим землякам. Называлось оно «К населению Камчатской области». Генерал-майор П. М. Иванов-Мумжиев, посланный в Петропавловск, чтобы «водворить в Камчатской области спокойствие, порядок и возможность заниматься мирным трудом», увидел, что «население здешнее, не большевистское по своим убеждениям, все же терпит в своей среде явных большевиков, позволяя диктовать им свою волю и беспощадно обирать себя». Что это значит? — спрашивает генерал и отвечает: «...на Камчатке повторяется то же, что и в Приморье, и в других областях России. Каждый ждет, что кто-то со стороны должен прийти защитить его и установить порядок. Но всякий боится вступить в решительную борьбу из нерешительности и из трусости, а отчасти и по незнанию природы большевизма». Петр Михайлович не сомневается, что население Камчатки дружно жило бы с ним и властью, которую он олицетворял, но — в мирных условиях, а нынче помощи при открытом столкновении с большевиками никакой не окажет. Проливать же кровь своей маленькой группы русских людей, не встретив в населении готовности к активной борьбе, он не желает. Не желает рисковать жизнью солдат и офицеров, ряды которых «и так все больше и больше реденут».

Этим генерал объясняет решение оставить Петропавловск и Камчатку, передав власть местному самоуправлению, и завершает обращение словами: «От души желаю всему населению, как Петропавловска, так и всего края, перенести, по возможности, безболезненно грядущее испытание. Да хранит всех Вас Господь Бог». Документ датирован 2 ноября 1922 г. По иронии судьбы, к этому дню Петропавловской городской Думе надлежало выработать положение и организовать в областном центре Приходский Совет...

Вечером 2 ноября 1922 г., после того, как белые покинули город, общее собрание горожан и Думы постановило временно экономическую и хозяйственную власть передать самоуправлению. Это постановление подтвердило на следующий день думское заседание с участием представителей Завойкинской волости. Идея совместного управления с завойкинцами отпала. Было

уточнено, что «временное управление городом в хозяйственном и административном отношении возложено на Петропавловское городское самоуправление в лице городской Управы... С приходом Камчатского Областного Народно-Революционного Комитета власть по Закону переходит последнему».

Но прежде вышеупомянутое собрание приняло обращение к Камчатскому облнарревком: «Товарищи! Под давлением сложившихся обстоятельств Вы год тому назад вынуждены были оставить нас. Мы, население г. Петропавловска, провели под властью водворившихся здесь бочкаревцев, и если тяжело было Вам среди лишений и невзгод в сопках, то нельзя было предвидеть и нашей тяжелой участи. Общее собрание граждан г. Петропавловска и представителей окрестных селений... в связи с отъездом бывшего приморского правительства, постановило: впредь, до прибытия Вашего сюда, передать городскому Самоуправлению охрану города. Мы все ждем Вас, глубоко уверенные в том, что на нас, мирных жителей города, не отразятся все те невзгоды, кои были Вам причинены захватом Камчатки бочкаревцами.

Мы искренне верим в то, что с Вашим приходом навсегда прекратится братоубийственная война и рознь, и что и над нашей далекой окраиной России воссияет светлое и радужное солнце свободы и порядка. Долгой рознь и братоубийство. Да здравствует единение и дружеская товарищеская работа».

3 ноября 1922 г. Петропавловское городское самоуправление приказом № 788 воспретило (до особого распоряжения) в пределах областного центра продажу спирта, вина и пива. Исполнение приказа возлагалось на начальника городской милиции Д. И. Пригоровского. Виновных «в нарушении сего» собирались привлекать к ответственности по ст. 29 Установления о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

В дни, свободные от белых и красных, городская Управа опубликовала несколько распоряжений. Петропавловскому казначейству было предложено впредь не производить (опять-таки «до особого распоряжения») никаких денежных операций до возвращения в город облнарревкома, а всем служащим областной канцелярии выйти на работу 6 ноября в девять часов утра и находиться там до двух дня.

Заведование казенными зданиями возлагалось на И. П. Воротникова, областной типографией — временно на И. Д. Козырева, кандидата к гласным Думы третьего созыва 1919 г. Всем гражданам предлагалось в течение двух дней с 5 ноября заявить в Управу о приобретении казенного имущества от уехавших военных. Лица, укрывшие его, предупреждались о привлечении к ответственности «с отобранием оказавшегося у них имущества в пользу казны бесплатно».

Заведовавшему некоторое время областной канцелярией Ф. Д. Стецюку поручили руководить ею, пока не вернется облнарревком. Установленная приказом бывшей белой власти плата за амбулаторный прием в городской

больнице отменялась... Городское самоуправление, оставив заведовать радиостанцией Ф. Т. Шатинского, потребовало, чтобы «все телеграммы, кои будут приняты или перехвачены, должны немедленно препровождаться в Управу для опубликования таковых во всеобщее сведение».

Одно из распоряжений Управы касалось рогатого скота. Его владельцам надлежало держать животных во дворах и не позволять бродить по городу; к виновным грозили применить всю строгость закона. Ветврач получил предписание «иметь постоянный досмотр скота, как на сельскохозяйственной ферме, так и в городе».

Последнее было, скорее всего, связано с тем, что в Петропавловск на пароходе «Сишан» в конце октября привезли казенный скот из местности, «неблагополучной по чуме, по выгрузке его... две скотины пало». Газета, выпускавшаяся самоуправлением с прежним названием «Камчатский листок», писала по этому поводу: «Председатель Думы Щипчинский и городской голова Колмаков обратились к генералу Иванову-Мумжиеву с запросом: имеется ли свидетельство пропускного пункта, и какие меры приняты по предупреждению эпидемии?»

Вызванный ветеринарный врач пояснил, что пароход находился в пути больше двух недель, что служит достаточной гарантией выдержки карантина, и на пароходе заболевание не наблюдалось. В результате объяснения был вызван капитан Ильин и получил приказание немедленно пристрелить двух подозреваемых и всех четырех облить керосином и сжечь.

На указанное городским головой место Гремучку скотины не были доставлены за неимением кунгаса, а были отвезены на свалочное место, на озеро, где, обгоревшие, остались не убраны, и только по распоряжению городской Управы вновь облиты керосином, сожжены и закопаны в яму».

В ожидании партизанских отрядов в Петропавловске развешивались красные флаги, а также японские, китайские и американские. Консул Японии Симада объявил, что на днях устраивает в Народном доме иллюзион для жителей города, причем бесплатный. Магазин Фукуда-Гуми повысил цену на молоко, и теперь бутылка стоила не двадцать копеек, как при белых, а тридцать. Тем временем, другой магазин — американский, господина Виттенберга, значительно снизил цены на все товары, в том числе на сахар-песок, который стал продаваться по двадцать копеек за фунт.

6 ноября в областном центре появился небольшой передовой отряд красных партизан. Город заговорил о том, что четыре парохода с белыми взяли курс на Петропавловск. В Управу повалили горожане — узнать, что она намерена предпринять, если это подтвердится. Управа приказала начальнику городской милиции немедленно арестовывать и препровождать в арестное помещение до разбора ею дела всех распространителей ложных слухов.

Такие же действия следовало применять к нарушителям общественной тишины и порядка в городе.

... Минула неделя после ухода белых, прежде чем облнарревком появился в Петропавловске. Произошло это в пятницу 10 ноября 1922 г.

Спустя полвека это событие в изложении газеты «Камчатская правда» выглядело так: «Холодный, чуть морозный день. Главная улица — Большая — в красных флагах. В 10 часов утра по гулким от первого снега и льда деревянным тротуарам шли партизанские отряды... Шли стройно, с красными стягами. По сторонам улицы толпились радостно улыбающиеся жители». В «Очерках истории Камчатской областной партийной организации (1917—1985)» можно прочесть: «Их встречало все население города, расцвеченного красными флагами и транспарантами. На митинге у здания облнарревкома с краткой речью выступил И. Е. Ларин. Он поздравил трудящихся с освобождением Петропавловска-Камчатского от белых».

«Камчатский листок» в 1922 г. откликнулся на возвращение красных сверхоперативно. В № 78 за 10 ноября он сообщил, что партизаны вошли торжественно, и что в действительности их встречали «граждане города и учащиеся местных школ, массою сопровождавшие их по улице до здания Областного Комитета», а «при непродолжительной остановке отряды стояли стройно, с флагами впереди. Председатель Областного Комитета И. Е. Ларин обратился к собравшимся с краткой речью приветствия». Он «выразил свое огорчение, что год назад Петропавловская городская Дума оказала приют черносотенным бандам Бирича и Полякова». Это, как и вся ларинская речь, содержалось в обращении облнарревкома.

Обращение отсутствует в издании «За Власть Советов (из истории борьбы за установление Советской власти в Камчатской области). 1920—1922 гг. Документы и материалы». Таковых здесь 107. 10 ноября 1922 г. датирован единственный (он и заключает книгу) — приветственная телеграмма Камчатского облнарревкома Владивостокскому ревкому в связи с восстановлением советской власти на Дальнем Востоке.

К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции книжная редакция при газете «Камчатская правда» выпустила сборник статей «За Власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)». В статье «Годы борьбы и побед» обращение облнарревкома к жителям Петропавловска, называемое «воззванием», сокращено более чем наполовину. Вот полный текст этого, мало кому известного ныне документа:

«К населению г. Петропавловска. Товарищи и граждане! Камчатский Областной Народно-Революционный Комитет вступил сегодня в город с двумя добровольческими Военно-Революционными отрядами.

Год с лишним тому назад Облнарревком, не получивший активной поддержки от граждан города для отпора прибывающих разбойничьих шаек

во главе с Биричем и Поляковым, постановил оставить город и уйти для работы в глубь области. К стыду Вашему приходится сознаться, что реакционные шайки нашли себе приют в Петропавловске и в нем властвовали, большею частью благодаря оказанию им полной поддержки Петропавловской городской Думой, как с начала вступления их в город, так и во время ведения вооруженной борьбы с разбойничьими шайками Облнарревкомом.

Областной Народно-Революционный Комитет не имел возможности вывезти в глубь области государственное имущество и продовольствие из казенных и кооперативных складов Петропавловска перед занятием его бандитами, хотя принимал к этому меры, но опять-таки тормозом этому делу служила все та же Дума.

Теперь вы, граждане, убедились и испытали на собственной шкуре, кого Вы год тому назад так радостно встречали, кого охраняли с оружием в руках. С глубокой горечью приходится входить в город Облнарревкому при сознании того, до чего довели город позорно бежавшие банды — продовольствие ограблено, казенные здания полуразрушены, сельскохозяйственная ферма наполовину уничтожена.

Товарищи граждане г. Петропавловска! Настала пора всем одуматься и выбросить раз навсегда дурь из головы, что трудящиеся России хотят вновь царя, хотят себе ярмо на шею. В дни великой радости, когда вся территория необъятной пролетарской России освободилась от иностранных войск, помогавших русским черносотенцам подавить власть трудящихся, мы все должны напрягать свои усилия и способности на воссоздание экономической мощи Р.С.Ф.С.Р.

Областной Народно-Революционный Комитет, призывая Вас к полному спокойствию, глубоко уверен, что Вы искренне будете помогать ему в тяжелой работе по воссозданию всего разрушенного, по улучшению культурно-го и экономического положения населения Камчатки».

11 ноября 1922 г. в три часа дня на основании ордера коменданта города, одного из руководителей красных партизан Н. П. Фролова, его помощник В. С. Ревенко арестовал председателя Думы Ч. К. Щипчинского. Часом позже был арестован городской голова Е. А. Колмаков.

18 ноября облнарревком принимает постановление, в котором значится: «Независимо от контрреволюционности Петропавловской городской Думы, избранной 15 января 1922 г. на четырехлетие по закону Колчака, считать ее упраздненной...»

22 ноября 1922 г. «как контрреволюционер» помещен в арестное помещение товарищ председателя Думы П. Т. Новограбленов. На следующий день заведующий отделом юстиции облнарревкома, вчерашний партизан В. Ц. Пересвет-Солтан уведомил коменданта Петропавловска, что «с сего числа политические арестованные зачисляются за Следственной комиссией при Революционном Трибунале».

26 ноября 1922 г. милиционер-«сопочник» С. М. Докало по предложению Фролова (на документе еще три подписи: Пересвет-Солтана и членов следственной комиссии А. Федорова и Трухина 2-го) арестовывает секретаря Думы и городской Управы В. И. Румянцева.

2 декабря взят под стражу той же комиссии гласный В. И. Артюхин — один из наиболее авторитетных думцев.

С января 1923 г. думское дело ведет уже ГПУ.

23 июля того же года выездная сессия Приморского губернского суда, оправдав девятнадцать подсудимых думцев, находит вполне доказанной вину четырех: Щипчинского («препятствовал вывозу муки Народно-Революционным Комитетом в сопки при оставлении Петропавловска»), Колмакова («выступал активно против Революционного Комитета»), Новограбленова («настаивал на принятии репрессивных мер против власти трудящихся, называя коммунистов-большевиков шайкой разбойников»), Артюхина («будучи членом меркуловского Народного Собрания, информировал о положении меркуловской власти»).

Приговор гласил: всех их «поразить в правах сроком на пять лет за преступление по статье 58, часть 2 УК РСФСР, подвергнуть условному наказанию на пять лет с конфискацией имущества... В ознаменование 5-й годовщины Октябрьской революции срок наказания сократить наполовину».

Другие камчатские парламентарии были репрессированы в 1930-е гг.: по три года лишения свободы получили А. Д. Брагин, Н. В. Савин и П. К. Шерстенников, «высылку» — Н. И. Болтенко и Е. В. Хабаров, один год «гласного контроля» — Н. Н. Селиванов. Умерли под следствием Д. А. Шигаев, Н. В. Флетчер. К десяти годам лишения свободы с конфискацией имущества был приговорен В. Е. Лунев.

Такой же срок лишения свободы тройка ПП ОГПУ Дальневосточного края определила 29 апреля 1934 г. первому председателю ПГД Александру Яковлевичу Эггенбергу, который к тому времени заведовал кафедрой общей зоотехники Благовещенского сельскохозяйственного института. На следствии Эггенберг признался, что «является участником контрреволюционной вредительской организации, существовавшей в сельскохозяйственной секции Крайплана», куда был завербован в 1925 г., и им проведена следующая «вредительская работа»: задержано развитие кролиководства в крае, по его инициативе был закрыт отдел животноводства Приморской областной опытной станции, при проектировании сельского хозяйства в крае им не учитывались в достаточной мере запасы воды для водоемов скота.

А. Я. Эггенберг не попал в список лиц, проходивших по делу «Автономная Камчатка» и расстрелянных в январе 1934 г. Среди них значились девять бывших парламентариев: Е. А. Колмаков, братья И. Т и П. Т. Новограбленовы, Д. М. Бадах, А. А. Ворошилов, И. Ф. Голованов, С. В. Ганцев, И. Д. Козы-

рев, Н. П. Корякин. В 1938 г. высшую меру с конфискацией имущества получил И. Я. Иванов.

В 1950—1990-е гг. репрессированные думцы были реабилитированы, в том числе в 1992 г. (спустя без малого семьдесят лет) осужденные выездной сессией Приморского губернского суда...

Но оставался еще один человек — Александр Антонович Пурин, первый демократически избранный руководитель области. Когда в 1917 г. петропавловцы выбирали первую Думу, его фамилия значилась в трех из пяти претендентских списков. Уйдя за границу с отрядом Русской Армии генерала П. М. Иванова-Мумжиева, он жил в Китае. Там в 1952 г. его арестовали и доставили в Хабаровск, где завели дело сразу по четырем пунктам все той же 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР. Под следствием Александр Антонович умер.

В 1996 г. мною был направлен первый запрос в Хабаровскую краевую прокуратуру, через некоторое время — второй... И вот, наконец, в марте 1999 г. А. А. Пурина реабилитировали. История первого камчатского парламента и парламентариев завершилась.

Пройдет время. Моя работа будет дополнена новыми сведениями из неизвестных нам сегодня архивных источников. Первый опыт местного самоуправления на Камчатке проанализируют историки, экономисты, политологи. Он — не сомневаюсь — покажется интересным и поучительным.

Для меня же Дума и думцы тех лет остаются, прежде всего, теми, кто помешал свергнуть Камчатку в братоубийственную бойню по материковскому сценарию. И это, по моему глубокому убеждению, их главная заслуга. А может быть, даже подвиг.

При подготовке очерка были использованы документы ЦДНИКО и ГАКО, а также хранящиеся в этих архивах местные газеты за 1917—1922 гг.